

ЮНОСТЬ

3'95

Жерар де ВИЛЬЕ
«УБИТЬ ГЕНРИ
КИССИНДЖЕРА»

Елена САЗАНОВИЧ
«ЭТО БУДЕТ ВЧЕРА ...»
Повесть

Владимир ЛИПУНОВ
«БОГ НА КОНЧИКЕ ПЕРА»

Игорь РЕБРОВ г. Москва.

На первой странице обложки:
«Над нами». Фрагмент. Темпера, фанера.

«Волшебники». Холст, масло.

«Улица Львова». Холст, масло.

ЮНОСТЬ[©]

С. Красавин. 1962 г.

Март ⁽⁴⁷⁴⁾ 1995

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ
ВЫХОДИТ С ИЮНЯ 1955 ГОДА

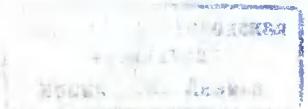
Редакционная коллегия:

главный редактор
Виктор ЛИПАТОВ

Елена ДУБЧЕНКО
заместитель
главного редактора
Натан ЗЛОТНИКОВ
ответственный секретарь
Владимир КОЖЕМЯКИН
Николай НОВИКОВ
главный художник
Юрий ПЕТЕЛИН
Эмилия ПРОСКУРНИНА
заместитель
главного редактора
Юрий САДОВНИКОВ

Редакционный совет:
Геннадий ГОЛОВИН
Сергей ДЫШЕВ
Сергей ЕСИН
Тимур ЗУЛЬФИКАРОВ
Фазиль ИСКАНДЕР
Александр ЛАВРИН
Валерия НАРБИКОВА
Булат ОКУДЖАВА
Игорь ОБРОСОВ
Владимир ОРЛОВ
Виктор РОЗОВ
Юрий РЯШЕНЦЕВ
Евгений СИДОРОВ
Владимир СОКОЛОВ
Лев ТИМОФЕЕВ

Коммерческий директор Феликс МАЗУР
Представитель журнала в Париже
Валерий ПРИЙМЕНКО

ЭТО БУДЕТ ВЧЕРА...

*Повесть**

Рисунки Михаила Яшина

ГРИГ

Солнце обжигало лицо, обжигало руки, проникало своими горячими лучами через мою одежду. Я не любил солнце. Оно вызывало в моем сердце печаль и смутные грустные воспоминания. Ярко-рыжий цвет солнца резал до боли мои глаза. И я носил всегда солнцезащитные очки. Словно таким образом пытался защититься от солнца. И иногда мне это удавалось. В темных очках я видел мир более реальным: более точные очертания фигур, более точные очертания домов, более точные линии деревьев, более конкретное очертание жизни. Жизни, которую я так любил. И которую всегда воссоздавал на фотографиях. И все-таки на моих фотографиях не просто копия жизни. Может быть, именно поэтому меня и признали лучшим фотографом времени.

В общем, мне одному удалось невозможное. С помощью фотоаппарата разгадать тайну жизни, тайну живой и неживой природы.

Мне удалось многое, но, наверно, еще не все. Мое имя гремело на весь мир, и это тешило мое тщеславие. Но в глубине души я все-таки прекрасно понимал, что это еще не предел. И сегодня, бродя по раскаленной каменной набережной, защищенный темными очка-

* Журнальный вариант.

ми, я пытался вновь и вновь в этом старом и скучном мире совершил открытие.

...Она стояла ко мне спиной, перевесившись через перила, и гляделась в мутную воду городской реки. И я резко остановился. Я, как хищник, почуял добычу. Я еще не видел ее лица. Но сердце мое подсказывало, что в чертах ее лица я найду то, что искал долгие годы, что, запечатлев ее лицо, я смогу разгадать наконец настоящую и единственную тайну мира: победы и поражения, пороки и благородство, страсти и равнодушные.

Она стояла ко мне спиной. В длинном до пят светлом плаще. И шелковый легкий шарф разевался на ветру. И я даже не успел подумать, почему в такую жару она так странно одета. Я мог только любоваться очертаниями ее фигуры, почти нереальными, словно она явилась с другой планеты и словно что-то хочет поведать нам.

И она почувствовала мой пронизывающий взгляд и плавно повернулась ко мне. И я вздрогнул. Моя интуиция меня не подвела. Лицо бледное, его черты словно выточены из камня. Угольные волосы, угольные брови, угольные глаза. Она была необыкновенно красивая. И я, повидавший на своем веку немало красавиц, я, привыкший к легким победам, все-таки оробел. Может быть, от ее испепеляющего взгляда, заставляющего холодеть тело, несмотря на жару. Ее глаза, черные-черные, даже не видно зрачков, в упор смотрели на меня. И я ничего в них не мог прочитать. Наконец я громко кашлянул, словно так пытался прервать наше затянувшееся молчание. А она внезапно расхохоталась. Белозубая улыбка. Звонкий смех. И встряхнула своими длинными черными волосами.

— У вас кашель в такую жару? — сквозь смех проинесла она. И я не мог понять — издавалась она надо мной или спросила из любопытства.

Я оглядел ее с ног до головы. И только теперь по достоинству оценил ее наряд.

— А вы всегда в жару так одеты?

Она почему-то поежилась. И еще туже завязала на шее шелковый шарф.

— Всегда, — просто ответила она. — Мне никогда не бывает жарко. Солнце меня не мучит. — И она резко приблизилась ко мне и сорвала с лица темные очки. От неожиданности я зажмурился. Но было уже поздно. Солнечные лучи успели пронзить мои глаза насекоз. И по моему лицу потекли крупные слезы.

— А вот вас солнце мучит, — она небрежно нацепила мне на нос очки, — впрочем, мне всегда нравилось, когда плачут мужчины. Таким мужчинам я всегда доверяла. Они умеют говорить правду. Они не таят правду в себе.

— Я плачу всего лишь от солнца, — отрезал я, потому что терпеть не мог слез. Они мне смутно напоминали прошедшую грусть. Прошлое я не любил. — И все-таки, несмотря на то, что я не умею плакать, вы мне можете доверять.

И вновь этот испепеляющий взгляд. Насквозь. До боли. И ничего невозможного прочитать в этихочных глазах.

В ней было что-то нереальное, неземное, что притягивало меня, что заставляло бешено стучать сердце. И меня пугало, что я не могу разгадать ее тайну, тайну этих очных глаз, тайну этого длинного до пят плаща не по сезону, тайну этого равнодушного смеха. И я отлично понял, что только мой верный друг, мой фотаппарат поможет мне понять все. Вот тогда держись,

черноволосая красавица! На моих снимках твоя душа будет разделана, как на операционном столе. И я до мелочей узнаю все ее тайные помыслы. И я ясно вдруг осознал — вот она, вершина моего творчества, моей славы...

— Вы что-то сказали? — Она вскинула свои дугобразные брови.

— Разве? Нет... Что вы... Вам показалось, — проговорил я.

Мне стало неловко. Черт! Она так вскружила мне голову, что я уже начинаю разговаривать вслух.

— А мне послышалось что-то про творчество, какую-то вершину...

Я не знал что ответить. Она ответила за меня.

— Вы, видимо, занимаетесь творчеством? Ну, конечно! Как я сразу не догадалась! Правда, трудно догадаться по вашему виду.

Чертовка! Что она имеет против моей внешности! Я всегда знал, что прекрасно выгляжу. Оттуюженный белый летний костюм, дорогие белые туфли — ни одной пылинки...

— Вам не хватает только белых перчаток, — перебила она. — Или в перчатках не занимаются творчеством? А в солнцезащитных очках?

— Я их снимаю в помещении. Там нет солнца.

— А я думала, что солнце есть везде, если его очень захочешь. Простите, вы же не любите солнца.

— Я не люблю жару, — поправил я ее. — А в остальном вы правы. Я занимаюсь творчеством. Я — фотограф. — Мне надоела эта пустая болтовня, ни к чему не ведущая. И я решил сразу приступить к делу. — Я — известный фотограф. Моя фамилия Гордеев. Григорий Гордеев.

Она всплеснула руками, словно от восхищения. Но я ей не очень поверили. И в ее словах я все время улавливал какой-то смысл.

— Бог мой! — Она улыбнулась своей белозубой улыбкой. — Сам Гордеев! В это трудно поверить. А я почему-то всегда думала, что у вас рыжие волосы и рыжая борода.

Я поморщился.

— Я не люблю рыжий цвет.

— А еще я думала, что вы непременно курите трубку.

— Я вообще не курю. Впрочем, и не пью тоже.

Она вздохнула. И вытащила из кармана плаща пачку сигарет.

— Жаль. А я бы с вами с удовольствием выпила.

Не буду лгать — с ней мне тоже чертовски захотелось выпить. Хотя давным-давно завязал. Эти жалкие привычки остались в моем прошлом. Прошлое я не любил. Но с ней мне чертовски захотелось выпить. Она рушила мой привычный мир, и это меня раздражало. И волновало не меньше.

— Ну, в таком случае я приглашаю вас к себе на бокал хорошего легкого вина.

И я тут же успокоил свою совесть, что пригласил ее исключительно ради дела.

Она взяла меня под руку, и мы зашагали по каменной мостовой. Я замечал, что на мою спутницу бросали восхищенные завистливые взгляды. И мне это льстило. Я уже знал, что совсем скоро она станет моей. И от этих мыслей мой пыл несколько угасал. Я думал, что она гораздо нереальнее и гораздо неприступней. И все-таки эта женщина так вскружила мне голову, что я даже забыл спросить, как ее зовут.

— Кстати, меня зовут Ольга.

— Мне нравится ваше имя. — И я слегка пожал ее руку.

— Мне тоже.

Она медленно бродила по моему дому. И впервые в ее глазах я заметил замешательство. Ага! Видно, это замешательство — уже первый штрих к ее портрету. Я гордился своим большим просторным домом. Я создавал его сам, собственными руками, собственным трудом, собственными бессонными ночами. И мне это удалось на славу. Стены мягких пастельных тонов. Картины известных мастеров. Узорчатые ковры на полу. Удобная мебель. В моем доме было все, что нужно. В нем не существовало хаоса и бардака. В нем царили величие и покой.

— Странный дом для мужчины, — наконец выдавила она. — Наверно, этот дом похож на вас.

Я пожал плечами.

— Наверно.

Она выпила два бокала вина. И ее глаза засияли. Но в них я так и не увидел зрачков. Она по-прежнему оставалась чужой. И в ее глазах по-прежнему была ночь. И только мой фотоаппарат был способен разрешить все проблемы. К тому же наше молчание затянулось. И я предложил ей сфотографироваться. И со страхом ожидал отказа. Но она неожиданно легко согласилась.

— Хорошо. Только ответьте, Григ... Так, кажется, вас называют?

— Я слушаю.

— Я видела много ваших снимков. Они, действительно, прекрасны. Они действительно раскрывают душу живого и неживого мира. И все же... Все же ни на одной фотографии я не увидела женщины. Почему?

Я приблизился к окну. И выпил еще, хотя прекрасно понимал, что больше мне пить не стоит. Я не хотел отвечать ей. Она толкнула меня на воспоминания. Прошлого я не любил.

— Считайте, что вы — первая женщина, чья душа для меня загадка. И я хочу во что бы то ни стало ее разгадать. — И я резко повернулся к ней. И бокал дрогнул в моей руке. И вино пролилось на мой дорогой костюм. Я поморщился. Я так не любил пятен на одежде. Но я был уже достаточно пьян. И я махнул рукой.

— Жаль, — грустно улыбнулась Ольга, — такой красивый костюм. Белый, чистый. И это пятно от вина. Как вы думаете, оно его испортит?

Я бросился к ней. И, не помня себя, забыв начисто свое настоящее и будущее, уткнулся головой в ее острые колени, чтобы она не увидела моих слез. Я знал, что мне пить не стоит. Вино всегда делало меня слабым, срывало с меня ту маску, которую я так удачно подобрал и которая почти приросла к моей коже. Но мне вдруг так захотелось уткнуться лицом в ее колени, как когда-то, тысячу лет назад. Мне вдруг именно ей захотелось открыть свое прошлое, которое я не любил. И от которого давно отказался...

— Я не видела ваших слез, Григ. Можете быть спокойны.

— О чем вы? — Я поднял к ней мокрое лицо.

— Просто так. Ни о чем. А теперь идемте в вашу мастерскую. Мне хочется позировать вам.

— Правда?

— Чистая правда, — загадочно улыбнулась она.

Я щелкал затвором как-то отчаянно, надрывно. Но моя рука была на удивление твердой и фотоаппарат ни разу не подвел меня и не дрогнул. Но сердце мое кричало: «Откуда эта боль? Почему ты мне ее принесла, Ольга? И зачем? Что со мной, Ольга? Какие-то груст-

ные воспоминания. Я их сумел утопить в своей памяти. И зачем они вновь вспыхивают? Зачем, Ольга?»

Вспышка в черной комнате. Еще вспышка.

Ее лицо было почти мертвым. Но я знал, что фотографирую ее душу. И ее душу я разгадать сумею. И ее душа станет триумфом моего творчества. Воплощением моей мечты. И сумеет разгадать эту никем еще не разгаданную жизнь. Я стал сегодня сильнее Бога. И я победил.

Вспышка в черной комнате. Еще вспышка, ворвавшаяся в безмолвную ночь.

— Вот и все. — И я облегченно вздохнул.

Она встала. И показалась еще красивее. Хотя, возможно, свет прожектора так удачно рассеял свои лучи на ее бледном лице.

— Это будет самая удачная съемка в моей практике. Поверьте, Ольга. Где вас найти?

Она ничего не ответила. И медленно приблизилась ко мне. И вдруг до острой боли меня поцеловала. И я покачнулся. И вновь рой неосознанных мыслей пронесся в моей голове, какие-то обрывки прошлого, маленькие кусочки чьей-то боли. Но это длилось всего лишь миг. Ольга так же резко отпрянула от меня. И уже у выхода обернулась:

— Я сама вас найду, Григ, — и она улыбнулась. И что-то страшное проскользнуло в ее улыбке — словно нечеловеческий оскал. Но мне это тоже, наверное, показалось. Во всем виноваты моя темная комната и рассеянный свет прожектора.

А сегодня ночью мне предстояла работа. И я тут же, не откладывая в долгий ящик, решил проявить пленку.

Меня охватило необыкновенное волнение. И этой радостью я не мог не поделиться со своим лучшим и единственным другом Филимоновым. Но все его звали просто Филом.

— Фил! Привет, Фил. Ты еще не спишь? — взволнованно сказал я телефонной трубке.

— Сплю, конечно. Но — не один. Завидуешь?

— Ты мне нужен, Фил. Ты мне очень нужен именно сейчас. Приезжай!

Телефонная трубка издала громкий притворный вздох. А за ним последовал не менее громкий зевок.

Но я знал, что Фил обязательно приедет. Он был настоящим и единственным другом. Я прекрасно понимал, что меня не любили. Что мне завидовали. И я отлично знал, что Фил — единственный, кто мне желал в этом мире добра. Мы с ним были удивительно разные. Я никогда не расставался с холодной маской, которая приросла уже к моей коже и надежно защищала меня от жизни. Фил же, напротив, был удивительно легок, естественен, непосредствен. Он мчался навстречу жизни, ни капли не боясь ее, а бесконечно споря с ней, размахивая кулаками, беспрерывно спотыкаясь и падая, набивая шишки и синяки. И вновь поднимаясь. Но меня никогда не покидало предчувствие, что он рано или поздно плохо кончит. И если честно, я ему в глубине души завидовал. Ослепительное солнце светило ему прямо в лицо. Он не боялся жарких лучей.

Мы с ним познакомились на одной изотовыставок, где представлялись наши работы. И я сразу же уловил этот яркий, ослепляющий солнечный свет в его фотографиях. Его работы светились, сверкали, смеялись, в них всегда кипела жизнь. Жизнь, не приукрашенная невзгодами и горестями. В них кипело само счастье жизни. О чем мечтал каждый из нас.

Мои же фотоснимки были необычны, причудливы и тяжелы. И в них всегда чувствовался скрытый смысл.

У Фила тогда был шанс прославиться. Стоило только поздороваться с кем нужно, поклониться кому нужно, улыбнуться кому нужно и со всеми обязательно выпить. Но Фил легкомысленно махнул на всех рукой, и этим шансом умело воспользовался я.

А Фил просто подошел ко мне сам. Широко улыбнулся и протянул руку.

— Мне нравятся твои работы, старик. Я тебе желаю удачи.

И я поверил ему. Так завязалась наша дружба.

И сегодня ночью я только Филу мог показать свои работы.

Он приехал, как я и ожидал. И совсем скоро.

— Чертовски рад тебя видеть, старик! — заорал он с порога. — При ночном свете ты выглядишь лучше, поверь.

— Привет, Фил. — Я крепко пожал его руку.

Выглядел он, как всегда. И я в глубине души завидовал его внешности. Он, юркий, невысокий, длинноносый, почти некрасивый, обладал удивительным обаянием, покоряющим окружающих. Он никогда не носил костюмы, галстуки и темные очки. Небрежный, рваный, даже неопрятный, он все равно умел покорять всех. И это меня даже раздражало. Потому что я так жить уже не мог.

— Ну, и чем ты порадуешь? — широко улыбнулся Фил и хлопнул меня по плечу. — Не сомневаюсь — очередным шедевром?

— Ты угадал, Фил. Я сейчас проявляю одну любопытную пленку. Поверь, это очень для меня важно. И твое присутствие мне просто необходимо.

— Прекрасно! А я в это время с твоего позволения выпью, идет?

Я поморщился. Мне тоже чертовски хотелось выпить. Но я уже жить так не мог.

— Валяй, Фил. Ты знаешь, где бар.

Он мигом очутился у бара. И вытащил бутылку коньяка.

— О! Григ! Ну у тебя и запасы! Я такого лет сто не пил. А возможно, и никогда. Обожаю коньяк.

Я тоже обожал коньяк. Но вот уже несколько лет к нему не прикасался. Но из какого-то мазохизма всегда его покупал. И мой бар был набит спиртным.

— А какая закуска! Ну ты даешь!

Фил уже бесцеремонно копошился в холодильнике, вытаскивая копченую рыбу, сыр, креветки. При этом причмокивая языком и облизываясь. Похоже, до великого искусства ему не было никакого дела. Он, как ребенок, радовался. Наконец Фил повернулся ко мне, словно только что вспомнил о моем существовании.

— Не присоединишься, а, Григ?

Я отрицательно покачал головой.

— Я проявлю пленку. А ты смотри, не нажрись до моего прихода. Это, поверь, очень важно.

— Я и не сомневаюсь в этом.

А я вот сомневался, что для него вообще существует такое слово, как «важно». И пока репил не рассказывать о нашей случайной встрече с Ольгой. Мне захотелось сразить его наповал. Потому что, несмотря на его чудовищное легкомыслие, он как никто умел по достоинству оценить прекрасное. И главное — он не умел лгать.

Во время работы меня охватило странное волнение. Наступила слабость. Но я трудился, как машина, с необыкновенной точностью, аккуратностью, не допуская ни малейшей ошибки.

С пленкой в руках я зашел к Филу. Он уже успел опустошить полбутилки. И его зеленые глаза блестели в полумраке.

— Фил, я очень волнуюсь. Взгляни ты, Фил. — И я протянул пленку.

Он, не включая свет, долго рассматривал пленку, наморщив лоб.

— М-да. Качество великолепное. Я всегда знал, что ты гениальный фотограф. Но такие странные кадры... Что-то непонятное... Ты знаешь, у меня даже дрожь пробежала по телу. Какую душу на сей раз ты решил разделать, мой дорогой коллега?

— Это пока секрет. А сейчас я сделаю эти снимки.

— Ты не хочешь даже взглянуть на пленку?

— Я не хочу подготовительного этапа, Фил. Мне нужен внезапный взрыв.

— Смотри не ошибись. — И Фил серьезно на меня посмотрел, что ему было не свойственно.

— Одно из моих главных достоинств — это то, что я давно не ошибаюсь. Все свои ошибки я похоронил в прошлом.

И я прикрыл за собой дверь. Оставил его растерянного с бутылкой наедине. А сам принялся за работу. Я сделал на маленьком клочке бумаги пробный снимок. Качество действительно было превосходное. И дальше, уже как робот, твердой, точной рукой я печатал один за одним снимки.

Это было странно, но впервые за годы работы я не мог взглянуть на фотографии. То ли страх сковывал меня, то ли предчувствие скорой победы. Так или иначе, волнение, заполнившее мое сердце, не позволило мне посмотреть на оттиски. И я, бросив снимки в закрепитель, тут же направился к Филу. Я был бледен, руки мои слегка дрожали. И на шее заметно пульсировали вены.

— Что с тобой, старик? — округлил свои кошачьи глаза Фил.

— Фил, я уже не могу. Пойми меня. Я сделал все, что мог. Теперь очередь за тобой. Ты должен завершить. И ты первый должен взглянуть на них.

— Вылей, старик. И поверь, все станет на свои места.

— Я не пью, Фил, — сквозь зубы прощедил я. Мне так хотелось выпить.

— Ты хочешь долгой жизни, Григ? Я угадал?

— Тут нечего угадывать, Фил. Я считаю — этого хочет каждый.

— Но каждый при этом живет по-своему. И живет сколько ему отпущено. Ни больше и ни меньше. Наверно, так, как подсказывает сердечко.

— Мое сердечко мне подсказывает не пить. Я не хочу терять удачу! Не хочу терять этот дом, не хочу терять ощущение реальности, черт побери! Я не хочу лежать над землей. Я хочу чувствовать почву под ногами.

— Ну, во сне ты хотя бы летаешь? — усмехнулся Фил и залпом выпил очередную рюмку.

— Мне давно не снятся сны. И поэтому я тоже счастлив.

— А мне вот частенько снятся кошмары.

— Поверь, ты сам к этому подошел.

— Но иногда я вижу удивительные, легкие сны. И, поверь, ради них стоит так жить!

— Я сплю исключительно ради отдыха. В отличие от тебя, я много работую, Фил.

Он поднял на меня уставший, поблекший взгляд. Его лицо после выпитого осунулось, побледнело и все-таки, черт побери, не утратило своего природного обаяния.

— Ты всегда прав, Григ. А я — никогда. Может быть, поэтому ты и стал моим лучшим другом. Твоя правота как-то компенсирует мои бесконечные ошибки.

А я в свою очередь подумал, что его бесконечные ошибки, которым я в глубине души завидовал, как-то компенсируют мою правильно запрограммированную жизнь. Но вслух этого я не сказал.

— Ладно, Фил. Уже время. Иди первый. Взгляни на них.

Фил с готовностью кивнул. Широко улыбнулся. И подмигнул блестящим кошачьим глазом.

— Все будет класс, старик. Главное — ты не волнуйся.

...Его не было очень долго. Как-то слишком долго. И не волноваться было выше моих сил. И я решительным шагом вышел из кухни.

Фил сидел на полу, обхватив руками свою лохматую голову, перед ванночкой, в которой плавали мои законченные шедевры. Я раньше никогда не видел таким Фила. Его подбородок дрожал. На бледном лице застыл ужас. Зеленые глаза тупо смотрели на плавающие фотоснимки.

— Фил! — мой голос дрогнул.

Он медленно повернул голову и так же тупо уставился на меня.

— В чем дело, Фил? — почему-то прошептал я. Но он по-прежнему не ответил.

И я не выдержал. И бросился к ванночке. И схватил первую попавшуюся карточку.

— Нет! — вскрикнул я и тут же ее бросил. — Нет! — Я попятился к двери, закрыв лицо руками. — Этого не может быть! Это неправда! Нет! Нет!

— Кто это, Григ? — услышал я приглушенный голос Фила, словно издалека. И опустил руки.

— Кто это, Григ?

Но я ответить не мог. К тому же в дверь внезапно громко настойчиво посучали. И я с ужасом смотрел на свою дверь, словно за ней скрывалось что-то для меня страшное.

— Откройте! Немедленно! — послышался властный мужской голос.

Фил тяжело поднялся и направился к двери.

— Не открывай, Фил, — обессиленный, опустошенный прошептал я и опустился на пол. Но Фил не услышал моей жалкой просьбы.

И дверь распахнулась. И раздались громкие решительные шаги. Я уже знал, зачем пожаловали эти гости. Но по-прежнему не мог в это поверить. И боялся поднять на них глаза.

— Вы, если не ошибаюсь, Григорий Гордеев, — услышал я женский голос. И мне он показался до боли знакомым. Словно совсем недавно я его слышал. И я поднял уставший взгляд. И тут же вскочил с места.

— Ольга! Я знал, что вы придетете, Ольга! Вышло какое-то недоразумение. Объясните мне все наконец, Ольга!

Она выглядела, как и прежде, ослепительно. Черноволосая, чернобровая, в длинном до пят плаще, и шелковый шарф небрежно заброшен за плечо. И как тогда — холодна.

— Извините. — Она пожала плечами. — Но я с вами не знакома. Меня, действительно, зовут Ольга. Но вы, видимо, другую женщину имеете в виду.

Я резко отпрянул от нее. И с ужасом разглядывал ее лицо. Лицо, которое я совсем недавно фотографировал.

— Это ложь. Вы — Ольга. И я вас несколько часов

назад снимал на пленку. Вы были вот здесь. В этом доме, — я говорил сбивчиво, взъерошившись, и мои глаза горели бешеным гневом. — Вы — Ольга. Вы пили мое вино. А потом поцеловали меня. Вы меня поцеловали до боли. Я этот поцелуй никогда не забуду.

— Ольга ваш адвокат, — услышал я хорошо поставленный мужской голос. И резко обернулся. И только теперь заметил ее спутника, прислонившегося к стене. Он был очень красив, по-моему, чересчур красив, чересчур дорого и элегантно одет. Так, что даже я, забыв про свое положение, позавидовал его внешности. Утонченные черты лица, широкий подбородок, холодные светлые глаза, пронизывающие меня насквозь. И холодная вежливая улыбка.

— Ольга — ваш адвокат, — повторил он, все так же, чересчур вежливо, улыбаясь. Вообще, в нем все было чересчур.

— Адвокат? — машинально переспросил я. — Я не нуждаюсь в адвокатах. Мне не от кого защищаться.

— Как знать, как знать. Я буду вести ваше дело. А если дело открыто, поверьте, вам будет легче, имея за спиной такого прекрасного опытного адвоката. — И он галантно поклонился Ольге. — Кстати, моя фамилия Дьер. Можете называть меня просто по фамилии.

Дьер. Странная какая-то фамилия. Не успел я об этом подумать, как он тут же ответил на мои мысли.

— Нет ничего странного. На земле проживает столько людей, что моя фамилия вполне имеет право на существование. Но это детали. А теперь мы перейдем к делу, Григ. Так, кажется, вас называют?

К делу... К делу... Мысли мои путались. И вдруг я заметил, как Фил, словно сообразив за меня, попятился к двери. Но это, к сожалению, заметил не только я.

— Остановитесь, Фил, — резко приказал Дьер. И одним прыжком, так не подходившим к его элегантной внешности, очутился рядом с моим другом. И резко перехватил его руку, которую он прятал за спиной. В руки Фил держал мокрые фотоснимки. И вода медленно стекала с них на пол.

— Сокрытие вещественных доказательств карается законом, дорогой Фил. — И Дьер улыбнулся своей безжизненной улыбкой. — Но я вас прощаю. — И он протянул руку.

Чуть помедлив, Фил передал ему снимки. И Дьер впился в них жадным взглядом. Что-то пугающее было в его лице, когда он рассматривал фотографии. Его лицо дышало открытым торжеством, и его холодные глаза словно упивались увиденным. И мне даже показалось, что в этот миг он необыкновенно счастлив. Дьер резко повернулся ко мне.

— Ну, Григ, взгляните на эти снимки. Или вы еще в чем-то сомневаетесь? — И он медленным шагом направился в мою сторону, все так же холодно улыбаясь и протягивая фотографии.

И я не выдержал.

— Нет, — выкрикнул я, отступая назад и держа руки перед собой, словно защищаясь. — Нет, пожалуйста, только не это.

Но каменное лицо следователя и его безжизненная улыбка не изменились. И он так же спокойно, невозмутимо продолжал наступать на меня, протягивая снимки.

— Нет, — уже бессильно бормотал я и в отчаянье закрыл лицо руками.

Я не мог видеть эти фотографии. Один раз взглянув, я уже все понял. И в то же время ничего не понимал. На них не было прекрасного лица Ольги, черноволосой, чернобровой красавицы Ольги, которую я

однажды встретил на набережной. Каждый кадр — это смерть. Каждый кадр — это боль. Каждый кадр — это преступление, которое я, клянусь самым дорогим в жизни, не совершал.

— Странное качество, Григ, — услышал я словно издалека, словно из тумана, словно из неведомого мира металлический голос Дьера. — Странное качество, Григ. Я раньше не сталкивался с таким явлением. Вы сделали шаг вперед в фотоискусстве. Похвально. Черно-белые фотоснимки. И только кровь — алая, сочная. Вы посмотрите, удивительно яркая...

Я убрал руки от лица. И сразу же увидел снимки, которые Дьер разбросал веером. И я уже не мог оторвать взгляда от них. Мои ноги подкашивались. Но мои глаза все глубже и глубже погружались в этот мир смерти. Действительно, странно. Я же делал цветное фото. И почему? Почему вдруг черно-белое качество? И почему только кровь — яркая, сочная, алая...

— И даже пахнет кровью, — перебил мои мысли Дьер. И нарочито громко вдохнул воздух.

В воздухе, действительно, запахло кровью.

А на фотоснимках — она. Везде — только она. Ну, конечно. Я ее узнал сразу. Несмотря на безжизненное тело, раскинутые руки, на ужас, застывший в глазах, на подогнувшие от боли острые коленки. И яркая лужа крови. И кровь на платье. И кровь на руках. И кровь, размазанная по лицу. О более зверском убийстве я никогда не слыхал в своей жизни.

— С более зверским убийством я не сталкивался в своей жизни, — монотонно начал Дьер. — А вы, Григ?

— Я? — Тощнота подкатывала к горлу, и мне трудно было выдавливать из себя фразы.

— Да, именно вы. Страшное убийство, не правда ли?

— Правда.

— А вы смели недавно утверждать, что не нуждаешься в адвокатах. — И Дьер тихонько засмеялся металлическим смехом.

И я не выдержал и бросился к Ольге. Она молча стояла, прислонившись к стене, и ееочные глаза неотступно следили за мной.

— Ольга! Бог мой! Ольга! Ну скажите же наконец! Ну объясните же им! Что это неправда! Что вы совсем недавно были со мной. Пили мое вино. А потом поцеловали крепко-крепко! Ну же! Скажите им, Ольга!

Она смотрела на меня, как на сумасшедшего. И в ее глазах даже промелькнуло снисходительное сочувствие.

— Григ, я вас вижу впервые. И вы прекрасно это знаете. Вы неправильно ведете себя, Григ, если хотите, чтобы я вас защищала. А вы мне должны верить. Я неплохой адвокат, правда, Дьер? — И она подарила следователю ослепительную улыбку.

Он в ответ только развел руками. Для него это было неоспоримо.

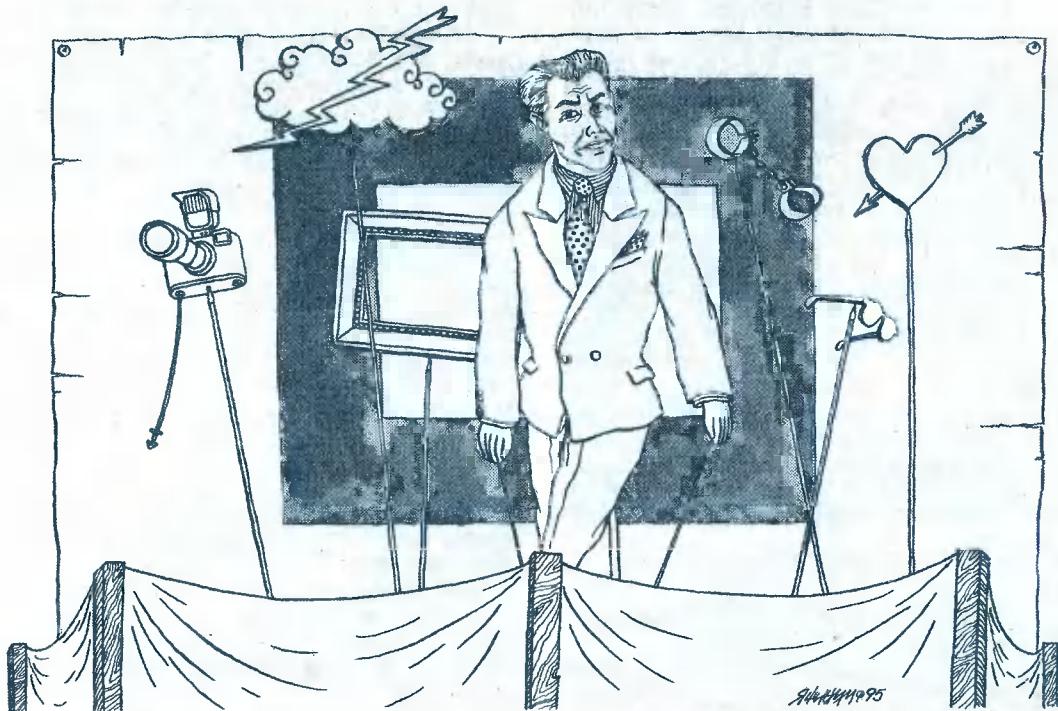
— Считайте, Григ, что вам крупно повезло. Гильотину могут заменить электрическим стулом. А электрический стул — такой пустяк. И никаких лишних мучений. И всего лишь вспышка яркого света. Как вспышка солнца в ночи. Вы сможете увидеть солнце в ночи, Григ. Это не каждому дано. Так что считайте, что благодаря Ольге вам крупно повезет.

— Боже! — я лихорадочно надавил на виски. — Что это, Боже, — мой голос стал мягче, ровнее. Мне даже на миг показалось, что я начинаю привыкать к этому сумасшедшему дому. А возможно, я просто устал.

И тут, словно впервые, заметил Фила. Славный, всегда не унывающий, всегда умеющий найти выход из любой ситуации, Фил за эти часы постарел на несколько лет.

— Фил, — жалобно начал я. — Но ты ведь мне веришь, Фил?

Он не сказал ни слова. Он только прикрыл глаза. И я отлично понял, что он, даже если не может поверить мне, то настолько же не может поверить и им. Это

означало, что у меня еще оставался шанс. И я неверно себя веду. Мой страх словно подписывал мне приговор. В конце концов, если я невиновен — мне абсолютно нечего бояться. Абсолютно. Я даже не узнал, кто эти люди. Я даже не выяснил откуда они узнали про фотографии. К черту! Все это блеф!

— У вас есть ордер на его арест? — словно прочитав в глазах мои мысли, спросил Фил.

— Безумно, — мило улыбнулся Дьер и протянул бумагу. — Кстати, вот и наши удостоверения.

Фил молча изучал их. Я же не захотел даже взглянуть на эти бумажки. Но по выражению лица Фила я понял, что это серьезно. И далеко не блеф. Но все-таки решил не сдаваться.

— Можно мне позвонить?

— Пожалуйста! Ради Бога!

Я отыскал в справочнике номер прокурора нашего городка. И тут же набрал номер. Я знал его давно. Он был большой поклонник моих фотографий.

— Алло! Алло! — взволнованно начал я.

— А! Это ты, Григ! Я узнал тебя, — сухо начал он. — Кто бы мог подумать! Но факты неоспоримы. У тебя действительно нашли эти фотки?

— Да... Но...

— Влип ты серьезно. И, к сожалению, ничем помочь не могу. Дело передано в высшие инстанции. Лучшие профессионалы из столицы будут вести твоё дело. Так что целиком и полностью доверяй им. И лучше всего расскажи правду. Может быть, это как-то облегчит твою участь. Хотя скандала не миновать. А в остальном положись на Бога.

— Да уж, конечно, не на черта. — И я со злостью бросил трубку на рычаг.

— Да уж конечно, — услышал я за спиной гнусавый-прегнусавый голос. И резко оглянулся. На пороге топтались еще одни милые гости. Я выпарашки на них глаза. Хотя за сегодняшнюю ночь я птихоньку стал привыкать к сюрпризам, этот мне меньше всего понравился.

На пороге стоял маленький человечек, почти карлик, с длинноющим крючкообразным носом, на котором болтались кругленькие очки. Его круглая голова была абсолютно лысой, на квадратном теле висел костюм в ярко-оранжевую полоску, а на подставном плечике гордо восседал огромный-преогромный попугай. Я, как фотограф, много куролесил по свету, такого чучела я нигде не встречал. Попугай был настолько огромен, что, казалось, в атлетическом сложении пре-взошел своего лысого хозяина. Но самое поразительное — он как две капли воды походил на лысого. Без хохолка на голове, в кругленьких очках на крючкообразном носу и костюме в ярко-оранжевую полоску.

И рядом с этой прелестной парочкой возвышался не менее мерзкий верзила, почти задевая своей острой макушкой потолок. Он улыбался подгнившими зубами, то и дело встряхивая длинными слипшимися волосами. И все время пытался записывать в огромном блокноте с изображением золотого павлина на обложке. И мой эстетический вкус был начисто оскорблён его грязными ботинками, дырявыми шортами и обкусанными ногтями.

Дьер их встретил как самых родных и близких на свете людей.

— Чудесно! Вовремя! Вас здесь как раз и не хватало.

Мы с Филом невесело переглянулись.

— Ну что ж. Вот и вся следственная группа в сборе.

— Прелестная группа! Прелестная! — прогнусавил это мерзкое чучело на плече лысого.

Фил свирепо на него покосился. А Дьер дружески похлопал попугая по спине. И улыбнулся.

— Ну, без тебя, Ричард, всякое дело обречено на провал. Чертовски рад тебя видеть.

Он еще к тому же и Ричард, невесело усмехнулся я. А мой друг сквозь смех, душивший его, спросил:

— А это что еще за компания?

Дьер возмущенно всплеснул своими выхоленными руками.

— Вы не имеете чести знать?! О! Насколько, оказывается, необразованы люди нашего искусства.

— Ужасно необразованы! — прогнусавил Ричард.

— Ну да, конечно, им, великим художникам, постигающим мир чисто зрительно, не дано знать, что существуют великие люди, постигающие мир с помощью анализа и чувств.

Я нахмурился. Мне, если честно, не внушали доверия чувства с такими рожами.

— Ну что ж! — И Дьер театрально взмахнул рукой.

— Известный во всем мире психоаналитик Брэм, — и он указал на лысого. — И не менее известный во всем мире журналист Славик Шепутинский.

Славик Шепутинский мне понравился почему-то меньше всех. И я свирепо взглянул на его блокнот. Дьер тут же перехватил мой взгляд.

— Славик слабо владеет словом, высказанным вслух. Выстроенные фразы не для Славика Шепутинского. Да и нет — вот единственны слова, которые он в состоянии произнести. И он где-то прав. В остальном для него главное — это мысли на бумаге. А мысли на бумаге — это его право. Впрочем, как и его право говорить только два слова — да и нет. Да, Славик?

— Да, — коротко ответил Славик и вновь стал что-то лихорадочно записывать.

— Мысль изреченная — есть ложь, — в нос заговорил лысый Брэм. — Как сказал поэт.

— Впрочем, не изреченная — есть ложь тоже. Как сказал я, — в тон ему прогнусавил Ричард.

О, они еще и интеллектуалы, отметил я про себя.

— О, это умнейшие, начитанные люди, — вновь продолжил мою мысль Дьер. — Вы знаете, Брэм без ума от животного и растительного мира. Он изучил его досконально. Ведь только поняв, постигнув до конца природу, можно понять, постигнуть до конца человека. Разве не так?

— Мы не раз спорили на эту тему с моим двоюродным братом, — тут же подхватил разговор лысый психоаналитик. — Кстати, его фамилия тоже Брэм. Не знаю, знакомы ли вы с его трудами. Но его главная ошибка в постижении мира та, что он его описал. И поэтому остался навсегда больше писателем, чем психоаналитиком. Я же пошел дальше его. Я отлично усвоил, что высказанные мысли на бумаге теряют свой изначальный блеск и действительно превращаются в ложь, как мудро заметил поэт. Я оставляю их при себе. Поэтому я в силах помочь многим. В том числе и вам.

— Я еще не сошел с ума, и думаю, мне ваша помощь не пригодится.

— Ой-ой-ой, — вмешался мерзкий попугай, — уж мне-то поверите — сойти с ума проще простого. А вот вернуть ум... — И он важно поправил очки на носу, демонстративно не закончив фразы.

Моя жизнь... В одну ночь она рушилась.

А Ольга молчала. Она смотрела на меня умными ночными глазами, и я опять ничего не мог прочитать в них. И я решил сделать еще одну попытку. Я взял себя в руки.

— Ольга, давайте вместе вспомним. Сейчас ре-

шается моя судьба. Моя жизнь в ваших руках, милая Ольга. И вы не можете принять на себя такую тяжкую ношу лжи. Скажите правду, Ольга. Поверьте, человеческая жизнь имеет цену. Хотя бы потому, что цену смерти нам не дано знать.

И в ее глазах я прочитал недоумение. Недоумение и больше ничего...

Мы медленно направились к выходу. Я шел с опущенной головой. И я не выдержал и оглянулся. И столкнулся со взглядом моего друга Фила. Он стоял не шелохнувшись и как-то уж слишком вдумчиво смотрел на нашу удаляющуюся печальную процессию.

— Фил, — глухо выдавил я. — Я не виноват, Фил. Запомни это, пожалуйста, Фил...

— В чем тебя конкретно обвиняют? Может мне это кто-то внятно объяснить?

— Пожалуйста, — холодно улыбнулся Дьер. — Пожалуйста. Ваш друг обвиняется в жестоком преднамеренном убийстве своей бывшей возлюбленной, которая считалась без вести пропавшей вот уже два года. — Он вытащил из черной папки мокрые фотографии, аккуратно завернутые в цelloфан. — Эти фотографии, сделанные очень четко, профессионально, доказывают виновность вашего друга. Убийство произошло в ее доме, где они жили с Григорием. На одном из снимков отчетливо видна его тень. Он тогда еще не был достаточно классным мастером и, фотографируя жертву, не заметил свою тень на стене. Вот и все объяснение, дорогой Фил. Ну, я думаю, ваша дружба от этого не превратится. Вы даже вправе носить передачи своему другу.

— Григ, — прервал его долгую скучную речь Фил. — Григ, это правда?

— О, Боже! — Я сжал кулаки. — Да, Фил. Правда, что я любил эту девушку. Но неправда, что я убил ее. Поверь, Фил. Ведь ты меня столько лет знаешь. Я слишком дорожил своим будущим. Я бы никогда не стал пачкать руки в крови. Никогда. И теперь помочь мне сможешь только ты. Только...

И наши взгляды пересеклись. Не знаю, что он мог прочитать в моих глазах. Но по его взгляду я понял — он мне поверил. Значит, у меня был еще шанс.

Фил протянул мне пачку дешевых сигарет. Единственное, что в эту минуту он мог для меня сделать. И я ему был благодарен, забыв, что давным-давно не курю.

...Меня поместили в камеру для подследственных. Это было грязное воинчее место. По ночам меня пугали крысы. Но постепенно я начал к ним привыкать. Они еще напоминали, что я не один в этом мире. Впрочем, постепенно я стал привыкать к этим глухим стенам, и к этой железной койке, и к самой оглушительной тишине, и к своей безысходности. И мне становилось грустно от мысли, что человек способен смириться со всем на свете. Если даже я, еще вчера купавшийся в лучах славы, смог смириться с этим убогим нищенским местом. И я уже ненавидел свою слабость, и я уже ненавидел себя. Но выбора у меня не было. Выбор был один — моя пустая камера, мое бесконечное одиночество и, конечно, надежда, что правда все-таки победит. Первое время я писал куда-то письма, мне разрешали звонить в какие-то высшие инстанции. Но безуспешно. Ответ был один. Я подозреваюсь в жестоком убийстве. И следствие по этому делу ведет известная следственная группа из столицы. И мне необходимо им доверять как самым опытным, честным и порядочным людям. Это был замкнутый круг, который я, прикованный к одному месту, разорвать был не в силах. И оставалась лишь слабая надежда на моего

друга, который не забывал меня, передавая мне сигареты, фрукты и иногда выпивку. Впрочем, казалось, что он единственный, кто не забыл меня в эти дни. Никто из той честной, порядочной компании, посетившей меня однажды ночью, теперь не показывался. Не знаю, может быть, это был продуманный ход. Мне давалось время на раздумье, на смиление. Что ж. Им этот ход вполне удался. Я оставался один на один со своими мыслями, беспрерывно прокручивая в памяти прошлое, которого я так боялся. Да, Дьер, безусловно, прав. Это она, не кто иной, как она была на фотографиях. Это безжизненное лицо, которое я когда-то так любил целовать. Эти безжизненные губы, которые когда-то так весело смеялись. Эти безжизненные ноги, которые когда-то так легко танцевали. Эти безжизненные пышные волосы, которые когда-то я так любил расчесывать по вечерам. Эта безжизненная душа, которую я когда-то так легко и так жестоко предал. Это несомненно была она...

«Пропала без вести» — эта фраза, произнесенная монотонным скучным голосом, как лезвие, резанула по моему сердцу. Но я не мог отвести взгляда от телевизора. Ее фотография. Нет, вернее, моя фотография. Это я ее когда-то сфотографировал. Это смеющееся лицо. Эти лукавые глаза. Эти разевающиеся на ветру волосы. Она словно смеялась над всем миром. Она словно смеялась надо мной. «Пропала без вести». И я не мог шелохнуться. Да, я знаю, мне нужно было что-то делать. Куда-то бежать, с кем-то говорить. Я не имел права вот так сидеть на одном месте. Мне нужно было бить во все колокола, мне нужно было сделать кругосветное путешествие, изодрать свои босые ноги до крови, потерять зрение, всматриваясь в каждую точку на планете. Только бы ее разыскать. Но я сидел не двигаясь. И к моему горлу подкатывал пьянящий страх. Господи, это не я. При чем тут я, если кто-то пропал без вести. И как на огромной планете, среди дремучих лесов, среди пылающего солнца, среди высоких гор и многоэтажных домов можно найти того, кто пропал. Нет, я умываю руки. Нет. Я исчезаю. Я не виноват, если какая-то взбалмошная маленькая девочка почему-то решила пропасть в огромном мире. Это ее право. И на это ее право я посягать не буду. Я исчезаю. Прочь из этого сумасшедшего города, от этих знакомых и незнакомых лиц. Прочь. Прочь туда, где мало домов, где не наступают на ноги, где каждый человек на счету, где я смогу делать свое дело, начисто похоронив прошлое. Туда, где прощать без вести невозможно.

И я выбрал этот маленький городок. И сразу же столкнулся лицом к лицу с ослепительным, жарким, обжигающим кожу до волдырей солнцем. И понял, что солнце уже не люблю. Но все-таки я не уехал. Мне было проще бороться с солнцем, чем со своей памятью, которую я раз и навсегда похоронил... К тому же прихоть известного фотографа жить в маленьком городке никого не удивила. Всякий имеет право на любое место под солнцем. Даже если это солнце не любишь. В этой нелюбви к солнцу расписался и я. И моя жизнь после этого стремительно пошла вверх...

— Вы что-то сказали, Григ?

Мои мысли внезапно прервались. И я резко оглянулся. И увидел Ольгу. Я даже не заметил, как она очнулась в моей камере. Как всегда, ослепительно красивая. В длинном до пят плаще. И шелковый шарф, небрежно заброшенный за плечо.

— Нет, Ольга. Я ничего не сказал. Мои мысли останутся при мне.

— Ну и напрасно.

Она вплотную приблизилась ко мне. И стала внимательно изучать меня, нахмурив свои угольные брови.

— М-да. Выглядите вы совсем неважко. Почему вы не бреетесь? Когда я с Дьером вас впервые увидела, вы были настолько гладковыбранны, что я подумала — это так не свойственно... мужчинам.

— Вы хотели сказать — настоящим мужчинам? Ну же, договаривайте!

— Что вы, Григ! Я вовсе не хотела вас обидеть. И костюм ваш стал совсем серым. Когда я с Дьером вас впервые увидела, он был ослепительной белизны. Почему вы не переоденетесь, Григ? Здесь так пыльно, грязно, а вещи так быстро портятся.

— Я запел сюда в этом костюме. И скоро выйду в нем же. Я не изменяю своим привычкам, Ольга.

— Ну да, конечно. Только смотря куда выйдете. Костюм можно и постирать. Когда я с Дьером впервые вас увидела...

— Впервые вы увидели меня без Дьера. И вы это прекрасно знаете.

— Вы все за старое! Так мы можем и не договориться. Ну сами посудите, что за абсурд! Кто вам поверит, что вы встречались накануне ареста, среди бела дня, с известнейшим во всем мире адвокатом, который прилетел из столицы только вечером вместе со своими коллегами. Ну кто поверит в эту абсурдную версию, что вы фотографировали меня, я вас поцеловала, а после всего на пленке вдруг появились совсем другие кадры? Ну, Григ, вы же не настолько глупы!

— Не настолько. Вы могли подменить пленку.

— Как? Если меня там даже не было! — И она расхохоталась. — Абсурд!

Да, это, действительно, абсурд. Даже если она там и была, пленку перезарядить она никак бы не успела. Я никогда не отлучался из мастерской. Да, в это никто не поверит. Круг вновь замыкался. И его холодная сталь все теснее сжимала меня.

— Поймите же, ради Бога! Вы — известный человек. И для раскрытия этого нелегкого дела не зря вызвали тоже самых известных людей. Поэтому целиком и полностью можете мне доверять.

Я не доверял никому. Но мое одиночество, моя пустота, моя обреченность не давали мне права выбирать.

— Что вы хотите узнать? — после небольшой паузы спросил я, почти смирившись со своим поражением.

Она облегченно вздохнула.

— Я хочу узнать только правду. Поверьте, только узнав ее до конца, я смогу что-нибудь сделать для вас.

— И она вновь приблизилась ко мне. И взяла за руку. И слегка ее пожала. И ееочные глаза сочувственно бегали по моему лицу, словно пытались прочитать правду. И мне вновь захотелось уткнуться лицом в ее острые колени, расплакаться и наконец-то поделиться своим прошлым, которое я когда-то похоронил в этом солнечном городке. Мой разум не верил Ольге. Но мои чувства ей доверили, а может быть, я просто был ослеплен ее красотой.

— Ольга, — прощептал я. И на моих глазах выступили слезы. — Этого не может быть. Это ошибка. Но, возможно, это и должно было случиться. Я не знаю, Ольга. Я уже ничего не знаю...

И мои плечи затряслись от рыданий. И я уже не прятал своих слез. Я их уже не боялся. И я затянулся глубоко сигаретой. И посмотрел вверх, на маленькие

окно, в котором горело яркое солнце. И это солнце было за решеткой. Оно словно смеялось надо мной, пронзая своими острыми, как иголки, лучами мое мокрое от слез лицо.

— Вот видите, Григ. Солнце все-таки появилось. Вы ведь любите солнце, правда, Григ? Любите?

— Правда... Тогда тоже было много солнца. Очень много. И я его бесконечно любил, как бесконечно любил и ее...

Этим утром было много солнца. В его ослепительных лучах захлебнулись сумасшедшие автомобили, многоэтажные дома, прохожие, сшибающие друг друга. Я отчаянно пробивался через этот оглушающий городской шум и крики, бережно прижал к груди свой маленький дешевый фотоаппарат, который недавно приобрел на последние деньги. И короткими рывками пытался сфотографировать ослепительные солнечные лучи, падающие на равнодушные дома, равнодушную природу и равнодушные лица. И мне казалось, что когда-нибудь солнечные лучи на моих снимках раз и навсегда разобьют, уничтожат, испепелят это холодное равнодушное сумасшедшее мира. Хотя я прекрасно понимал, как это трудно сделать мне, маленькому человечку в потрепанных джинсах, истоптаных кедах, с самым дешевым фотоаппаратом и самой дешевой пленкой. Я — никто в этом огромном мире. И мне становилось больно от этой мысли. Но я упрямо продолжал щелкать затвором, фиксируя в вечности кадры чужой жизни, к которой я не был равнодушен и которая так была равнодушна ко мне.

Кадр. Стоп. Еще один кадр. Стоп. Еще один кадр. Скучно. Солнечные лучи не пробивают этот бесчувственный мир. И все-таки. Еще один кадр. И я резко остановился. И мой глаз по-прежнему вглядывался в фотообъектив и уже не мог от него оторваться. Потому что навстречу мне шла она.

Она шла мне навстречу смеясь. Смеялись ее огромные зеленые глаза, ее золотистый загар, ее огненно-рыжие волосы. И я понятия не имел, что на свете существует такой цвет волос.

Она шла мне навстречу смеясь. И, как назло, не замечала этой безумной бесчувственной толпы. Казалось, ей не было дела до толкающихся локтей, недовольных вздохов, мечущихся машин.

Она шла мне навстречу смеясь. В белых сандалиях на босу ногу, коротком цветном сарафане, разевающемся на летнем ветру.

Она шла мне навстречу смеясь. Маленькая, огненно-рыжая, золотокожая и в руках бережно держала огромный кожаный футляр для скрипки.

И я невольно подумал, что, оказывается, в этом бесцветном равнодушном мире, плюющем на чужие беды, злобно радующемся чужим поражениям, кичащемся своим дорогим барабаном, еще кто-то носит сандалии на босу ногу, цветной сарафан и играет на скрипке.

Еще кадр. Щелчок фотоаппарата. Еще кадр. Я боялся, что она растворится в толпе и я ее никогда не увижу. Только в кадре. Эта хохочущая девушка с огненно-рыжими волосами. Ну, еще кадр. И я наконец опустил фотоаппарат.

И она не исчезла. Она по-прежнему шла мне навстречу, не обращая внимания на толкающихся прохожих. Маленькая, огненно-рыжая, с кожаным огромным футляром для скрипки в руке. И мы с ней столкнулись лицом к лицу. И первое, что мне она сказала, это:

— Какой замечательный у тебя фотоаппарат.

Когда я купил этот аппарат, над ним смеялись за моей спиной и с презрением косились на его жалкий вид. И она первая, все так же смеясь своей белозубой улыбкой, своими рыжими волосами, своим золотистым загаром, она первая просто сказала:

— Правда, какой замечательный у тебя фотоаппарат.

— А у тебя — замечательные волосы. Я раньше таких не видел, — первое, что сказал я ей.

И, помню, подумал. Она навсегда станет для меня или моим счастьем, или моей болью, даже если я себе в этом никогда не признаюсь. Она стала и тем, и другим. И я признался себе в первом, на второе у меня не хватило мужества и не хватило сил...

А тогда она запрокинула голову к солнцу и сказала. Второе, что сказала она мне:

— А ты когда-нибудь фотографировал само солнце?

И только я хотел ей ответить, что солнце сфотографировать невозможно, когда оно так ярко горит. Только возможно снять закат или восход. Но я ей это почему-то не объяснил. Я просто едва прикоснулся к локону ее рыжих волос и в ответ рассмеялся:

— Нет, само солнце я еще не фотографировал. Но я это обязательно сделаю. Для тебя.

— А я для тебя сыграю на скрипке. Хочешь?

О, Боже! И она еще спрашивает. Неужели в этом равнодушном, бесчувственном мире еще кто-то играет на скрипке?

— Ты знаешь, только я тебя увидела, сразу подумала, неужели в этом бесчувственном холодном мире еще кто-то фотографирует солнце?

Мы нашли друг друга в этом равнодушном холодном мире. И мы не знали тогда, что равнодушный холодный мир нам этого не простит...

Мы шли по городу, крепко взявшись за руки, не обращая внимания на обезумевшую толпу. Я прижал к груди свой дешевый фотоаппарат, а она несла огромный кожаный футляр со скрипкой. Мы несли в своих руках самое дорогое. И уже тогда знали, что станем самыми дорогими друг другу людьми. И этого не знал еще тогда бесчувственный мир. Это знал только солнце, палившее нам прямо в лицо. И благословляющее нас своим обжигающим светом.

Ее домик был, пожалуй, самый маленький на всем белом свете. В нем ничего не было лишнего. Маленький стол, маленький буфетик и маленький диван. Но мы отлично поняли, что места для нас в этом домике вполне хватит.

— Кто ты? — спросил я, едва переступив порог ее каморки.

— Я — Мышка-норушка, — рассмеялась она.

— А я — Гришка-коврижка, — подмигнул весело я.

— Заходи, вместе жить веселее.

Это было правдой. Нам было так одиноко. И я с радостью принял эту каморку, в которую завела меня Мышка — так я ее всегда называл. Для нас этот тесный запыленный домик превратился в хрустальный рай. И нам казалось — навечно. Мы не знали и не могли знать, что когда-нибудь он неизбежно разобьется вдребезги.

А в тот вечер я ей просто сказал:

— Ну, Мышка, давай, играй свою музыку.

Она тут же послушно вытащила скрипку, новеньющую, еще пахнущую лаком и вообще единственную другую вещь в доме. И с любовью прижала ее к груди.

— Хорошо, Гришка, я тебе сыграю свою музыку.

И она ловко, профессионально примостила скрипичку на плечо и взмахнула смычком. Это была божественная, без преувеличения, игра. Легкие взмахи смычки. Звонкие, стремительные, бешеные звуки. Горящие ярким пламенем зеленые глаза. Мне показалась знакомой эта музыка.

Когда я опомнился, оторвавшись от своей мечты, я внимательно присмотрелся к этой девчонке. К ловким движениям ее рук. И только тогда заметил, что смычок даже не прикасался к струнам. Это пел ее голос.

— Ничего себе, — выдохнул я.

Она тут же опустила смычок и рассмеялась.

— А ты поверил! Ну же, признался, поверил?

— Мне легче было поверить в игру на скрипке, чем в твой голос. Это просто невозможно — так здорово имитировать звуки.

— Возможно. На свете возможно все.

— Но зачем скрипка в руках?

— Знаешь, я давно мечтала научиться играть на скрипке. Но так и не осилила эту науку. Это так скучно — учить ноты. И я поняла, что легче стать самой скрипкой.

— Легче? — невольно усмехнулся я.

— Ну да. От лени что только в голову не взбредет. Особенно когда есть мечта. Моя мечта сбылась. А как тебе музыка?

— Это просто волшебно. Без лишних слов. И как ты можешь сочинять такое?

Она не выдержала. Подскочила ко мне и прижала мою лохматую голову к своей груди.

— Дурачок, это же просто Моцарт.

— Просто Моцарт?

И мы уже расхоротались вместе. Просто Моцарт.

— Ну, конечно, Моцарт! Как я сразу не догадался! С сегодняшнего дня — он мой самый любимый композитор.

— А я?

— А ты, — и я уже серьезно на нее посмотрел. Мои глаза скользили по ее огненно рыжим волосам, по ее загорелому телу. — А ты... Ты с сегодняшнего дня мой самый дорогой человек.

— Значит, мне повезло больше, чем Моцарту.

— Иди ко мне, Мышка.

— Мне уже некуда не надо идти. Мы уже вместе.

Мы уже были вместе. И казалось, нашему хрустальному раю не будет конца...

Я хорошо помню эти дни, проведенные с Мышкой. Я тогда фотографировал все в солнечном свете. Но снимки с ее изображением выходили лучше всего. Мы закрывались в маленькой ванной, которую я превратил в свою мастерскую, и вместе работали. Она стала для меня незаменимым помощником, незаменимым другом, незаменимой любовью. А по вечерам она брала свою лаковую скрипку. Становилась на табурет. И пела Моцарта. И мы уже были уверены, что свою музыку Моцарт написал только для нас. Этой музыкой восхищались, ей аплодировали два столетия, но поняли ее только мы. Так нам тогда казалось... А потом мы ложились на старенький скрипучий диван, укрывались потрепанным одеялом, и я, глядя Мышку по огненно-рыжим волосам, говорил:

— А теперь, Мышонок, расскажи мне сказку.

И эта сказка всегда начиналась одинаково:

— Жили-были Гришка и Мышка...

А потом — красивая история нашей красивой любви. И вначале в сказках Мышки были только мы, наш

маленький домик с низким протекающим потолком, старым и скрипучим диваном и еще пьянящим запахом белого-белого жасмина, который я каждый вечер воровал в соседнем дворе и тайком таскал в дом и ставил на подоконник. И она всегда недоуменно всплескивала ладошками, неумело притворялась, что удивлена, откуда взялся такой великолепный букет. Но потом не выдерживала и бросалась мне на шею. Я крепко прижимал ее к груди, давно решив для себя, что никогда ее не потеряю.

Но постепенно сказочки Мышки становились другими, хотя и начинались все так же:

— Жили-были Гришка и Мышка...

Сказочки постепенно обрастили красивыми вещами, вкусными блюдами, дорогими сигаретами. И дом в этих сказочках постепенно становился шире, просторнее, богаче. И только жасмин, белый-белый, пахнувший до головокружения, все так же неизменно стоял на подоконнике.

После этих дорогих сказочек Мышка лукаво шурила глазки и внимательно изучала меня. Она словно искушала меня. И я все время вслух повторял:

— Чушь это, рыжий Мышенок. Наш дом никогда не сравнится ни с какими хоромами. Потому что в нашем домике живет главное — счастье.

Она облегченно вздыхала и прижималась всем своим золотистым телом ко мне. Она мне верила.

Но про себя я все чаще стал говорить другое: «А почему бы и нет? Почему я, не лишенный таланта фотограф, должен терпеть этот низкий протекающий потолок, эту вечную пыль на буфете и каждый вечер слышать раздражающий скрип кровати? Почему? Если есть тысячи других, бездарных людышек, которые никогда не позволят себе это. Разве низкий протекающий потолок — это мой предел?» Но я тут же отогнал от себя эти предательские мысли, видя на своей груди розовенькое, как у ребенка, лицо Мышки и успокаивался. Но уже ненадолго.

И вот однажды, в один из солнечных летних дней, я, как всегда, бродил по городу, щелкая своим дешевым фотоаппаратом, пытаясь в этих хмурых, вечно недовольных лицах отыскать капельку солнца. Но напрасно. Все солнце забрала моя Мышка, забрали ее ярко-рыжие кудри, ее золотистое тело. И я уже мысленно бежал к ней, в ее смеющейся лукавый мир, в ее сумасшедшую музыку губ. И я уже слышал наркотический запах жасмина в нашей каморке. Мне уже было неважно, какой там потолок. На одной из улиц я не выдержал и резко повернул к дому. И вдруг на углу заметил столпотворение. И лица. Совсем другие. Удивленные, восхищенные. Словно люди внезапно прикоснулись к другой стороне жизни. Я стал торопливо расталкивать локтями толпу и резко остановился.

В каком-то дворе, на маленькой площадке стояла цирковая лестница, а на ней уверенно и твердо — Мышка, играя губами какую-то незнакомую музыку. И смычок так же легко бегал по воздуху. И скрипка так же уверенно лежала на ее хрупком плече. Она была прекрасна в этот момент, в освещении ярких солнечных лучей. Солнце настолько низко повисло над ней, что казалось, ее развевающиеся пущенные волосы прикасались к этому огненному шару. Вот откуда этот неестественный рыжий цвет, невольно подумал я. Она знает с самим солнцем. Или явно знает его тайну. Но зачем? Зачем эту тайну открывать толпе? И несмотря на возбужденные лица людей, я им не верил. Им было глубоко плевать — сорвется ли сейчас эта

маленькая девчонка. Им было нужно зрелице. И это зрелице им решила преподнести моя Мышка. Я опустил взгляд вниз и сразу заметил картонную шляпу, в которую бросали деньги. О, Господи! И я впервые задумался, почему мы все-таки еще не умерли с голода. О, Господи, но не такой же ценой! Продавать свою музыку равнодушной толпе зевак. Паясничать и кривляться ради того, чтобы эти безжизненные лица хоть раз улыбнулись. О, Господи, и это моя Мышка! И я резко повернулся и бросился прочь. И мне моя любимая не казалась уже такой прекрасной в освещении солнца. Для меня она стала просто уличной циркачкой, уличным шутом. И это моя Мышка, о Господи...

Она вбежала в наш домик сразу же после моего прихода. Ликиющая, с кучей каких-то огромных пакетов, еле умещающихся в руках.

— Гришка! Сегодня у нас праздник! Танцуй. — И она, бросив тут же все на пол, обняла меня за шею.

Но я резко освободился из ее цепких объятий. Я вновь предательская мысль посетила мою голову. Я вдруг представил, что в большой просторный дом вбегает не какое-то ярко-рыжее взбалмошное существо, тут же умудряющееся в одну минуту все превратить в хаос, а медленно входит длинноногая большегубая красавица в элегантном костюме. И я вежливо ей целую руку, и мы аккуратно разбираем блестящие пакеты.

— Что с тобой, Гришка? — Мышка испуганно вздрогнула. И отступила назад.

— Ах, не называй меня, пожалуйста, так. Смешное имя. Я не хочу быть смешным.

— Глупенький, у тебя самое чудесное имя на свете.

— И она вновь бросилась мне на шею. И я вновь ее оттолкнул.

— Откуда в тебе это? — Она не на шутку взъерошилась. И я, поддавшись ее волнению, стал нервно шагать по крохотной комнатушке. Но в этой норе даже нельзя было прилично ходить!

— Что с тобой?

— Со мной?! Да ты на себя посмотри! Разве я мог подумать, что моя девушка окажется всего лишь уличной шутихой, развлекающей тупую толпу?

Мышка как-то сразу обмякла. И опустилась на диван. И он неприятно скрипнул.

— Да, конечно. Ты когда-нибудь должен был это увидеть.

— Но почему ты мне ничего не сказала?

— А ты ни о чем и не спрашивал. — Она пожала плечами. — А мне все равно откуда берутся деньги. Если их вовсе немного. Мне много не надо. Ведь у меня есть главное — ты.

Мы встретились с ней долгим взглядом. И вновь в голову мне пришла любопытная мысль. А ведь со своим голосом, со своим невероятным подражанием звукам скрипки она могла запросто сделать другую карьеру, более серьезную, чем карьера уличной шутихи. Но она даже об этом не думает. Потому что все свое время убивает фактически на меня, на мои планы, мои мечты, мой покой. И я, конечно, тут же оценил ее жертву. Но вслух почему-то об этом не сказал. Возможно, потому что боялся поселить в ее златокудрой головке иные мысли. А вслух я пробурчал уже не строго, почти виновато, совсем другое:

— Ну, я ведь тоже кое-что могу сделать. Для нас...

— Ну, конечно, можешь! Но я хочу чтобы ты сам ко всему пришел. Без подсказок. Понимаешь, Гри... — И она запнулась, не зная как меня все же назвать.

И я, как всегда, в порыве нежности, бросился к

ней и уткнул лицо в ее острые коленки, и сквозь слезы, не стыдясь их, прошептал:

— Гришка, называй, как всегда, просто Гришкой.

Она целовала мои взъерошенные волосы и шептала в ответ:

— А сейчас я тебе сыграю Моцарта. Для тебя...

А следующим утром я твердо решил открыть двери самого популярного в столице журнала. Я рискнул показать им свои лучшие фотографии. Фотографии из жизни солнца. Мышка обрадовалась моему решению. И мы тут же с ней принялись копаться в наших потерпанных вещах, выбирая из них самые приличные для выхода в деловой мир. И, посмотрев на себя в зеркало, мы тут же решили, что имеем достаточно респектабельный вид.

Первое, на что мы наткнулись, открыв тяжелую дверь солидного издательства, — это были презрительные недоуменные взгляды, брошенные на нас: на простенькое, коричневое, как у школницы, платье Мышки, на мой пиджак, из которого я давно вырос. Я почувствовал страшную неловкость. И от неловкости не мог вымолвить ни слова. Я смотрел на солидных, выхоленных, гладко выбритых людей. И мне становилось все страшнее и страшнее. И первая мысль была мысль о побеге. Но Мышка не оставила мне возможности сбежать. Она тут же выхватила картонную папку из моих рук и смело приблизилась к длинному столу из красного дерева.

— Вот! — торжественно произнесла она. — Это лучший шанс для вашего журнала. Не упустите его! — И она почти небрежно бросила папку на стол.

Люди ехидно усмехнулись и стали лениво рассматривать фотоснимки. Их лица оставались непробиваемыми. И все-таки сквозь это показное равнодушие я смог уловить оживление в их холодных глазах.

— Вы говорите — шанс? — не выдержал наконец один из этих выхоленных красавчиков. И расхохотал-

ся. И так же небрежно бросил папку с моими фотографиями на стол. Она, проехав по нему, остановилась напротив Мышки.

Мышка с нескрываемой ненавистью уставилась на этих людей. Но пока молчала.

— С таким шансом, ребятки, мы бы давно уже подметали улицы. Но мы это право оставляем для вас. А в свободное время можете развлекаться любительскими фотками такого дешевого качества, сделанными дешевым фотоаппаратом. — И они, как по команде, вежливо улыбнулись. И уткнулись носами в стол из красного дерева, дав понять, чтобы мы убирались как можно скорее.

Я не выдержал и бросился к выходу. И за спиной услышал возмущенный крик Мышки:

— Да вы на себя посмотрите! И на свой мерзкий журнал! Да он мертвый, и фотографии в нем — мертвые. Для кого вы все это выпускаете? Для мертвцев? Поверьте, на том свете им это не пригодится!

Не знаю, что бы она еще наплела, если бы я вовремя не схватил ее за рукав и силой не вытащил за дверь.

— Ты с ума сошла! — уже на улице зашипел я ей в ухо. — Ты хочешь испортить мне жизнь, мое будущее...

— А что, по-твоему, мы должны были потупить глаза и промычать что-то вроде: мы учтем ваши умные замечания и пожелания?

— Да иди ты! — не выдержал я и почти бегом запашгал прочь от нее...

Я бесцельно бродил по многоцветному многомиллионному городу. Абсолютно одинокий, маленький человек в этом страшном бездушном мире. Помню, внезапно темная туча заслонила солнце и хлынул ливень.

Когда я, мокрый, продрогший с ног до головы и умирающий от жалости к себе, вернулся все-таки в наш домик, Мышка еще не было. Было уже очень поздно. И очень темно. И я удивился. А потом испугался.

Я валялся на скрипучем диване в полумраке. И страшные мысли неотступно осаждали мой воспаленный мозг. Я вдруг испугался, что останусь совсем один в этом мире. И никому на свете не будет дела до моих проблем, моих переживаний, моих слез. Только Мышка, только она могла принять мою боль на себя. И где она может быть в такой поздний час? И я ясно осознал, как мне без нее плохо. Она как-то вросла в мое сердце, в мою жизнь. И теперь, теряя ее, я вдруг понял, что меня словно разрезают на части. И от этой жгучей боли мне хотелось кричать во весь голос.

Она появилась на пороге в своем длинном, широком не по размеру коричневом платьице, вся промокшая насквозь, и в ее огненно-рыжих волосах блестели крупные капли дождя. И в своих руках она держала огромный футляр от скрипки.

— Мышонок! — бросился я к ней. — Ты весь прогор! Я тебя сейчас согрею, Мышонок!

Она не выдержала и, уткнувшись лицом в мою крепкую грудь, глухо разрыдалась.

— Что случилось, Мышонок? Ну же! Что? Тебя кто-то обидел?

Она отрицательно качала головой, дрожала от холода и все так же беззвучно плакала на моей груди. И моя рубашка уже промокла, то ли от ее мокрых сплющихся волос, то ли от слез.

— Ну, прошу тебя, Мышка, не надо. Ты прости меня только...

Я наконец взял из ее рук огромный кожаный футляр и вдруг почувствовал, что он удивительно легкий. Неприятный холодок пробежал по моему телу. Я со страхом щелкнул замком. Футляр был пуст.

— Где скрипка? Ну же, Мышка, отвечай, где? — В моих глазах застыл ужас. Я уже все понимал, все так же механически повторяя: — Мышоночек, скажи, где твоя скрипка, самая чудесная скрипка на свете. Ты же так здорово на ней играешь! Сыграй на ней, Мышонок!

Она молча достала из кармана толстую пачку денег, аккуратно перевязанных лентой.

— Вот моя скрипка. — И она протянула мне эти бумажки. — Теперь ты сможешь наконец-то купить самый лучший фотоаппарат и самую лучшую пленку...

— А ты? Как же ты, Мышка? — спросил я, все же взяв из ее рук деньги.

— Я же не умею играть на скрипке. А зачем она нужна, если я не умею играть?

Честно говоря, я не подозревал, что скрипка может так дорого стоить. И это приятно колнуло мое сердце. Денег, действительно, было достаточно, ну, если не для самой лучшей, то вполне приличной для профессионала аппаратуры.

— Мышонок, мой славный маленький Мышонок, — я обнял ее. И слова мои были искренними. Но искренность моих слов еще ничего не доказывала. — Все у нас будет хорошо. Теперь я по-настоящему смогу заботиться о тебе...

Она счастливо улыбалась. Ее слезы уже высохли. Она мне, как всегда, поверила...

И все равно этот вечер был самый грустный из тысячи вечеров нашего хрустального рая. За окном по-прежнему барабанил дождь. А мы сидели, крепко обнявшись. И впервые в наш вечер не ворвалась сумасшедшая музыка Моцарта. Великий композитор сегодня от нас отвернулся. И, наверно, пожалел, что когда-то, два столетия назад, посвятил музыку нашей любви...

И я, от какой-то острой боли в груди, дождавшись,

когда уснет Мышка, выбежал на улицу под проливной дождь и стал отчаянно срывать ветки белого-белого жасмина. Это единственное, что я мог сделать в тот вечер для своей любимой...

— Это единственное, что я мог сделать в тот вечер для своей любимой, — глухо повторил я. И уже без слез, как-то вызывающе посмотрел на Ольгу. Но она поняла, как мне больно. И молча поднялась с места и направилась к выходу.

— Вы ничего не хотите мне сказать? — крикнул я ей вслед.

Она остановилась. Но не повернулась ко мне.

— Мне кажется, эта девушка знала себе цену, Григ. Поэтому она могла жить именно так. Вы же всегда в своей цене сомневались. И пытались набить ее набитыми карманами. В этом ваша ошибка, Григ. А в остальном... Вы все сами сказали.

И она скрылась за дверью, оставив меня в этом одиноком пустынном месте с решетчатым окном, под решетчатым небом. Оставила со своей болью, своими больными воспоминаниями, которые беспощадно хлестали меня по лицу, по моей совести. И я уже даже был где-то в душе благодарен этому страшному месту за эту железную койку, за этот решетчатый мир. Я был благодарен за память, которая медленно возвращалась ко мне. И которая наказывала меня по праву...

ФИЛ

Уже светало, когда за этой славной компанией захлопнулась дверь. И я остался один в доме своего друга Грига. В комнате, сдва освещенной ранними солнечными лучами. И уже при дневном свете я стал рассматривать единственную фотографию, которую успел спрятать. Да, сомнений не могло быть. На фотографии действительно запечатлена убитая девушка. Красивое смуглое тело, пышные волосы и невидящие глаза, полные нескрываемой боли. И чем больше я вглядывался в черты этого мертвого загадочного лица, тем больше она мне нравилась. Мне вдруг показалось, что мы с ней знакомы уже тысячу лет, хотя видел ее я впервые. Но я отлично мог представить ее звонкий смех, ее легкие жесты, ее подвижную мимику. И еще мне показалось, что она непременно играла на каком-то музыкальном инструменте, скорее всего на скрипке. Видимо, потому, что на снимке было четко видно, как ее тонкие застывшие пальцы словно держали смычок. А возможно, это всего лишь мое бессонное воображение. И мне стало до головокружения жаль, что она мертва. Я вдруг признался себе, что смог бы полюбить именно такую женщину. И никакую другую. Именно этот образ волновал мое воображение долгие годы, заставляя бешено стучать сердце, совершать новые ошибки, сталкиваться с пустой любовью и бессмысленными приключениями. И мне стало горько от мысли, что сдва встретив свою судьбу, я тут же ее потерял. И я вдруг каким-то шестым чувством понял, что никогда уже не буду счастлив. Что одна из тех половинок, на которые нас мудро разделил Бог, в одно прекрасное утро может оказаться мертвой. И другой уже никогда не будет. Никогда...

И все же я отлично понимал, что дело, связанное с Григом, довольно странное и в нем много открытых вопросов. Во-первых, пленку, действительно, он проявлял цветную. И этому я свидетель. Почему на ней единственное цветное пятно — пятно крови? Конечно, Григ обладал тайной мастерства. Я знал, что все,

что он снимал, на карточках приобретало совсем иной смысл. Но пленка всегда оставалась пленкой. Во-вторых, зачем понадобилось Григу, если он совершил преступление, звать меня, ликуя о своей новой победе? Это же просто абсурд. И в-третьих, что я знал наверняка, Григ ни за что не стал бы пачкать руки в крови. Никогда. Я дружил с ним давно. С тех самых пор, когда он, уже достаточно известный фотограф, поселился в нашем маленьком городке. Мы с ним были абсолютно разные. Григ, прирожденный чистюля, никогда бы не допустил репутации скандалиста. В чем-то я не понимал его. И не принимал его точный, аккуратный, безошибочный гордый мир. Но скорее — жалел. Глядя на его выхоленный вид, на его продуманные фразы и жесты, на его захламленный дорогим барахлом дом. Он бы никогда не посмел перешагнуть ту черту, которую когда-то раз и навсегда наметили его логика и разум. Он был прекрасный мастер своего дела. И все же его нежелание хоть раз переступить черту оставляло его всего лишь мастером дела, но не жизни. Я же не представлял, как можно было отделить жизнь от мастерства. Мне казалось — они всегда слиты воедино.

Григ никогда не рассказывал о своем прошлом. Иногда мне казалось — он его просто боится. Может быть, его прошлое и было связано с этой удивительной девушкой на фотографии, но только не с убийством — это я знал точно.

Потому в то раннее утро, разглядывая при дневном свете фотографию убитой, я решил во что бы то ни стало найти истину. Ради друга, которого я все-таки любил, хотя и не принимал его мир. И ради этой убитой девушки, которую я успел полюбить, еще ничего не зная о ней. Я не верил так называемой следственной группе, но за ее профессионализм ручались высшие инстанции столицы. И это связывало мне руки. Но еще не означало, что я не мог положиться на свои силы.

Поэтому я, захватив на всякий случай фотоаппарат, выскочил на улицу, еще не зная с чего начать. И решил, в силу своего легкомыслия, начать с кружечки пива. Конечно, с утра пить не следовало, но я, никогда не проводивший в жизни никаких границ, решил, что в это прекрасное солнечное утро пиво не помешает. Я направился прямо в пивной бар, куда частенько заглядывал и стены которого мне стали почти родными. Мне было жаль, что это ясное утро, это открытое солнце, испепеляющее наш чудесный маленький городок, сегодня омрачены трагедией.

В баре я стал первым посетителем. Я уверенно уселся за стойку и весело кивнул своему старинному лопоухому приятелю — бармену Глебушке:

— Ну-ка, Глебушка, как всегда.

Он хитро подмигнул мне. И тут же поставил перед моим носом огромную кружку с пенящимся светлым пивом. Я с наслаждением потягивал теплую, почти прозрачную жидкость, только издалека напоминавшую пиво, и мои глаза заблестели от нескрываемого удовольствия.

— Вот так, Глебушка, — обратился я к бармену, поскольку разговаривать было больше не с кем, — вот так, милый Глебушка. Никогда не знаешь, где споткнешься.

— Это вы о своем друге? — И Глебушка тут же навострил свои большие уши.

Да уж, в нашем городке новости разносятся с первыми петухами. Но я решил молчать. И мило улыбнулся.

— Да нет, Глебушка, это я в философском плане. Вот, к примеру, прекрасное солнечное утро. Вроде бы как всегда. Прекрасный чистый воздух. А потом раз — и споткнулся. И разбил голову. И все утро вдребезги.

— Это вы о своем друге?

Ну и турица. Заладил одно и то же. Впрочем, Глебушка никогда не отличался философским складом ума.

— Нет, Глебушка, это я о Вселенной. Ну хорошо, возьмем пример попроще. Опять же — прекрасное утро. Чистый воздух. По мостовой идет твоя девушка. Кстати, у тебя прекрасная подружка, и я от всей души желаю вам счастья. Так вот. Идет она по мостовой. И раз — спотыкается. И ломает руку...

Не успел я договорить, как из служебной двери появилась хныкающая подружка Глебушки. Длиннощая, с выпяченными острыми лопатками и длинным носом. Она ревела на весь бар. И при этом успевала тараторить своим писклявым голосом:

— Представляешь, Глебушка. Иду я по мостовой и раз — споткнулась. Так больно! А сколько бинтов! А мне нужно помогать тебе! А как я смогу?

Мы с Глебушкой, не сговариваясь, уставились на ее перевязанную руку, после чего Глебушка бросил на меня какой-то странный взгляд, и они тут же скрылись в служебном помещении.

Я недоуменно пожал плечами. И уже зашпом допил остатки пива. Но мысли от этого яснее не стали. Я понял, что не грех повторить. Но в баре я по-прежнему находился один. И наливать уже было некому. Я с нескрываемой грустью уставился на дно пустой кружки.

— Повторить не желаешь? — услышал я прегнусавый голос. Я резко поднял голову и чуть не уткнулся носом в мерзящего попугая Ричарда. Он преспокойно занимал место бармена. На его костюм в ярко-оранжевую полоску был наброшен барменский халат Глебушки.

— Повторить? — усмехнулся я. — Ты ли, наливать будешь?

Он с готовностью кивнул и поставил передо мной полную кружку.

— У этого премилейшего официанта Глебушки с его премилейшей подружкой случилось несчастье. Представляешь, Фил, она шла по мостовой в это прекрасное солнечное утро и раз — споткнулась...

— Представляю.

Что оно тут делает, это мерзкое чучело? Что ж. Видимо, за мной установлено наблюдение. Но поскольку я был один и выпить мне было не с кем, следовательно, и выбора не было. К тому же из этой встречи с Ричардом можно кое-что извлечь.

— Ну, за знакомство! — И я приподнял кружку.

Попугай с готовностью со мной чокнулся.

— Мы, кажется, знакомы. — И он хитро подмигнул выпущенным глазом из-под очков.

— Ну, не настолько, чтобы я, к примеру, мог догадаться, почему в следовательской практике нынче прибегают к помощи попугаев.

— О, Фил! Ты, видимо, так плохо разбираешься в животном и растительном мире. Для фотографа это непростительно. Хотя, действительно, мой случай уникален. Но, пожалуй, этот метод все чаще и чаще будет внедряться в жизнь. Никуда мы обладаем не хуже собак. А вот разговаривать можем только мы в отличие от этих животных. К тому же летаем быстрее, чем они бегают. Согласись, у крыльев гораздо больше преимущества, чем у ног. Можно в любую минуту избежать опасности.

— Если не успеет настигнуть пуля, — с нескрывающимся удовольствием протянул я. И премило улыбнулся.

— Пуля может настигнуть кого угодно, — с тем же удовольствием прогнусавил он в ответ. И тоже мило улыбнулся.

Мне нечего было возразить. Да я и не успел. Тут же показалась лопоухая голова Глебушки.

— Ну как, справился? — кивнул он Ричарду.

— Еще как, Глебушка. Он в этом деле професси онал, — ответил я за Ричарда.

— Смею тебя заверить, Фил, что моя работа заключается в другом, — обиделся Ричард, — хотя и не буду отрицать, что я мастер на любое дело. — И он гордо встряхнул лысой головой и передал халат Глебушке. Глебушка, застегивая пуговицы, промычал:

— Вот ведь как бывает. Можешь спокойно идти в одно прекрасное солнечное утро по мостовой, а потом раз — и споткнуться. — И он во все глаза вытаращился на меня. — Фил, — попросил он. — А теперь скажи что-нибудь хорошее.

Я растерялся.

— Ну, я же не пророк, Глебушка. Ты это зря. Но все равно думай о хорошем, и все у тебя будет хорошо.

И Глебушка облегченно вздохнул. А мы с Ричардом переместились за столик в самом углу с очередной порцией пива.

— М-да, — неопределенно прохрипел Ричард. — Бывает и так: одно неосторожное слово — и жизнь кувырком.

— Ты о чем, Ричард?

— Да так. Я тоже любитель поболтать. Могу сунуть нос в чужие дела. Но ты мне почему-то нравишься, Фил. Поэтому по-доброму советую — держись от всего в стороне. Ты честный парень. Но пуля, как правило, выбирает честных.

— А я под пулю пока не собираюсь, — усмехнулся я.

— А она, бывает, и не спрашивает.

Я откинулся на спинку стула и уже более внимательно оглядел это чучело с ног до головы. Не спорю, оно тоже мне чем-то приглянулось. Возможно, я просто люблю экзотику. А возможно, от выпитого голова пошла кругом. Но Ричард не казался мне уже таким мерзким, каким я увидел его в первый раз. Напротив, гордый профиль. Ярко-оранжевая полоска на костюме. Круглые очки. Вполне интеллигентная птица.

— Я рад, что мы нашли с тобой общий язык, — прогнусавил попугай в ответ на мои охмелевшие мысли.

Мы даже не заметили, как за нашим столиком появился Славик Шепутинский с газетой в руках.

— А, Славик! — радостно прохрипел попугай.

— Да, — сказал Славик и почесал свои слипшиеся волосы.

— Ну, наконец-то свежие новости!

— Да.

— О Григе? — взъярившись спросил я.

— Да, — только и ответил Славик, не выпуская из рук газету.

— Покажи, Славик. — И, не дожидаясь его великолепного слова, я выхватил из рук газету и впился глазами в свежие новости.

А свежие новости были потрясающими! Впрочем, меня даже больше удивила манера изложения Славика Шепутинского. Это, без сомнения, была талантливая статья. Может, Славик и умел говорить всего два слова, но мысли его были достаточно насыщенными и полными экспрессии. Славик красочно описывал трагическую судьбу премиельской девочки с огненно-ры

жими волосами, которая радовалась жизни и любила жизнь. И эта жизнь так нелепо оборвалась по вине жестокого человека, которому она отдала свое сердце. Да уж, Григу теперь и вовсе худо придется. Теперь весь городок, нахлебавшись этой сентиментальной чуши, разрыдается, а потом встанет грудью против великого фотографа. Но в образ Мышки я все-таки верил, как бы сладенько Славик не описывал его. Я верил в ее белые сандалии, огненно-рыжие волосы, в ее скрипичку, на которой она не умела играть, в ее убогую каморку и белый-белый жасмин на подоконнике. Именно такой я себе ее и представлял. Но я все равно не мог поверить, что ее убил Григ.

— Григ ее не убивал! Слышишь, Славик?! Вся твоя слезливая статейка — чистая ложь! — И я стукнул кулаком по столу.

— Нет, — скромно ответил словоохотливый Славик.

И я, не выдержав, вскочил с места и бросился к стойке бара. Глебушка мне без лишних слов налил. Я, наконец успокоившись, лениво потягивая пиво, оглядел бар. И вдруг в центре зала обнаружил огромную, блестящую тяжеленную люстру. У меня она почему-то вызвала гнев. При чем здесь это страшилище! Они что — уже совсем чокнулись с перепоя?

— Глебушка, — сквозь зубы прощедил я. Весь мой облик излучал ярость. Глебушка испуганно захлопал ресницами. — Ну скажи, мой славный, милый приятель Глебушка, какой идиот повесил здесь это пышное чудовище? Да она тонны на три потянет. Вот сейчас возьмет и грохнется.

Не успел я выговорить последнее слово, как люстра неожиданно сорвалась с потолка и с грохотом рухнула на пол. Блестящие осколки салютом рассыпались по всей забегаловке. Все закричали, повскакивали с мест, яростно замахали кулаками на Глебушку.

А я почему-то страшно обрадовался.

— Ага! — закричал я. — Свершилось! Такой идиотизм не может долго торчать наверху! Правда, Глебушка? — И я с радостью в глазах повернулся к бармену. Но он моего счастья не разделил. На его лице застыл ужас, и он шарахнулся от меня, как от привидения.

— Ах, Глебушка, — я погрозил ему пальцем, — ты все за старое. Я не провидец, честное слово. Просто я люблю справедливость.

И я, резко повернувшись, забросив руки в карманы своих жеваных старых штанов, широким размашистым шагом направился к выходу, с удовольствием наступая на блестящие мелкие осколки.

Я бродил долго по городу, так и не зная, за что уцепиться в этой странной истории. Хмель постепенно проходил. Солнечные лучи горели все ярче, обжигая кожу. Я запрокинул голову и с благодарностью посмотрел в лицо солнца. И все-таки, кто ты, рыжеволосая Мышка, которую когда-то так любил мой друг? Я полез в карман за единственной фотографией, которую успел спрятать, чтобы еще раз взглянуть на безжизненное, но ставшее мне дорогим, лицо. И, едва посмотрев на снимок, я чуть не вскрикнул. Этого не может быть! На снимке я не увидел мертвого тела Мышки. Со снимка на меня смотрела живая, красивая до умопомрачения Ольга. Несмотря на испепеляющую жару, по моему телу пробежал неприятный холодок. Я рассеянно вертел фото в руках, щупал его,нюхал и даже умудрился попробовать. Но при этом детективные способности так у меня и не проявились. Это была

Ольга. И никто другой. Фотография была великолепна и вполне могла стать блестящей победой моего друга. Мысли мои постепенно приходили в порядок. Значит, Григ не обманул. Значит, он действительно встречался в тот день с Ольгой. Значит, лгала она и вся эта мерзкая шайка. Значит, это подтасовка фактов. И не более. Я, сунув фото в карман широких штанов, решительным шагом направился к зданию прокуратуры. Мне непременно нужно было встретиться с этим знаменитым адвокатом и желательно — наедине.

Возле тюрьмы я проболтался около часа, но безрезультатно. Туда меня не допускали обаятельные охранники. Была ли там Ольга, я сам толком не знал. Но сердце мне подсказывало, что я ее должен скоро увидеть. Я уселся на лавку и упрямо решил ждать.

— Выйди, Ольга, выйди, выйди, — бубнил я вслух, пытаясь таким образом вызвать ее появление, вспомнив, что в это утро мне как-то крупно везло с материализацией мыслей. Но на сей раз мой внезапно открывшийся талант почему-то меня подвел. Тем не менее я решил не сдаваться.

Она появилась через час.

— А, Фил, — улыбнулась она мне ослепительной улыбкой и протянула руку. — Кого-то ждете? Надеюсь, не своего друга — это совершенно напрасно. Он гораздо лучше себя чувствует у нас, чем на свободе.

— Я жду вас, — я в ответ улыбнулся самой обаятельной на свете улыбкой. Мне она тоже, черт побери, нравилась, как и это чучело Ричард.

— Меня? — Она расхохоталась, обнажив невероятно белые зубы. И встремхнула длинными черными волосами, на которых весело играли солнечные лучи. Я уже почему-то не сомневался, что именно она приложила руку к судьбе моего друга. Но зачем?

— Ольга, а у меня есть для вас небольшой, но приятный сюрприз. Кстати, смею заметить, что вы чертовски фотогеничны. Ваше призвание — быть актрисой.

И я, медленно пошарив в кармане, выдерживая загадочную паузу, вытащил из кармана широких штанов фотоснимок и, не глядя, протянул Ольге. Она взяла его из моих рук и, уже нахмутив свои густые угольные брови, произнесла:

— Что ж, Фил, спасибо за оказанную помощь. — Не отрывая глаз от снимка, она крепко пожала мою руку. — Нам этой улики как раз и не хватало. Для полного раскрытия преступления.

Мой взгляд жадно впился в фото, и я покачнулся от неожиданности. На нем было изображено белое бескровное лицо мертвей Мышки. Ольгой там и не пахло.

— Но Ольга, — я запнулся, не зная, что сказать. — Это какой-то бред, только вы можете объяснить, но... Но всего час назад я собственными глазами видел вас на снимке. Клянусь... Всеми богами, сколько их существует на свете! Проверте! Я готов есть землю, только бы вы мне поверили. — Я говорил взволнованно, путанно, сам не полностью доверяя своим словам.

Чья-то холодная рука, мягко опустившаяся на мое плечо, заставила меня вздрогнуть и прервать свою сумбурную речь. Я резко оглянулся и, ничего не видя перед собой, посмотрел вниз. И только тогда заметил Брэма, на плече которого так же восседал мой старинный приятель Ричард. От них страшно несло перегаром.

— Так что же, вы, насколько я понял, готовы есть землю? — И Брэм провел ладонью по своей абсолют-

но лысой голове. — М-да, симптомы, смею уверить вас, опасные.

— Говорил тебе, Фил, одно неосторожное слово — и пуля уже рядом. — Ричард хитро подмигнул мне изпод круглых очков.

— Грызть землю — это звериный инстинкт, — продолжал философствовать Брэм. — Когда я спорил на эту тему со своим двоюродным братом, тоже Брэром, он утверждал, что эти симптомы неопасны для человека. Но он оставался больше писателем-идеалистом, чем практиком. Я же — типичный практик. И смею утверждать обратное. Такие симптомы могут привести... Кстати, Фил, что вас связывало с Григом?

— Это допрос? — усмехнулся я, уже взявшись в руки.

— Пока нет, — ответил мне задорно Брэм, — просто я анализирую факты вашей так называемой дружбы и прихожу к выводу...

— Вам не кажется, что выводы еще очень рановато делать? — грубо перебил я его.

— А тебе не кажется, Фил, что ты одинок в своем упрямстве? — каркнул Ричард. — И легко можешь програть.

— Одиночке всегда легче выиграть, дорогой Ричард, — не уступал я. — Во всяком случае никто не продаст и не предаст, кроме тебя самого. А я себе не враг. — И я легко поклонился, дав понять, что разговор давно завершен. И пошел прочь от этой сомнительной шайки.

И все-таки не выдержал и оглянулся. Они удалялись в другом направлении. И шелковый шарф Ольги развевался на летнем ветру. И мне показалось, что сейчас она непременно оглянется... Я не ошибся. Она повернула ко мне голову. И незаметно от своих замечательных коллег послала мне воздушный поцелуй. Я его поймал на лету и приложил к своим губам. Поцелуй был удивительно теплый и до головокружения приятный. И еще он пахнул солнцем. Но я устоял на ногах...

ГРИГ

Ольга не появлялась два дня. Для меня эти дни были странными. Ни одной ночи я не спал спокойно. Мне снилась Мышка, в ушах звенел ее смех, я чувствовал прикосновение ее теплых рук, я слышал поток беспорядочных нежных слов. И я вскакивал с койки в холодном поту. Моя память, которую я когда-то успешно похоронил, не давала мне жить, не давала мне просто физически существовать в этом замкнутом грязном пространстве. Я ощущал себя зверем, загнанным в клетку, под решетчатое небо, и в центре этой клетки только — я, я, я и моя память. С каждым часом мне становилось больнее и больнее. Я раньше не знал такой боли, которая теперь захлестнула меня целиком. И я вдруг отчетливо понял, что по-прежнему люблю эту огненно-рыжую девушки и никогда не переставал любить. Все время, проведенное в этом маленьком солнечном городке, я ни разу не посмел себе в этом признаться. Но теперь полное одиночество, навязчивые воспоминания заставили меня совершив это признание. Я любил уже мертвую Мышку, кем-то так жестоко убитую и так жестоко свалившую вину на меня. Но вновь с каким-то непонятным эгоизмом, который во все не подходил к этим тюремным стенам, разозлился на Мышку. Ведь это все из-за нее! Из-за ее сумбурных поступков я должен торчать в этой страшной дыре, терпеть несправедливое обвинение, испытывать позор

перед всем миром, который меня когда-то так ценил.

Но я тут же отогнал от себя эти мысли. Они, действительно, были некстати в этих холодных стенах под решетчатым небом.

— Прости меня, Мышка, прости, пожалуйста. — И я не выдержал и расплакался. Громко. Не стыдясь своих глухих рыданий.

...Вот так же когда-то, закрыв лицо руками, громко плакала Мышка.

— Гриша! — раздался ее жалобный голос.

Я резко обернулся.

— Я не Гриша, слышишь! Смешное имя! Я не хочу быть смешным! В отличие от тебя. Меня зовут Григ! Слышишь, Григ! Слышишь?

Она услышала. И неожиданно громко, звонко расхохоталась. И на миг стала прежней славной веселой девочкой по прозвищу Мышка с копниной пышных огненно-рыжих волос. Резкая боль об утраченном, о чем-то самом дорогом и близком, как булавочка, пронзила мое сердце. Но я выдержал эту боль.

— Григ, — уже тихо повторила она. И в ее глазах я прочитал бесконечную грусть. И еще — смерть ее любимого парня Гришки. Что ж. Так будет лучше. Ведь Гришка, действительно, умер. Ведь остался Григ...

— Прости меня, Мышка, — сквозь слезы прошептал я. — Прости. — И, не выдержав этой боли, которую я только теперь осознал, схватил булавку, приколотую к воротнику, и со всей силы вонзил в ладонь. И облегченно вздохнул. Становилось легче...

— Григ, перестаньте, Григ! — И чья-то сильная рука выдернула из моей кожи булавку. Струйка крови рас теклась по ладони.

Ольга сидела у моих ног и держала в руках мою окровавленную ладонь.

— Ольга, — прошептал я пересохшими губами, — Ольга, вы избавили меня от физической боли. Но не более...

— А более и не надо. Об остальном вы расскажете мне. Все-таки, Григ, вы несете еще крест.

Ольга сидела напротив меня, поджав свои большие накрашенные губы. И мне почему-то так захотелось ее поцеловать.

— А ведь она вас любила, Григ. — Ольга улыбнулась своей белозубой ослепительной улыбкой.

— Я ведь тоже ее любил. И, видимо, люблю...

— Но тогда... Куда ушла, испарилась ваша любовь?

— В никуда. В никуда, Ольга. А такое понятие, как никуда, не существует. Это вечность. И это я понял сейчас, сегодня...

А тогда... Тогда дорогой, в лаковом черном футляре фотоаппарат поселился в нашем маленьком доме. И мы поначалу ликовали, как дети. И даже забыли про скрипичку, бешено играющую по вечерам. Только перед самым сном нам становилось немного грустно, и мы друг от друга прятали эту грусть. Мышка даже говорила, что вовсе и не любила никогда Моцарта — его музыка слишком сумбурна и беспорядочна. Так пытаясь она меня успокоить. А я отвечал, что Моцарт, может, и был гением, но его сумасшедший гений не подходил нашей мирной любви. Так мы, утешив друг друга, тесно обнявшись, мирно засыпали. Хотя каждый из нас прекрасно понимал эту ложь. Мы оба очень любили Моцарта. И нам обоим его так не хватало. Нашему простенькому, безалаберному миру, пахнущему до головокружения белым-белым жасмином.

Моя работа шла в гору. И я окунулся в нее с головой. Мышка, уже начисто забыв, что когда-то играла на скрипке, ушла с головой в мою работу. Я ежесекундно чувствовал рядом ее плечо, ее помощь становилась для меня бесценной. Хотя на ночь она уже не рассказывала сказочки, мы вместе подолгу мечтали, как совсем скоро про мои фотографии узнает весь мир и этот мир я брошу к ногам рыжеволосой девушки. Она думала, что если есть фотоаппарат, есть любимое дело, есть крыша над головой и есть любовь, пахнущая белым-белым жасмином, этого для жизни вполне достаточно. Я же так далеко не думал. Мое самолюбие не давало права на такие мысли.

...Это случилось однажды. Однажды, когда вновь пошел дождь. Уже не хлесткий ливень, уже не ослепляющая молния, уже не раскатистый гром. Дождь был какой-то мелкий, скользкий, неприятный. И мне стало досадно, что работа, которая так удачно началась в лучах яркого солнца, не завершится сегодня. И я, спрятав в лаковый футляр дорогой фотоаппарат и втянув голову в плечи, молча побрел по направлению к дому, старыми кедами шлепая по вязкой грязи. И от усталости, досады и раздражения усился на какую-то мокрую лавку и прикрыл глаза. Я задремал и сквозь легкий сончувствовал чье-то дыхание. Я вздрогнул и открыл глаза, и увидел высокие лаковые сапоги и огромный цветной зонт, закрывающий лицо. Я поежился и подумал, что кто-то все же гораздо счастливее меня. Во всяком случае, у него есть непромокающие сапоги и непромокающий зонт.

— Может, ко мне рискнете под зонтик? — услышал я хрипловатый женский голос. — Во всяком случае, не мокнуть же под этим гадким дождем.

Я мгновенно уловил легкий иностранный акцент. Мне он почему-то понравился. И я, не сопротивляясь, а, напротив, поддаваясь желанию укрыться от этой мокрой скуки, сунул голову под яркий огромный зонт. И сразу столкнулся с ней лицом к лицу. И она мне сразу же не понравилась. Коротко стриженые абсолютно бесцветные волосы. Какие-то запавшие блеклые глаза и неровные зубы. Она улыбнулась мне неровными зубами. Я поежился.

— Здесь лучше, правда?

Я уже не знал правду. Но под зонтом стало, действительно, лучше и, как мне показалось, теплее. И если первым желанием, когда я увидел ее невыразительное лицо, было желание уйти, то потом я ему уже не последовал.

— А я вот люблю, — заговорила она своим хрипловатым голосом с иностранным акцентом, — вот в такую, погоду. И под дождем. Вы тоже романтик, я угадала?

Я пожал плечами. Я не знал, что ответить. Наверно, романтик. Но мой романтизм, когда-то украшенный солнечным светом и смехом рыжеволосой девушки со скрипичкой в руках, стал почему-то блекнуть. А оставался только неприятный мелкий дождь, яркий зонт и хрипловатый голос незнакомки. Судя по короткой стрижке, подумал я, она непременно немка. Следуя своей догадке, я предложил:

— Может быть, выпьем где-нибудь пива? — Мне очень хотелось выпить.

— Пива? — Она удивленно вскинула свои выщипанные брови. — Оно такое холодное — пиво. Может быть, чай? Я здесь живу... Совсем недалеко. Хотите?

Мне ужасно не понравилось ее предложение. Мне вдруг так захотелось увидеть Мышку. Уткнуть лицо в

ее рыжие волосы. С силой пожать ее тонкие пальцы.

— Чай? — машинально переспросил я. И мой взгляд упал на высокие лаковые сапоги. — А почему бы и нет?

По дороге, так же укрывая меня ярким огромным зонтом, она спросила, как меня зовут. И я не знал, как ответить. Я не любил свое имя, и сейчас оно прозвучало бы еще более смешно. Я откашлялся.

— Вообще-то моя фамилия Гордеев. Григорий Гордеев...

— О, значит, Григ! Можно я так вас буду звать?

Григ! Ну, конечно, Григ! Все сразу стало на свои места. И как мне раньше не пришло в голову? Это же так просто. Григ...

Мы зашли в ее огромный дом, окруженный цветущими деревьями. И я покачнулся. Изумился. И чуть не закрыл глаза. Такого великолепия я в своей жизни не видел. Много просторных комнат, много цветов на полу и на подоконнике, много дорогих люстр, много картин на стенах пастельных тонов и много дорогой мягкой мебели, утопающей в цветных коврах.

А она прохрипела со своим вычурным иностранным акцентом:

— Вам здесь нравится, Григ?

Нравится? Это не то слово. В этот миг я окончательно признался себе. Но вслух сказал монотонным, скучным голосом, искусно подбирая ритм и нужные слова:

— М-да. У вас, действительно, ничего...

Она содурила свои бесцветные запавшие глазки. И, по-моему, поняла мой нарочито равнодушный вид.

— Что ж. Я рада. Выпьем чаю?

Я не любил чай. Мне просто хотелось выпить. Но уже сопротивляясь своему желанию, я ответил:

— Да. Я очень люблю чай.

Мы пили душистый чай в белой столовой, медленно потягивая его из фарфоровых белых чашек.

— Вам не кажется, Григ, что только неудачники слишком много пьют? Я о спиртном.

И я, как баран, кивал послушно головой. Я уже был уверен, что много пьют только неудачники. И мимолетно вспомнил наши с Мышкой вечера под протекающим потолком, когда мы по-турецки сидели на полу и потягивали вино из стаканов. Я содрогнулся.

— Конечно, — усмехнулся я, — вино только для неудачников.

Она приблизилась вплотную ко мне. Положила свои костлявые руки на плечи. И потерлась стриженою головой о мою шею.

— Я так счастлива, что вы меня понимаете, Григ. Это такая редкость сегодня.

И она протянула ко мне ногу в лаковом сапоге. Я послушно снял высокий сапог. Меня неприятно поразило как фотографа, что у нее, к тому же, кривые ноги. Но эту неприязнь я запрятал далеко, в глубь своего сердца. Она сегодня была некстати. Я губами прикоснулся к ее ноге в тонком ажурном чулке. Ее чулки пахли дорогими духами, и мне понравился этот запах. Он не шел ни в какое сравнение с запахом жалкого, ворованного в соседнем дворе белого жасмина, и я слегка пошатнулся.

— Меня зовут Гретта, — томно сказала она, опускаясь на мягкую шкуру какого-то зверя, валяющуюся на полу. — Запомните, Григ, Гретта. Такое редкое имя...

У меня промелькнула единственная в то мгновение мысль. Я не ошибся. Она, действительно, немка.

...А потом долго болела голова, как с пожаря, хотя кроме чая мы ничего не пили. А еще я испытывал чувство досады. И чувство легкой неприязни к Гретте, и к ее шикарному дому, и к ее ажурным чулкам.

— Григ. — Она лежала на постели, раскинув костлявые руки. — Григ, помните, у Маркеса...

Я поморщился. Я терпеть не мог литературные сравнения. И терпеть не мог литературные фразы наутро.

Я вдруг вспомнил свою рыжеволосую Мышку, которая вскакивала утром с постели, широко распахивала окно и кричала на всю нашу запыленную каморку. А может, на весь наш запыленный мир:

— Гришка! Знаешь, на кого ты похож?

И я делал умный серьезный вид, помня, что я — незаурядный фотограф, и бубнил:

— Я похож на гения.

Она хохотала и втяхивала огненно-рыжей копной волос. И опускала рыжую копну волос на мое лицо:

— Нет! Ты похож на кальмара!

Я хватал ее в свои объятья. И долго не отпускал. И думал, что никогда не отпущу от себя. Как я тогда ошибался...

Гретта так же лежала, раскинув руки на белоснежной накрахмаленной постели и хриплым поучающим голосом внушила мне какие-то мудрые истины из книжек, которые были написаны не ею. А те, что их написали, наверняка не верили в эти мысли, а просто решили подшутить над этим миром, так все всерьез воспринимавшим. Всерьез его не воспринимала только Мышка. И, может быть, когда-то нами любимый наш друг Моцарт, которого сегодня я так легко предал.

— Ты что-то сказала, Гретта? — раздраженно спросил я.

И она уловила это раздражение.

— Григ, — и ее хрипловатый голос стал как-то мягче и даже похож на мяуканье. По-моему, она испугалась, что потеряет меня. — Григ... Я же знаю... Я вижу... Тебя вижу... Но ты способен на большее в жизни. Честно, Григ. Так по-русски — честно?

Да. По-русски ты произнесла правильно. Че-ст-но. Но для кого?

— Ты о чем, Гретта?

— У тебя может быть все. Но ты растрочиваешь себя на пустяки. Ты достоин другого, Григ...

Я это знаю и без тебя, Гретта. Но образ огненно-рыжей девушки (таких волос не бывает, я знаю!) не дает мне покоя.

— Григ, я видела твои работы.

И тут я вздрогнула. Мое раздражение мигом улетучилось. Она сумела задеть за живое.

— Твои работы прекрасны, Григ. Но им чего-то недостает.

Я повернулся к ней побледневшее усталое лицо, видимо, от бессонной ночи и отдаленных мук совести.

— Чего им не хватает, Гретта?

— В них слишком много... Ну, как это по-вашему... Какой-то яркости... Каких-то блесков... Нет, я не про то говорю. В них слишком много со... Солнце? Правильно я произношу?

Я резко сжал ее плечи.

— Разве это так плохо, Гретта?

Она рассмеялась кривозубой улыбкой и освободилась из моих цепких объятий.

— Это ни плохо, ни хорошо. Просто это не так. А в мире, Григ, запомни, есть что-то большее, чем солнце.

Мне хотелось спросить, в каком мире, но я почему-то промолчал. Я почему-то понял, что она права...

Я остался у нее. Во всяком случае, я принял ее пениющуюся душистую ванну, ее пушистое полотенце, пахнущее духами, ее мятные салфетки, которыми я любил промокать губы, и ее удивительное знание места всем вещам. Она любила вещи и отлично понимала, что вещи — это неотъемлемая часть нашей жизни. Часть нас, метущихся, бесприютных. И она прекрасно уловила, что моей бесприютной душе нужен уют и покой.

То, что никогда не могла мне подарить Мышка в своем беспорядочном мире.

И я согласился...

И я не вернулся в наш маленький дом, который раньше мне казался хрустальным раем, а теперь в моих мыслях выглядел всего лишь жалкой каморкой с протекающим потолком. Я не вернулся ни через день, ни через два... К тому же в эти дни события понеслись с такой бешеною скоростью, что места не было вспоминаниям о девушке с огненно-рыжими волосами, которых не бывает в природе. За эти дни я преуспел во многом. Гретта ввела меня в солидный круг престижных людей. К тому же на второй день нашего знакомства она подарила мне фотоаппарат. Это было настоящее чудо! Я и не подозревал, что на свете существует такая совершенная безузоризненная аппаратура. Я фотографировал все, что мне попадалось на глаза с каким-то бешеным, нездоровым энтузиазмом. Развалины домов, пересохшую, потрескавшуюся землю, мелкий моросящий дождь. И каково было мое изумление, когда на готовых снимках появлялось не просто визуальное представление о мире. Все приобретало какой-то иной, тайный смысл. Я ликовал, как мальчишка. Я наконец-то легко обрел свое «я». И понял, что наконец мои снимки оценят по достоинству. С этого часа начнется мой взлет.

— Что я тебе говорила, Григ, — хрипела Гретта, натягивая ажурные чулки. — Солнце фотографировать слишком просто. Солнце и на фотографии всего лишь солнце. И больше ничего. А в жизни всегда есть что-то большее, чем солнце.

Гретта была права. К солнцу моя любовь всего за каких-то несколько дней начисто остыла. И только ночью, когда я оставался наедине с Греттой, когда приходилось смотреть на ее костлявые руки, аккуратно стягивающие ажурные чулки, когда приходилось через силу гладить ее стриженные бесцветные волосы и, глубокий слону, целовать ее холодные губы, только в эти неприятные мгновенья я вспоминал огненно-рыжие волосы Мышки, ее сумасшедшую скрипичку, ее звонкий смех и ее, где-то в самой дали, болтающееся солнце. Но, пересилив себя, я шептал:

— Я так счастлив, Гретта. Вся моя прежняя жизнь оказалась сплошной ошибкой. Я так счастлив, Гретта.

И она цеплялась костлявыми руками за мою шею и шептала в ответ:

— И я счастлива, Григ. Со мной все у тебя пойдет по-другому. Со мной ты не узнаешь, что такое сомнения и страхи.

Я с силой зажмуривал глаза, чтобы только не видеть ее бесцветного лица, которое я не любил и которое мне так и не стало родным. И про себя плакал. Плакал оттого, что уже ничего изменить не в силах. И ничего не хочу изменить. Оттого, что так легко сумел простить себя и так легко оправдать.

— А завтра ты меня сфотографируешь, Григ, — хрипела Гретта, целуя меня холодными безжизненными губами.

Нет! Хотел кричать я. Нет и тысячу раз нет! Я никогда не смогу фотографировать это блеклое равнодушное лицо. Потому что ты, Гретта, не похожа на ту единственную девушку, которую я когда-то любил. И белый-белый жасмин, Гретта, я никогда тебе не подарю. Потому что его дарят единственной женщине...

— Конечно, Гретта, я обязательно тебя сфотографирую. Спи, пожалуйста. Спи...

И больше всего на свете мне хотелось, чтобы она поскорее уснула. Чтобы я наконец-то остался один.

Она появилась однажды. И опять шел мелкий, противный дождь. Она стояла на каменном пороге нашего огромного дома, босая, в мокром платьице, с мокрыми рыжими волосами, в которых блестели дождинки-бусинки, ее острые коленки были почему-то ободраны до крови. Ее лицо было мокрым то ли от дождя, то ли от слез. Я не знал. И боялся это знать.

— Гриша, Гриша, — шептала, глотая слезы она, — я так тебя долго искала. Весь мир словно перевернулся, словно отвернулся, отказался от меня. Никто не отвечает, где ты. Как долго я тебя искала. И если бы ты знал, чего мне стоило тебя найти. — И ее острые плечи затряслись от глухих рыданий. Она все повторяла и повторяла мое имя, как заклинание. Имя, которое я уже поменял.

И тут я понял, что сейчас не выдержу. Что сейчас, сию минуту брошусь к ее босым ногам, зацелую ее ободранные коленки. И отвечу:

— Мышка, все не так. Все не так. Ты прости, если сможешь. Только прости...

И, взявшись крепко за руки, как всегда, мы, шлепая по лужам, побредем в свой... Стоп. Остановись, Григ. И тут я словно опомнился, очнулся. Я физически, до неприятной боли под лопаткой, осознал, что все будет по-прежнему. И пыль на буфете, и протекающий потолок, и скрипучая кровать. И музыка нашего друга Моцарта уже не согревала меня, впрочем, как и запах белого жасмина на подоконнике не крушил мне голову. И я остановился. Я сумел себя остановить, свое бешено стучащее сердце. Мое лицо побледнело, мои губы плотно сжалась, глаза сузились:

— Уходи, Мышка, — сухо ответил я. — Уходи.

В ее зеленых глазах застыл ужас. Она ничего не поняла.

— Это неправда. Так не бывает. Так быть не может...

— Может, так и не бывает, Маша, — назвал я ее по имени, и она еще больше сжалась. — Может, так и не бывает. Но это есть. И это факт. Уходи.

Она стояла не шелохнувшись, уцепившись мертвой хваткой за косяк двери.

— Ты меня слышишь?! — почти закричал я. — Ты меня слышишь?! Ты сейчас же уйдешь! Ты должна понимать, дурочка, что жизнь совсем другая. И место разлуке в ней всегда есть.

— Разлуке или предательству? — еле слышно произнесли ее губы. Но я услышал. И тут заметил, как она постарела. Буквально за одно это мгновение. Сеть глубоких морщин на лбу, складки у уголков губ, потухший зеленый взгляд, и мне даже показалось, будто в огненно-рыжих волосах промелькнула седая прядь. А может быть, во всем виноват дождь. Мышка под дождем всегда выглядела старше.

И я ее пожалел, хотя моя жалость была совершенно некстати. Напротив, я понимал, что нужно до конца играть свою роль жестокого, ничтожного человека, чтобы не оставлять ей никаких надежд. И если первый камень в ее душу упал, нужно бросить туда и все остальные. Но это было выше моих сил. Я ее пожалел, и мои глаза забегали где-то поверх ее рыжих волос.

— Уйди, пожалуйста, Маша. Ты ведь так всегда мне желала счастья. Считай, что оно сбылось. Пойми, что солнце — это еще далеко не все. Солнце может всего лишь согреть кожу или дать вот такой цвет волос. — И моя рука машинально потянулась к пряди ее волос, но я вовремя сумел отдернуть руку. — Но жизнь совсем другая, Маша. Совсем. Когда-нибудь и ты это поймешь. Обязательно поймешь...

— Я никогда этого не пойму. У меня есть одна жизнь. И другой я не понимаю. И не хочу понимать.

Мои губы скривились в злобной усмешке. Я все-таки в глубине души позавидовал ей. Что она может жить так. А я не смог. И никогда не смогу. Она оказалась сильнее меня. Ну, что ж! Пусть со своей силой, со своим солнцем она и укрывается в каморке под протекающим потолком. С меня хватит!

— Я сказал все. А теперь — уходи. — И я захлопнул перед ее носом дверь. И не выдержал. И уткнувшись лицом в плотно захлопнувшуюся дверь, бесшумно заплакал...

Ольга глубоко затянулась сигаретой, пуская дым в решетчатое окно. Струя голубого дыма проскользнула через квадрат и улетела куда-то в даль, в решетчатое небо, растворяясь в пущистых облаках.

— Значит, она не давала вам жить, Григ?

— О, Боже! — Я схватился за голову. — Почему вы все так переворачиваете, Ольга? Зачем вы пытаетесь ловить меня на словах?

Ольга недоуменно пожала плечами.

— Просто я повторяю ваши слова.

— Да! Она не давала мне жить! Да, она пыталась выяснить какую-то правду! Просто она не могла смириться с утратой! Не могла! Да!

— Во всяком случае, она имела право на правду. Ведь расставаться тоже надо с достоинством. Вы же своим достоинством пренебрегли. Вы хотели, чтобы вас оставили в покое. А она разрушала ваше спокойствие и благополучие.

— Пусть будет по-вашему! Но это не значит, что из-за этого я должен был ее убивать!

— Когда человек мешает, его часто убирают с пути. Это самый простой выход. Особенно когда не хочется отвечать за свои поступки и слова.

— Это ложь, Ольга! Я бы никогда не решился на такое...

— Григ, Григ, Григ, — сверкнула Ольга своей ослепительной улыбкой. Но в этой улыбке было что-то нездоровое, зловещее. — Человек часто не в состоянии контролировать свой мозг, свою психику. Кстати, вам известно, что разум, психика, душа — вещи нематериальные. И они, если хотите, вне человека. Поэтому мы с вами в этом вряд ли сумеем разобраться.

Дверь моей камеры вызывающе скрипнула. На пороге появилась мерзящая компания, с которой я уже имел честь познакомиться.

— Вы упомянули о психике и душе? — прогнусавил попугай Ричард, одной лапой цепко схватившись за ярко-полосатый пиджак Брэма, а другой прижимая к груди бутылку вина. При этом он сильно пошатывался.

— О, психика и душа — это самые тайные вещи на земле, — продолжил за Ричарда Брэм, также пошатываясь и держа в руке еще одну бутылку вина. — Кстати, когда в последний раз я на эту тему спорил со своим двоюродным братом, тоже, кстати, Брэром, он посмел заметить, что психика и душа — это привилегия людей. Но я в пух и прах разбил его безосновательные доводы. И в доказательство завел себе друга. — Брэм похлопал Ричарда по рукаву ярко-полосатого пиджака. — Ведь так, Ричард?

Ричард в ответ усмехнулся.

— Кстати, Григ, — прогнусавил он. — Наши старания окупаются, поверьте. И, поверьте, виновный будет наказан. Тело уже найдено...

— Тело, — пробормотал я, побледнев. — Тело найдено...

— Именно! Наконец-то вы начинаете соображать. — Ричард довольно потер свои когтистые лапы. — Тело найдено. Хотя это трудно уже назвать телом. Но душа... Вы разве не слыхали, Григ, что душа бессмертна?

Я уже не мог держать себя в руках. Я бросился к двери, загороженной решеткой, и стал отчаянно биться о нее головой, вцепившись руками в железные прутья.

— Это неправда! Я не мог! Это неправда! Выпустите меня отсюда! Это неправда!

Холодные пальцы чуть скжали мою дергающуюся шею.

— Вам нужна помощь, Григ, — услышал я за спиной ровный голос Ольги, — ваши нервы на пределе. Поверьте, Брэм и Ричард прекрасные психотерапевты. Они вам обязательно помогут, поверьте. Я оставляю вас с ними наедине...

Я смотрел на нее совершенно обезумевшим взглядом, и у меня не было сил вымолвить ни слова. Больше я уже не хотел говорить. Я боялся слов...

Ф И Л

Я шел по городу, насвистывая Моцарта. Не знаю почему, но сегодня мне хотелось петь, вернее, свистеть его сумасшедшую музыку. Я понимал, что это некстати. Мой близкий друг попал в большую беду. Но я по-прежнему не мог не любоваться яркими бликами солнца на деревьях и домах, я не мог не смотреть со лнцу в лицо и лукаво не подмигивать ему. Я не мог не петь Моцарта. Ведь, не наше несчастье, в мире ничего не изменилось, и мир, как всегда, ликовал, играл, забавлялся солнцем. К тому же я решил, что дела моего друга не так уж безнадежны. А возможно, это воздушный поцелуй Ольги придал мне силы. Я направился к своему дому. Дом — это слишком громко сказано. Это было коричневое сооружение, похожее на развалившийся сарай, в котором мог поместиться разве только я и, возможно, кто-то еще один, маленький, веселый и плюющий на разукрашенный дорогой мир.

Я шел домой, насвистывая сумасшедшего Моцарта. И, уже приближаясь к цели, вдруг резко затормозил. Такого еще не бывало! К моему дешевому сарайчику не то чтобы не подъезжали машины, не то чтобы не ступала нога человека, но даже облезлые коты и те старались обходить его стороной. Разве что птицы. Единственные живые существа, кого тянуло к моему захламленному, запыленному, беспардонному миру. Они влетали в окошко, пели мне утренние песенки, и я им частенько подпевал.

Но сейчас, сегодня, в эту минуту, я, привыкший ничему не удивляться, все-таки удивился.

— Здравствуйте, Фил! — У двери меня ожидала неизвестная женщина.

У нее был ярко выраженный иностранный акцент, и я подумал, что она, наверняка, немка. И про себя недовольно поморщился. Немок я не особенно жаловал. Холодные, расчетливые бабенки. Куда бы ни шло — француженка, я бы еще смог терпеть ее отталкивающую внешность. Но поскольку я был все-таки кое-как воспитан, мне пришлоось, как идиоту, поклониться до земли и изобразить на лице подобие улыбки.

— Гретта. Меня зовут Гретта. Я знала вашего друга и хочу вас пригласить к себе в гости. Просто так. Поговорить.

Ну и имечко! С ума сойти можно!

— Какое прекрасное у вас имя! И вы так любезны.

Но я как-то в своем сарае лучше себя чувствую. Знаете, привык, что ли, к своему укрытию.

— У меня вы найдете тоже надежное укрытие, поверьте, — хрюпло проговорила Гретта. — Мои стены непробиваемы, Фил. А мое вино с ног не валит. В этом вы легко сможете убедиться.

Она оказалась права. Ее толстые стены были непробиваемы. А ее огромный дом напоминал пышные хоромы. Я терпеть не мог подобную роскошь. И многое вещей, много мебели и много ковров на меня всегда нагоняли невыносимую скучу. Я не выдержал и поморщился. Но мою мимику Гретта тотчас приняла за похвалу.

— Вы удивлены, Фил? Многие приходят в восторг от моего дома. Вы — не первый.

— Угу, — промычал я. — Скажите, Гретта, а зачем вам одной так много всего? Или вы — коллекционер?

Она рассмеялась неприятным хриплым смехом иshalovliivo погрозила пальцем с накрашенным длинным ногтем.

— Если хотите — да. Но только не вещей. Вещи — это просто часть моей жизни.

— А-а-а, понятно. Но зачем я нужен в вашей коллекции? Как экзотический экземпляр? Бродяга и мот?

— Вы обаятельны, Фил. Мне это всегда нравилось в людях. — И она слегка прикоснулась своими костяшками к моей щеке. Я невольно отпрянул.

— Фил, все-таки я вас не понимаю, Фил. Вы образованы, умны, талантливы. Вас может ждать прекрасное будущее.

— О будущем могут загадывать только идиоты, Гретта. Я всегда помню, что завтра может и не наступить. Поэтому я радуюсь только сегодня.

— Ну, хорошо. Допустим. Допустим, вам нравится этот образ бродяги, скандалиста, который вы сами придумали. Но теперь... Когда в вас проснулся этот необыкновенный дар материализовывать слово... Вы понимаете, одно слово, высказанное вслух, — и ваше любое желание исполнится.

Я усмехнулся. Я действительно не подумал об этом. Может быть, потому, что мои желания всегда были слишком просты, естественны. И для их выполнения можно было и не обладать волшебством. У меня есть все для жизни. Есть крыша над головой. Есть ярко-зеленый фикус, есть птицы, которые по утрам поют только мне, есть южное солнце, есть фотоаппарат. Что еще мне нужно для жизни? Пожалуй, только любовь, которую я так и не встретил. Но теперь бессмысленно думать об этом. Потому что моя любовь умерла, так и не узнав обо мне. Эта огненно-рыжая девушка с белозубой улыбкой, поющая Моцарта

— У меня есть все, Гретта. И я почти счастлив. А материализация слова — это полная чушь. Зачем это, если мои желания и так всегда сбываются.

— А может быть, это нужно другим?

— Вы хотите, чтобы я выступал в цирке?

— Нет, но вы, действительно, могли бы осчастливить многих. Или хотя бы многим помочь.

— Я не Господь Бог. И не претендую на его роль. А придуманное счастье не имеет права на существование. Это мираж. Счастье должно приходить само по себе. И у каждого свое счастье. И мы порой не подозреваем, какое счастье нам нужно. Может, мои мысли и материальны. Но какое я имею право исполнять желание, не зная человека. А вдруг я ошибусь? Я не имею права, Гретта, распоряжаться судьбами.

Она пожала плечами.

— Но себя-то вы хорошо знаете?

— Может, и знаю. Но я не могу знать, чего заслуживаю в этой жизни, а чего — нет. Пусть жизнь за меня это решит. Она мудрее любого из нас. И это будет правильно.

— Странный вы человек, Фил. Человек, которому дано все и который сам от всего отказывается.

Я упрямо помотал головой.

— Вы не правы, Гретта. Я не отказываюсь от солнца, от своей работы, от любви... На это имеет право каждый. И мой внезапный дар я считаю просто ошибкой.

— Подождите меня, Фил. — И Гретта мигом скрылась в соседней комнате.

Вскоре она появилась в дверях, держа перед собой... О, я тряхнул головой и зажмурился. Это было настоящее чудо. Гретта держала в руках прекрасный фотоаппарат. И даже издали я оценил все его бесценные достоинства.

— Взгляните. — И она протянула мне его. — Вам он нравится?

— Безусловно. — И я осторожно, словно боясь уронить, взял его из рук Гретты. — Я впервые сталкиваюсь с таким совершенством. Такое совершенство мне могло только присниться в самых фантастических снах.

— Это новейшее чудо техники. И это единственный в мире экземпляр. Этот фотоаппарат может творить чудеса. Вы в этом сможете легко убедиться. С помощью этой игрушки можно достигнуть высочайшего мастерства. Можно запечатлеть каждую деталь, вплоть до атомов живой и неживой природы. Фотографии будут подобны рентгеновским снимкам. Ведь вы, Фил, фотографируете только внешнюю оболочку. Этот же аппарат способен разгадать тайну. И эта игрушка, кстати, может легко стать вашей.

— Легко? — машинально переспросил я. — А за какие такие заслуги?

Не знаю почему, но после слов Гретты мне уже меньше нравилась эта штуковина. Мне она показалась уже роботом, за которым не будет видно ни меня, ни моего творчества, ни моего мира. Я же всегда сам все придумывал. И я хотел, чтобы в мире всегда жила тайна. Но я все же, из чистейшего любопытства и желания узнать, до чего может дойти человеческая низость, спросил:

— Так за какие заслуги, Гретта?

Она слегка замялась.

— Ну, вам же нравится у меня?

Я ей вернул эту лакированную игрушку.

— Безусловно, Гретта, это чудо техники. Но, по моему, предназначеннное для бездарей. Я же пока верю в свои силы, если хотите, в свой талант. Возьмите его. Мне он не нужен. И я так думаю, не нужен никому. Его нужно выставлять в музее. Фотографам с ним работать нельзя. Вот и все.

И тут она не выдержала и со всей силы стукнула кулаком по столу.

— Вы... — Ее лицо скривилось до безобразия. — Вы просто... не мужик, Фил.

Ну, этим она меня не могла оскорбить. Это оскорблением не для мужиков. И я ответил, уже искренне улыбаясь:

— Просто я, как мужик, Гретта, имею дело исключительно с женщинами. Вот и все. Прощайте. Простите, но за вину ничем не могу заплатить. В моих карманах пусто. — И я вывернул карманы своих жеваных широких штанов наизнанку. И, резко повернувшись,

пошел прочь от ее вычурного, пышного дома. Я же терпеть не мог торговцев.

Я оказался один в душной ночи и не знал, куда держать путь. Единственное место, куда можно было идти, — это здание тюрьмы, где находился мой друг. Я так ничем и не смог помочь другу и, возможно, не смогу. Но все-таки я хоть что-то должен был разнюхать...

ГРИГ

Ольга ушла, на прощанье махнув кончиком шелкового шарфа и ободряюще подмигнув. Но причин радоваться у меня не было. Я остался наедине с этими чудовищами — Брэмом и Ричардом. И страх сковывал мое тело. Я боялся ошибиться. Я боялся — одно неосторожное слово — и меня уже ничто не спасет. И я решил говорить как можно меньше. Но Ричард и Брэм тоже не собирались начинать разговор. Они уселись напротив меня и уставились своими выпуклыми глазами, дыша мне в лицо перегаром. Я не выдержал. Наверное, молчания я боялся еще больше слов.

— Как вам удалось найти ее тело?

Ричард хихикнул.

— Григ, вы нас определенно недооцениваете! Если убийство было совершено в доме, где вы с ней наслаждались чистой любовью, значит, тело могло быть где-то поблизости. В точности изучив ваш «решительный» характер, мы предположили, что от страха вы не уvezete его далеко.

Я поднял на него тяжелый взгляд.

— А фотографировал ее мертвую я тоже от страха?

Брэм развел своими маленькими ручками.

— Ну, Григ, на этот вопрос только вы можете дать точный ответ. Это тоже одна из тайн человеческой психики. Когда я в последний раз спорил на эту тему со своим двоюродным братом Брэром, он утверждал, что звериные инстинкты...

Я не выдержал и вскочил с места. И, вцепившись в ярко-полосатый пиджак Брэма, зашипел:

— Мне нет дела до вашего брата! Его не обвиняли в убийстве! Поэтому он так легко мог рассуждать о чем угодно. Но я так легко не сдамся! Я не убивал! Слышите?! Не у-би-вал! Кто угодно мог забрести в ее домишко. Кто угодно мог убить...

— Будьте же благоразумны, Григ. — Брэм легко освободился из моих цепких рук. — Экспертиза уже доказала, что тень на фотографии только ваша. И никакая иная, Григ! Плохим вы были фотографом, м-да. Нужно уметь рассчитывать свет и тень.

Я тяжело опустился на железную койку и закрыл лицо руками.

— А наша задача, — прогнулся Ричард, — всего лишь помочь вам вспомнить.

— Вспомнить? — Я непонимающе на него посмотрел.

Брэм с Ричардом прошли по моей камере, важно выпятив грудь.

— М-да, Григ. В вашем случае существует только два варианта. Либо вы так искусно, так профессионально лжете, либо вы в состоянии аффекта забыли начисто ту страшную для вас минуту. Согласитесь, второй вариант для вас более выигрышен. Он оставляет хоть какой-то малейший шанс.

— Шанс? — Я по-прежнему не понимал, куда он клонит.

— Ну, безусловно! Если у вас не было заранее на-

меченнего плана убивать и вы в порыве злости, ненависти, страха за свое блестящее будущее совершили преступление. И ваша психика в тот момент была на изломе. Вы вполне могли все делать машинально — и фотографировать, и избавляться от тела. И уже потом ничего не помнить. В вашем мозгу как бы закрылась потайная дверца памяти. Но ваш мозг независимо от вас понимал, что оставаться в этом городе уже нельзя. И вы тут же бежали из столицы. Согласитесь, странное решение для уже признанного фотографа, которому сам Бог велел жить и творить в большом городе, разве не так?

Я ничего не отвечал. Мне казалось, что мои мысли завязли в каком-то липком грязном мессиве.

— Но для такой версии вам необходимо восстановить память, Григ.

— Но я же не сумасшедший, — прошептал я побелевшими губами.

— О, в этом никто не сомневается. Вы и впрямь не смахиваете на сумасшедшего, — как-то уж чересчур ласково прохрипел Брэм. — Но вы — творческая личность. Ваши мысли, чувства — это сплошные порывы, экспрессии, и они ненормированы. Вы, как фотограф-художник, так красочно в своих мыслях, так детально уже описали этот трагический сюжет, так все нафантизировали — и страшного убийцу, и капли крови на черно-белом фоне, и полные страдания глаза девушки. Но опять же в глубине подсознания вы понимали, что убийцы не существует. И вы сами осуществили этот план. Ну, как бы сыграли за кого-то эту ужасную роль.

Перед моими глазами поплыли ярко-желтые, как солнечные шары, пятна. И в этих пятнах я уже смутно различал Брэма и Ричарда. Их голоса доносились словно издалека, словно из неведомого пространства, в котором меня уже не было.

И я даже не услышал, как скрипнула дверь камеры и появился Дьер. Его голос я тоже услышал издалека.

— Ну, что ж. Все готово.

Только тогда я опомнился и встряхнул головой и уже ясно увидел Дьера. Он был, как всегда, излишне красив, излишне элегантен. И я даже поежился, глядя на свой когда-то белый костюм, когда-то белые туфли. И я ему вновь позавидовал. Я все-таки умел ценить в людях изящество и красоту.

Холодные глаза Дьера стрельнули в меня кусочками льда.

— Все готово, Григ. Встаньте.

— Что готово? — не понимая, пробормотал я.

— Вас разве не ввели в курс дела?

— Еще не успели, — прохрипели одновременно Брэм и Ричард, дыхнув на Дьера перегаром.

Он поморщился.

— Вы как всегда... Как сапожники. А еще смеете хвастаться родством с гениальным Брэмом.

Брэм виновато откашлялся:

— Мы всей сути вопроса изложить не успели еще. Но подготовительная работа проведена, — доложил он.

Я недоуменно разглядывал эту шайку.

— Какая подготовительная работа? К чему?

— К эксперименту, Григ, — отчеканил Дьер. Сейчас мы его проведем, чтобы восстановить вашу память.

— Или вскрыть твою ложь, — хихикнул Ричард.

— Я не хочу... Я не хочу никаких экспериментов. Я не готов. — В моих глазах сверкнул нескрываемый страх, и я отступил назад. — Я не подопытное животное, чтобы со мной экспериментировать.

— От этого зависит ваше будущее, Григ, — слова Дьера отскакивали и разбивались о стены. — Будьте же благоразумны. В конце концов, ни вам, ни нам другого не остается. Скоро уже суд.

— Суд?! — выкрикнул я. — О, Боже! Но скажите... Объясните хотя бы, в чем суть этого опыта?

— Все карты мы не имеем права раскрывать, — ответил Дьер. — Эксперимент рассчитан на внезапный эффект. Мы можем сказать, что с помощью его мы постараемся восстановить события того дня, когда произошло убийство.

— Но... Но, возможно, у меня есть алиби на тот день? — зацепился я за последнюю надежду. — Когда это случилось?

— Точный день определить невозможно. Ведь прошло уже почти два года. Но приблизительно это случилось в середине мая.

— В середине мая... Приблизительно в середине мая. Это не утешает.

— Именно, — холодно усмехнулся Дьер. — Каждый миг того периода мы воссоздать не в состоянии. Впрочем, как и вы. Слишком много воды утекло. Слишком много...

— Слишком много, — машинально повторил я.

— Вы готовы, Григ?

Я устало на них посмотрел. И еле заметно кивнул. И Дьер широко распахнул дверь моей камеры.

Мы шли по длинному темному коридору. Впереди шагал Дьер, надвинув на лоб свою широкополую шляпу. За ним, с опущенной головой, я. И за мной, переговариваясь и хихикая, семенили Ричард и Брэм. Наши шаги гулко раздавались в темноте. И мне казалось, что я иду в никуда, в бесконечную ночь, в безысходность. И все-таки я пытался привести мысли в порядок. Я чувствовал, что от этого эксперимента во многом зависит моя судьба. Я готовил себя к самому страшному, и все-таки к такому я не был готов. Это оказалось за пределами моего страха.

Дьер остановился возле какой-то двери с огромным железным замком. И медленно стал поворачивать ключ.

Наконец, он распахнул дверь и жестом пригласил войти. Я переступил порог, мои глаза наполнились ужасом. Я даже был не в силах кричать. Я очутился в домике Мышки. Все было точь-в-точь как два года назад. Тот же буфетик с толстым слоем пыли. Тот же скрипучий диван. И тот же белый-белый жасмин на подоконнике. А на полу, поджав под себя ноги, сидела огненно-рыжая Мышка. Живая, в белых сандалиях на босу ногу, в цветном сарафане. Перед ней лежал пустой кожаный футляр от скрипки. Она смотрела на меня, широко раскрыв глаза. И в ее глазах, наполненных крупными слезами, я читал просьбу о помощи. О, Господи, этого не может быть.

— Этого не может быть, — прошептал я побелевшими губами и закрыл лицо руками.

Не знаю, как долго я так неподвижно стоял. Уже ни о чем не думая и не пытаясь думать. И единственным желанием было, открыв глаза, ничего не увидеть. Я резко оторвал от лица руки. Все оставалось по-прежнему. Только еще слаще пахнул жасмин и в глазах Мышки появилось еще больше страдания и слез.

Но мне уже не было ее жалко. Я вдруг забыл, где я и что со мной происходит. Я видел перед собой девушку, которую когда-то так сильно любил. И, возможно, люблю до сих пор. Я еще понимал, что не кто иной, как она, эта рыжеволосая ведьма загнала мою жизнь в

туник и загубила ее. И по ее вине я шел по темному длинному коридору, конца которому нет. И единственный возможный конец этого туннеля — это мой конец. Этого я ей простить уже не мог. Мне страшно захотелось наброситься на нее и зацеповать до смерти и до смерти задушить. И я понял, что желаю ее смерти. Я вдруг понял — это единственный выход из ночного бесконечного туника.

И я прошептал, скривив свое бледное лицо и сверкая ненавидящим взглядом:

— Я тебя убью, Маша. — Я вновь ее назвал почему-то по имени и сделал резкий рывок к ней.

Но мою руку успели перехватить и закрутили за спину. Я оглянулся и столкнулся с ледяным презрительным взглядом Дьера.

— Вот вы все и сказали, Григ. — И он слегка толкнул меня к выходу. И закрыл плотно дверь.

Я, очутившись в этом ночном бесконечном коридоре, наконец опомнился. И окончательно понял, что мне уже бежать некуда...

— Вот вы все и сказали, Григ, — повторил Дьер уже в камере.

— Мне очень жаль, Григ, — прогнулся Ричард и глубоко вздохнул. — Я тебя даже где-то успел полюбить, старик. — И он подскочил ко мне и воткнул в петлицу моего когда-то белого пиджака помятый цветок жасмина. Но я даже не прореагировал на его жест. Я сидел неподвижно, глядя в одну точку на стене. И сам едва услышал свой дрожащий голос:

— Что это было?

— Возьмите себя в руки, — усмехнулся Дьер. — Это так просто. Всего лишь умелые декорации. И девушка — всего лишь очень похожая на вашу. Особенно в плумраке.

Похожая на мою. Похожих на мою не бывает, подумал я. И все же, услышав про реальность эксперимента, я потихоньку стал успокаиваться, хотя успокаиваться причин не было. Я окончательно проиграл.

— Вы проиграли, Григ, — повторил мои мысли Дьер.

— Вы вспомнили ситуацию. И единственным желанием было ее повторить. Вы вновь пожелали смерти.

Я отрицательно покачал головой.

— Нет, нет... Этого не может быть. Я любил ее и, наверное, люблю.

— Никто этого не отрицает. И тем не менее...

— Мне нужно подумать. Я не могу поверить в это. Я не мог убить. Мне нужно подумать...

И вдруг, уже почувствовав дыхание смерти на своем лице, в самый критический момент я вдруг вспомнил Гретту. Нет! Есть еще шанс! Гретта!

— Гретта! — воскликнул я и вскочил с места. — У меня есть еще шанс! Она со мной проводила все дни. Она жила со мной! Может быть, она что-то знает! Поймите же, даже если я виновен, я пока не могу это вспомнить! Мне для окончательного решения нужен хотя бы один свидетель той жизни! Тогда... В мае... Прошу вас, найдите Гретту! Прошу вас...

Они молча направились к выходу. Но Дьер все же оглянулся.

— Как вам будет угодно, Григ. Мы сделаем это для вас. А пока думайте. Думайте, Григ.

И они захлопнули за собой дверь. Оставив меня в полном одиночестве, на железной койке. Небритого, в помятом грязном костюме с цветком жасмина в петлице. Я пытался вспомнить. Я пытался разобраться. Но единственное, что я пока понимал, — это любовь к девушке по имени Маша. Возможно, только сейчас,

увидев ее двойника, я окончательно осознал свое чувство. Единственное настоящее в моей жизни — это была любовь к Мышке. Да, увидев ее сегодня вновь, я захотел убить ее. Но не от любви ли? Возможно, когда-то сильная страсть толкнула меня на этот шаг. Когда стоял выбор — благополучие, покой, слава или иллюзии, мечты в сумасшедшем ритме Моцарта. Я выбрал первое. И, возможно, не мог простить, что она смогла выбрать второе. Что уже без меня она будет любить жизнь, любить солнце, любить Моцарта и без меня, встремливать огненно-рыжими волосами. И кому-то другому петь великого композитора, имитируя игру на скрипке. Возможно, я ей это простить не мог. Но какое сейчас это имеет значение? Если я виновен — отвечу. Если нет — жизнь все равно утратила для меня свой блеск и смысл. И я вдруг осознал, что в глубине души даже желаю, чтобы моя вина была признана. Я вдруг понял, что не хочу жить. Я устал жить. Я вдруг представил, если меня даже оправдают, мне придется возвратиться в свой пустой огромный, захламленный дом. Придется без конца щелкать фотоаппаратом и кланяться до земли нужным лицам. Нет, я этого уже не хотел. И, возможно, единственным желанием было желание вернуться в нашу с Мышкой каморку с протекающим потолком, к музыке, сочиненной Моцартом когда-то специально для нас. Но это было невозможно, и поэтому я искренне желал оказаться виновным. И уже без страха ожидал приговор. И впервые за долгие ночи, проведенные в камере среди топанья крыс, я спокойно и мирно заснул...

ФИЛ

Выскочив из дома Гретты, я оказался один в душной ночи и не знал, куда идти дальше, что дальше предпринять. Ноги сами меня понесли к зданию городской тюрьмы. Я ничем не мог помочь Григу, но я обязан был что-нибудь вынюхать.

Я долго опивался перед высокими железными воротами, ограждающими кирпичное здание, но как проронкнуть туда, я не имел понятия. Но удача не изменила пока мне.

Я заметил знакомый высокий силуэт. Дорогой элегантный костюм. Широкополая шляпа. Мужественная челюсть и холодные, как лед, глаза. Больше всего из всей столичной шайки мне был неприятен именно этот тип. Но выбора у меня в уснувшем городе уже не было. И я вынырнул из подворотни прямо ему навстречу. Если честно, мне очень хотелось его испугать. Но он и глазом не моргнул.

— Надеюсь, вы меня не собираетесь ограбить, Фил? — спросил он, даже не приостановившись и тем же размашистым шагом направляясь к железным воротам. Охранники кланялись ему, не глядя в мою сторону. И я решил, что этим стоит воспользоваться.

Он открыл дверь, и я юркнул за ним, как ни в чем не бывало. Я решил во что бы то ни стало не прерывать эту милую светскую беседу, чтобы проникнуть дальше, в глубь темного коридора. Но мои надежды не оправдались. Дьер резко остановился. Пощарил в кармане и вытащил оттуда монету.

— Это вам, Фил, на утреннюю кружку пива. Только, ради Бога, не спаивайте моих коллег. — И, не дождаясь ответа, кивнув вооруженному охраннику в мою сторону, мгновенно скрылся в темноте. Я понял, что мой план провалился и меня сейчас мило выпроводят за дверь этот жирный блеститель порядка. Вдруг

краем глаза я заметил на столе у охранника раскрытую газету, в которой Славик живописал меня как друга Грига и кудесника. И решил рискнуть.

— О, как приятно познакомиться со своими поклонниками. — Я схватил жирную лапу охранника и сильно затряс.

Он, ничего не понимая, вытаращил свои бычьи глаза на меня, и я, воспользовавшись его замешательством, схватил газету и ткнул в нее пальцем.

— Вот! — Я гордо выпятил грудь. — Исполнение любых желаний! Но я, конечно...

— Ты — Фил? Ха! Как здорово! — прогремел его бас, и он почесал свою лысую голову.

— Именно! А теперь — всего доброго. Точнее, спокойной ночи. — И я медленным шагом направился к выходу, ожидая, когда его бас вновь прогремит. И я не ошибся.

— Погоди, Фил! Так это что — правда?

Я укоризненно на него посмотрел.

— Неужели вы посмели подумать, что такой выдающийся журналист, как Славик Шепутинский, способен на ложь?

— Что ты, Фил! — замахал он перед моим носом красными жирными руками. — Я и не думал ничего такого. А чего тогда не исполняешь?

— Ну, — я развел руками, — как бы тебе поумнее объяснить. Согласись... Посмею поинтересоваться твоим именем.

— Бык, — растянул он губы в толстой усмешке. — Меня все зовут просто Бык.

— Замечательно! Прекрасное имя! Так вот, дорогой Бык, согласись, исполнение желаний — только для достойных людей.

И я всем своим видом показал, что именно с таким я и имею дело в данный момент. Он даже распрямился в широченных плечах и, как на митинге, откашлялся.

— Я, может быть, тебе смогу быть чем-то полезен, Фил?

— В общем-то, сущий пустяк. Я до конца не успел объяснить Дьеру, в чем отличие морального кодекса от закона. И боюсь, без этой важной информации Дьеру должно будет продолжать то великое дело, за которое он взялся.

— Вообще-то это не положено... Я вообще-то рисую...

— Ну, — я похлопал Быка по широченному плечу, — риск — для настоящих мужчин. И так, какими скровенными мечтами живут настоящие мужчины?

Он вновь почесал свой лысый затылок. И хлюпнул пухлым носом.

— Вообще-то... Ты можешь не то подумать... Но ты согласишься, что действия нашего прокурора не совсем хороши.

Я даже присвистнул про себя. Неужели этот нахальный тупой толстяк мечтает...

— Я, в общем, Фил... Ну, как-то... Ну... Если честно, я, поверь, честный парень, Фил. Я мечтаю оказаться на его месте. Уж поверь, в моих руках наш город пришел бы в полный порядок. Я бы показал, где раки зимуют, — выпалил он на одном дыхании.

— Ну, в этом я не сомневаюсь.

В конце концов такого просто не может быть, чтобы этот нахалуга оказался на месте главного прокурора. Я был просто уверен, что мои слова ничего не будут значить. Еще листра, куда ни шло, могла слететь с потолка от возмущения. И я с чистой совестью сказал, смеясь про себя:

— С завтрашнего дня, стащик, готовься к суровой, но благородной службе. Ты станешь главным прокурором нашего чудесного города. И ты, несомненно, прославишь его своими ратными подвигами...

И, уже не слушая бессвязных слов благодарности в мой адрес и не видя поклонов до земли, я вынырнул в глубь черного коридора. Я легко отыскал дверь, где находился Григ, поскольку он, по-моему, вообще один сидел в этой огромной тюрьме. И создавалось впечатление, что никто, кроме него, вообще не совершил преступлений. Я с чистой совестью приложил ухо к двери и подслушал весь разговор. И ни капли не поверил в болтовню Дьера, Брэма и Ричарда. Но потом... потом, когда я собственными глазами увидел эксперимент, проделанный над Григом, услышал его слова, легкие сомнения закрались в мою душу. Может быть, этот чокнутый Брэм оказался прав? Может быть, творческие фантазии действительно могут завести за пределы разума? И все же, моя интуиция, мой природный скептицизм не позволяли мне до конца в это поверить. И я в душе искренне пожалел Грига. Измотанного, почти больного, почти обезумевшего друга, который всегда так прекрасно выглядел и так всегда гордился своей внешностью и своим умом. Нет, этого просто не может быть!

И я, кивнув на прощанье по-прежнему кланяюще-ся до земли охраннику Быку, выскочил на воздух.

Я притаился за углом. Я теперь знал, что мне делать. Я чувствовал, что мне необходимо проследить за девушкой, так похожей на девушку Грига.

Долго мне ждать не пришлось. Она вышла из ворот первой. И я ее сразу узнал. Она, действительно, была очень похожа на Мышику, которую я видел только на фотографии. Огненно-рыжая (нет, таких волос не бывает), в цветном сарафане, белых сандалиях, с кожаным футляром от скрипки в тонкой руке. Она была действительно хороша, и моя голова пошла кругом. Я уже давно полюбил этот образ, эту мечту. Даже если это была не Мышика. И я понимал, что она что-то непременно знает. Перебегая из подворотни в подворотню, я пошел следом за ней.

И уже на полпути догадался, куда она может идти. Она направлялась в гостиницу. Это была единственная гостиница в нашем городке, единственное место, где можно остановиться приезжему. Я не ошибся. Она прорвала юркнула в дверь, а я еще некоторое время проболтался на улице, чтобы не навлекать на себя лишних подозрений со стороны местной администрации. А потом, забросив руки в карманы и настыльная какую-то чушь, в общем, старательно изображая беспечного славного парня, небрежно отворил дверь.

В холле стоял полумрак. Дремавшая администраторша тут же вздрогнула от скрипа двери и подняла на меня сонный взгляд из-под густо накрашенных бровей и ресниц. И заблестела на весь холл огромными бриллиантовыми сергами.

Я широко улыбнулся и весело ей подмигнул.

— Ну, и куда эта негодница от меня сбежала?

— Кто? — захлопала накрашенными ресницами администраторша.

— Моя девчонка! Не притворяйтесь! Она, знаете, какая обидчивая! Чуть что — сразу ссорится. А наутро просит прощения. И знаете, что самое удивительное — я ее умудряюсь прощать!

Администраторша все так же усердно вскидывала накрашенные брови, хлопала накрашенными ресницами и звенела бриллиантовыми листрами, что меня

окончательно вывело из терпения. Но я продолжал ей упорно дарить обаятельную улыбку.

— Ну и куда подевалась эта маленькая чертовка? В каком номере она прячется?

— Я не понимаю, про кого вы, — наконец выдавила она из себя и зашелестела оберткой от леденца. И стала им хрустеть на весь холл.

Я улыбнулся еще шире.

— Ну, бросьте! Я безгранично верю в ответственность ваших сотрудников. А в вашу — особенно. Вы, судя по вашему проницательному умному лицу, никак не могли проспать и не заметить девушку с ярко-рыжими волосами, две минуты назад прошмыгнувшую в эту дверь.

Администраторша схватилась еще за один леденец, и вызывающе хрустнула.

— Я бы и не проспала, мой милый. Не было никакой рыжеволосой ни две, ни три минуты назад. Хотите вы этого или нет.

— Я вообще-то хочу. Но то, что вы утверждаете, просто невероятно. — И я всплеснул руками. — Не могла же она испариться в прошем двери.

— В прошем нашей двери никто не испаряется. — И она уже сурово хрустнула третьим леденцом.

Я печально вздохнул и огляделся, лихорадочно соображая, что предпринять дальше. Администраторша явно лгала. Или просто проспала появление двойника Мышки. Но идти мне все равно было некуда. Поэтому идея приткнуться в этом замечательном отеле мне показалась заманчивой. К тому же, как фотограф, я не сомневался в своем безупречном зрении и знал наверняка, что рыжеволосая где-то здесь.

Я знал, что у этой бриллиантовой дамы желаний невпроворот. И поэтому решил рискнуть. Я вытащил из кармана измятую газету и ткнул пальцем в свою небритую физиономию уголовника.

— Узнаете?

Она с показным безразличием лениво взяла газету. Но едва взглянув на мой портрет, тут же спохватилась и уже более внимательно разглядела меня, широко улыбаясь. Ее два золотых зуба сверкнули.

— О, так вы и есть тот загадочный Фил, — промурлыкала она и кокетливо поправила свою прическу.

— Тот самый, милая.

— Вы — волшебник! Я угадала? — И она даже подняла свое пышное тело со стула и подмигнула мне накрашенным глазом.

— Угадали. — Я развел руками и в ответ ей кокетливо подмигнул.

Она захихикала в пухлую ладошку.

— Ну, что же вы сразу не объяснили! Вы, наверное, так счастливы. Ведь у вас есть все!

— Думаю, по мне это видно.

Она вновь захихикала и погрозила пухлым пальчиком.

— А вы, кстати, действительно, очень похожи на миллиардера. Правда, вы их всех переплюнули в скромности.

— Я далеко шлюю, милая.

Она печально вздохнула и потупила взгляд.

— А я... А я просто несчастная администраторша.

— И она громко всхлипнула. — Так, наверное, и не узнаю, что такое счастье.

— Ну что вы! — поспешно утешил ее я. — Чтобы вы... С вашей внешностью и вашим умом...

— Ах, — взмахнула она пухлой ручкой, — разве от этого зависит счастье?

— А от чего, милая? — Я вплотную приблизился к ней и с любопытством заглянул в глаза. Отчего все-таки могло зависеть счастье этой бриллиантовой лягушки?

Ее глаза ярко вспыхнули. И она зашептала:

— Мне бы только красненький «фиат».

Я всплеснул руками.

— Сущий пустяк! Но неужели у вас нет машины?

— Ну, есть, конечно. Но какая-то развалюха! А еще... Еще, — затараторила она, глотая слова, — еще трехэтажный особнячок, бассейничек с голубой водичкой, цветущий садик...

Она быстро перечисляла вещи и, казалось, ее счету не будет конца и края. Мне в это мгновение она напоминала старуху из «Золотой рыбки», и я от всей души пожелал ей остаться у разбитого корыта.

— Конечно, — наконец перевела дух она, — у меня все это имеется в наличии... Но такое... невзрачное, маленькое...

— Да уж, ваши ценные пожелания мне будет сложно запомнить.

— Я напишу! — с готовностью спохватилась она.

— Не стоит, милая. В общих чертах я уловил: вы желаете стать миллионершей.

Она в ответ издала сладкий вздох. Я попал в точку. И подумал, что теперь вслух придется произнести эту несусветную чушь, и вновь себя успокоил тем, что она сбыться не может. Не настолько глупа материализация слов.

— Ваше счастье — у вас в кармане, милая. Завтра вы проснетесь непременно миллионершей! — торжественно произнес я, успев сообразить, что завтра она меня вышвырнет за дверь, как бродячего пса, когда проснется у разбитого корыта.

— О, как я вам благодарна, Фил! — замяукала она, брызжа слюной. — О, если бы вы знали! Ваш номер — самый лучший. Там останавливались самые известные миллионеры со всего света. Конечно, мы все устроим за счет гостиницы. Он на третьем этаже. — И она протянула мне «золотой ключик».

А я облегченно вздохнул, уже не думая о завтрашнем утре. Во всяком случае, этой ночью мне не придется околачиваться на улице. А за одну ночь можно многое здесь узнать. И я, желая поскорее смыться от этого ненасытного бриллиантового чучела, поспешил к лифту.

— Фил, — окликнула она меня. — А этой рыжеволосенькой, правда, здесь не было. Клянусь вам!

Я оглянулся и по ее лицу понял, что она не лжет. Слишком я много для нее сделал, чтобы она посмела мне лгать.

Она была права. Номер, действительно, первоклассный. Но скорее для миллионеров, а не для меня. К тому же здесь все было хотя и дорогое, но безвкусное. И очень напоминало обстановку в домице Гретты. К тому же, люстра висела точь-в-точку как у Глебушки. И я, наконец, сообразил, откуда он их таскает, видимо, найдя с администрацией общий язык. Но выбора у меня не было. И я с удовольствием принял прохладный душ. И, выпив чашку крепкого кофе, решил приняться за поиски рыжеволосой незнакомки. Но где ее можно было отыскать в куче таких же безвкусных номеров? И я хлопнул себя по лбу. Нет, все-таки я идиот! Это же так просто! Ведь, наверняка, именно в этом отеле остановилась наша милейшая шайка. Стоит только позвонить счастливейшей администраторше... И я поспешно набрал номер.

— Алло, это вы, милая, я вас не разбудил?
— Ну что вы, Фил! Я же на службе! Звоните в любое время суток. Я так рада слышать ваш голос, — протараторила она.

— Моя милая, — ласково начал я, — окажите мне маленьку услугу. Услужку, точнее. Здесь остановились мои близкие друзья из столицы. Вы слышали, наверно, они ведут дело по одному убийству...

— Друзья? — ехидно переспросила она. Но тут же спохватилась. — Ну, конечно! Я так верю в дружбу! Сейчас, одну минутку. — И она зашепестела журналом.

Вскоре я уже знал номера комнат, где проживала добропорядочная шайка. И к моему удивлению и счастью, они оказались рядом с моим номером. А с Ольгой нас разделяла всего лишь стена. Задача моя значительно облегчалась. Проще простого было прорваться по балкону и ненароком взглянуть, как поживает этот известнейший в мире адвокат, так упорно не желающий защищать моего друга.

И я, уже долго не раздумывая, отправился на балкон. В ее номере был включен свет. Через прозрачные занавески я увидел рыжеволосую девушку. Ольги там не было. И это меня несколько озадачило. Что эта рыжеволосая красавица может искать в ее комнате? И как она сумела незаметно проникнуть в гостиницу? Но я решил запастись терпением и ждать дальнейшего развития событий. А если честно — просто стал любоваться рыженькой. И нравилась она мне все больше и больше. И при свете я еще раз сумел убедиться, насколько она похожа на девушку Грига. Те же загадочные черты лица, те же ясные зеленые глаза, те же тоненькие пальчики и те же пушистые волосы. Я уже отлично понимал, что ее мог любить Григ. И ни за что бы не понял, как ее можно убить.

Она медленно приблизилась к зеркалу и улыбнулась открытой белозубой улыбкой. Осторожно провела расческой по своим огненно-рыжим волосам. Мне в ней нравилось все: и ее жесты, и ее улыбка, и ее смуглая кожа. Нравилось, что она одета в цветной сарафан и белые сандальи. Она казалась очень естественной, правдивой.

К тому же яркая лунная ночь, и россыпи сверкающих звездочек, и сладкий запах жасмина на подоконнике еще больше вскружили мою голову. Мне так хотелось обнять эту рыжеволосую незнакомку. И рассказать о своей нелепой, бродячей и, наверно, неудавшейся жизни. Жизни, которую я так любил, но так и не научился по достоинству ценить. Наверно, потому, что еще не узнал любовь на этой земле.

Рыжая девушка, как кошка, прыгнула с ногами на мягкий пушистый диван. И, казалось, утонула в нем. И мне до боли захотелось ее сфотографировать. Прямо сейчас. С прикрытыми глазами, в цветном сарафане, она так напоминала рыжего зверька. Мой фотоаппарат вряд ли потянет на такой кадр. Но я упрямо щелкнул затвором. И она услышала этот щелчок и испуганно вздрогнула, закрыв лицо руками. Она словно чего-то боялась. Когда она опустила руки, я заметил, что лицо ее мокро от слез. Она резко вскочила и бросилась к окну. Мне же ничего не оставалось, как перемахнуть на другой балкон. И я очутился перед другим окном. И увидел другую картину.

В соседней комнате заседала великолепная компания. На столе стояла куча бутылок с хорошим марочным вином. Я невольно слегкнул слюну. За столом сидели Брэм, Ричард и Славик и резались в карты.

Дьер, словно брезгуя их пьяным обществом, сидел в стороне в большом кресле. На нем были тот же элегантный костюм и широкополая шляпа, надвинутая низко на лоб, и его нога была небрежно заброшена на ногу, и брюки открывали красные шелковые носки и черные лаковые туфли. Он сидел, пыхтя дорогой сигарой и углубившись в какую-то толстую книжку, и, казалось, не обращал никакого внимания на разгулившихся коллег.

— Хе-хе, — мерзко хихикнул Ричард, опрокинув очередную рюмку. — Похоже, что дельце выгорает на славу.

— Иначе и быть не может. — Брэм непонимающе взглянул на друга. — Знание человеческой психики, мой друг Ричард. Когда я в последний раз спорил на эту тему со своим двоюродным братом...

— Отвяжись, Брэм, — махнул крылом Ричард. — Все отлично знают, что он тебе такой же родственник, как Бальзак или Байрон, к примеру...

— Может, Бальзак и Байрон мне и не родственники, — спокойно ответил Брэм, — но автор «Жизни животных» — мой любимый двоюродный брат. Это неоспоримо. Иначе я бы никогда не сумел выдрессировать такое чучело, как ты.

Ричард хихикнул и уже из горлышка потянул вино.

— Конечно, я не такой красавец, как ты, а просто чучело. Но, поверь, мозгов у меня не меньше, чем у тебя. — И Ричард тут же повернулся к Славику Шепутинскому, рьяно бьющему картами по столу. — Славик, а ты чего не пьешь?

— Да, — ответил Славик и мгновенно проглотил вино вместе с рюмкой, хрустнув стеклом на всю комнату.

— Ему не стоит много пить, — вздохнул Брэм. — Иначе рюмок не напасешься. А у нас впереди еще ночь.

— Да, — сказал Славик, растасовал карты и вытащил очередной козырь.

— Дама пик! — обрадовался Ричард. — Чудесно! Когда-то я был близко знаком с этой дамой и хочу вас уверить, друзья, лучше, добре и честнее женщины я не встречал. А какая красавица! А сколько огня в страстных черных глазах! Кстати, Брэм, не пригласить ли нам девочек?

Брэм приложил к губам палец и покосился на Дьера. Дьер в ответ скривил тонкие губы.

— Вы изрядно опускаетесь, мои дорогие коллеги, — сказал он ледяным тоном, — впрочем, это не мое дело. Правда, я до сих пор не понимаю, как позволил себе связаться с такой разгульной компанией пьяниц и развратников.

— Ну же, Дьер, оставьте свои умные замечания при себе, — ответил Брэм, — как истинный знаток психики утверждают — это неизбежно. Борьба противоположностей порождает симпатию. Вот вы все время читаете какие-то умные книжки. Неужели по ним надеетесь вычислить людей? Дьер, это чистейший самообман. Люди, поверьте, всегда глупее.

— Это точно, — закудахтал Ричард, — и всегда мерзее! Я лично хуже людей ничего не встречал. Нет ничего проще жизни. И никто не умудряется так усложнить ее, как эти людишки.

— Это все оттого, что все они непременно верят в Бога. — Брэм важно поправил на переносице круглые очки. — Даже те, кто думает, что не верит в него. А никто так не умудрился все перепутать на земле, как Господь Бог. Они придумали самого Бога, потом его законы, его мораль и успешно живут, нарушая их. А

затем мучаются от этого. Вот и все. Даже те, кто думает, что не мучается. На самом деле человек, если он не самый последний идиот, так умудрится запутать клубок жизни, что распутывают уже после его смерти.

— А к чему, дорогой двоюродный брат Брэма, его запутывать? — не унимался Ричард. — Если нет ничего проще, чем жить — и все. Но хочу тебе возразить, друг, если бы они уверовали в черта, им от этого легче бы не стало.

— Как знать... В его законы они вряд ли поверят. Хотя, может быть, и с удовольствием хотели бы. Но кто желает марать свои руки в грязи? Сoverшать самые мерзкие поступки и одновременно верить в обратное — вот их, пожалуй, главный козырь. И их главный идиотизм.

Ричард ловко вскочил на плечо маленькому Брэму, сложил лапу трубочкой и зашептал на всю комнату:

— Их главный идиотизм не вера, мой дорогой знакомец человеческих душ. Их главный идиотизм — любовь! Ты заблуждаешься, Брэм, что верят абсолютно все. Вот любят — это точно абсолютно все. И бездари, и умники, и моралисты, и злодеи. Даже полные кретины умудряются любить! Если бы они хоть раз покумекали своими жалкими мозгами, что любовь — это главное зло на земле, даю голову на отсечение — они были бы в сто раз счастливее!

— И правильно подставляешь свою голову, — неожиданно вступил в разговор Дьер. — Тебе ее никогда не отсекут. Рыжеволосая это вовремя поняла. И я очень рад за нее. И, знаете, мне она больше всех вас нравится.

— А не слишком ли рано, Дьер, ты за нее радуешься, — скептически усмехнулся Брэм.

— Я редко встречал на своем пути умных женщин, Брэм. Гораздо чаще влюбленных. И эту рыжеволосую ведьмочку я оценил по достоинству. И за нее могу ручаться всеми вашими головами. Она не опустится до любви.

— Лучше поручись своей головой, — хмыкнул Ричард и ласково погладил себя по лысине. — Моя пусть останется на месте. Мне она нравится.

Дьер ничего не ответил. Он приблизился к окну, взглядываясь в огромную яркую луну.

— Я обожаю это время, — он стрельнул холодным взглядом в окно. — Это мое время...

И я резко вскочил на ноги. Но удрать к себе я был уже не успел, потому что Дьер распахнул балконную дверь и глубоко вдохнул чистый воздух ночи. Мне ничего не оставалось, как юркнуть в приоткрытую дверь, ведущую к рыженькой. Я очутился на пороге ее комнаты и столкнулся с ней нос к носу.

— Привет! — выдохнул я. — Ты как, любишь гостей? — Ничего умнее я у нее спросить не мог.

— Терпеть не могу. — Она встягнула огненно-рыжий копной. Вблизи она мне показалась в тысячу раз очаровательней.

— Ты всегда через балкон являешься в гости, Фил?

— И в ее лукавых зеленых глазах запрыгали чертики.

— Здорово быть знаменитостью! Самые красивые девушки на свете сразу же называют по имени. — И я притворно вздохнул. — Если бы они еще сразу бросались на шею.

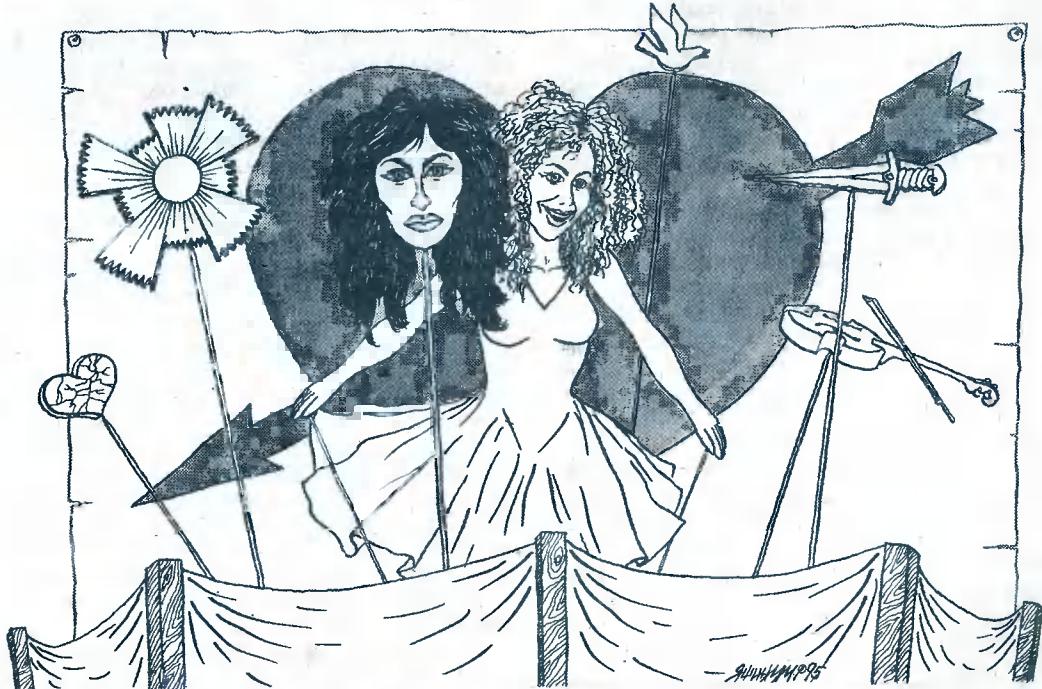
Она неожиданно захохотала звонко-звонко. Пожалуй, больше всего в женщинах я ценил смех.

— А почему бы и не броситься? — И она театрально бросилась мне на шею и чуть не задушила.

— Здорово! — выдохнул я, помотав головой. — Из тебя бы получился профессиональный душитель.

— Верно, — с готовностью согласилась она. — Я, если честно, обожаю душить таких милых, славных парней.

Нет, определенно я ей понравился. И что самое удивительное, мы с ней сразу нашли общий язык. Мы были похожи. Я понял, что с ней будет необычайно легко и просто. С ней не нужно притворяться и выдав-

ливать из себя фальшивые слова сквозь притворный кашель. Впрочем, как и со мной.

— От кого ты бежал, Фил?

Я сделал страшные глаза и зашептал:

— От ужасов лунной ночи.

— Ты не любишь ужасы? Как жаль. И все-таки от кого ты так улепетывал, Фил?

Я развел руками. Я понял, что не хочу ей лгать. И не буду. И лгать ей не имеет смысла.

— Если честно — от твоих милых и славных друзей. Она махнула рукой.

— Ну, они уж точно ужаса не вселяют.

И мы расхохотались. Совершенно одинаково. И в наших глазах запрыгали одинаковые чертики.

Я взял в ладонь прядь ее рыжих волос.

— Послушай, Мышка... — И я тут же запнулся, сообразив, что назвал ее прозвищем убитой девушки.

— Называй меня так, Фил, я разрешаю. К тому же меня тоже зовут Маша.

Я хмыкнул.

— Странно. И имя такое же. И волосы такие же. И черты лица...

— Ты о той несчастной девушке? — В ее глазах промелькнула неподдельная грусть.

Я кивнул головой и вопросительно на нее посмотрел.

— Странный ты, Фил. На свете живет столько похожих людей.

— Но не настолько же.

— Фил, мир так огромен, и у каждого из нас есть свой двойник. И у тебя он есть, поверь.

— Грустно об этом думать, зная, что никогда не встретишь его.

— Я встретила, — и на ее глазах выступили слезы,

— но поздно...

— Тебя разыскали для этого идиотского эксперимента?

— Да, Фил. Но не такой уж он идиотский. Даже если твой друг не помнит, как это произошло, факт преступления остается. — И она внимательно посмотрела на меня.

— Я никогда не поверю в это, Мышка, — так называл я ее. И мой голос дрогнул. Мне показалось, что сегодня, в эту минуту, я отнимаю у своего друга последнюю надежду на счастье.

— Расскажи о себе, Фил, — неожиданно попросила она.

Раньше меня никто не просил об этом. Я вдруг понял, что никому абсолютно не было дела до моей жизни. И все женщины, с которыми я сталкивался на своем пути, обожали говорить лишь о себе, красочно расписывать свои достоинства, своих поклонников, свои возможности, словно таким образом пытались завладеть моим сердцем, хотя по сути, им не было никакого дела до моего сердца.

И когда Мышка попросила рассказать о себе, я растерялся. Да и что я мог ей ответить? Что я шалопай и бродяга? Что в своей жизни я совершил миллион ошибок и ни об одной из них не жалею? Что я люблю выпить и иногда поскандаливать? Что по сути я шут и неудачник? Вот, пожалуй, и все.

— Расскажи о себе, Фил, — вновь попросила она и заглянула в глубь моих глаз.

Я пожал плечами.

— Я обожаю солнце, Мышка. Люблю много смеяться, люблю ночью вдыхать прохладный воздух и наблюдать за уходом луны. Обожаю фотографировать лица

людей в лучах солнца, их смех, счастливые глаза. По сути, они же все счастливы, Мышка. Потому что живут. И потому что — люди. В общем, я люблю жизнь и ценю в ней природу и преданность. Вот, пожалуй, и все.

— Ты так много сказал, Фил. В общем, мы любим одно и то же. А женщин ты любишь, Фил?

Я искренне расхохотался. Ее вопрос показался таким непосредственным, детским. И я махнул рукой.

— Это так скучно, Мышка. Они любят героев, а я не герой и не желаю им быть. Я хочу быть только самим собой. — И я, наморщив лоб, вновь улыбнулся. — Ты бы знала, славная Мышка, как я буквально этой ночью от одной улепетывал! Только пятки сверкали!

Ее глаза лукаво блеснули.

— И побег удался?

— На славу!

Не знаю почему, но я ей вдруг рассказал о своей встрече с Греттой. И теперь, рядом с Мышкой, я уже не морщился от этой истории, а просто беззлобно смеялся.

— А имечко! Имечко! Гретта! Разве я мог полюбить женщину с таким именем и в таком доме! Ты внимательно на меня посмотри, Мышка, разве мог?!

Мышка обошла меня кругом, прикасаясь к моему небритому подбородку.

— Ты права, Мышка, иногда мне лень бриться.

Я уже отлично понял, что нравлюсь ей. Что мне сегодня невероятно повезло. Я встретил человека, которому спокойно можно открыть свою душу. Без утайки. Не приукрашивая свои достоинства и не преумножая их. И я подумал, что вовсе не заслужил такого везения. Мне так захотелось сейчас, сию минуту что-нибудь сделать для этой огненно-рыжей девчонки. Самое невероятное! Ну, хотя бы покатать на облаках. Я когда-то об этом так мечтал!

Уже светало. И раннее утро поглотило звезды и луну. И белые пушистые-пушистые облака низко свисали над нашим балконом.

— Как красиво, Фил, — вздохнула Мышка, взяв меня за руку. Мы приблизились к окну. — Словно большие комки снега. Теплого снега. Кажется, запрыгнул бы на них и поплыл далеко-далеко. Туда, где не бывает печали, горя и слез.

Я завороженно смотрел на Мышку. Чудо! Она даже мечтала о том же.

— У тебя не будет больше печали и слез, Мышка.

— И я прижал ее к себе. — Ты же знаешь, я чуть-чуть волшебник. Правда! Не веришь?

Я распахнул балкон и свежий утренний воздух брызнул в наши лица. Одно облако еще ближе подсыпало к нам.

— А сейчас я покатаю тебя на облаке, Мышка. — И я протянул ей руку. — Ну же, ничего не бойся!

Я слегка приподнял ее — она была удивительно легкой, словно невесомой, — и опустил на белое облако. И запрыгнул сам. Мышка не ошиблась. Оно было действительно теплое, и мы утонули в его белоснежном пуху. Оно понесло нас куда-то вверх, все выше, выше, в какую-то легкую бесконечную даль. Туда, где не бывает печали и слез. И волосы Мышки развевались на ветру. И ее цветной сарафан колыхался на ветру. И она неожиданно сбросила с себя белые сандалии. И ее ноги утонули в белом пуху.

— Фил! Сbrasывай кеды! — закричала она, перебивая звонким голосом ветер.

Я последовал ее примеру. И мои ноги почувствовали

ли расслабляющее тепло. Где-то вдали мы услышали сумасшедшую музыку Моцарта. Из неведомой бесконечности он послал нам свой привет и благословение. Мы крепко обнялись. Ветер хлестал нам в лицо, и облако набирало бешеную скорость. Нам не было страшно. Уже не было. Мы знали, что там, далеко-далеко, в голубой бесконечности, легкой и теплой, не бывает печали и слез. Мы были вместе, и Моцарт дарил нам свою волшебную музыку, которую много лет назад он сочинил специально для нас.

Мы проснулись в номере Ольги в объятиях друг друга. Солнце своими огненными лучами стреляло нам прямо в лица. И я уже не знал, приснилось ли мне все это или, действительно, было правдой. Для меня это уже не имело значения. Со мной рядом был человек, которого я горячо полюбил и которому с полным правом мог отдать самое дорогое в жизни — саму жизнь.

— Фил, — улыбнулась Мышка, зажмурившись от яркого солнца. — Фил, какой все-таки чудесной бывает жизнь.

— Бывает, Мышка, — я погладил ее волосы, — и будет.

И тут мой взгляд упал на газеты, просунутые под нашу дверь. Черт! Славик все-таки умудрился достать меня.

— Погоди-ка. — Я вскочил и взял утренние газеты.

Славик, как всегда, подробно описывал эксперимент над Григом, предсказывал скорое признание. Но меня это не потрясло. Это я уже знал. Совсем другие новости вывели меня из себя, и я злобно прощептал:

— Этого не может быть...

В утренних газетах сообщалось, что надзиратель тюрьмы по прозвищу Бык назначается главным прокурором города в связи с серьезными ранениями его предшественника, попавшего в автокатастрофу на своем новеньком зелененьком «мерседесе» (кушленном неизвестно на какие шипы). Далее описывались деловые качества Быка, его ум и принципиальность, а также боевые заслуги и намекалось на какие-то родственные связи с известным генералом столицы.

Второй отвратительной новостью была статья об администраторше, которая в это утро проснулась миллионершей. Миллионы ей перешли в наследство от внезапно умершего за границей двоюродного дядюшки. Также в заметке говорилось, что в нашем городе только такие достойные и уважаемые люди, как администраторша, имеют право на внезапную удачу.

Я плонул в негодовании и выругался.

— Мышка! Ты слышишь? Чушь какая-то! Ты только почитай! Это же чистейший бред!

Она спокойно пробежала глазами по строчкам и недоуменно пожала плечами.

— Все вполне вероятно, Фил. Не понимаю, почему тут удивляться.

Я схватился за голову.

— Это я во всем виноват, Мышонок.

И я подробно рассказал ей про все свои приключения. Про нелепые слова, сказанные вслух. И вдруг так по-идиотски материализовавшиеся.

— Мышка, я не мог даже подумать, что этот бред может стать реальностью!

— Успокойся, Фил. — Она взяла мою ладонь и приложила к своей щеке. Щека была теплая, гладкая, как у только что проснувшегося ребенка. И я стал успокаиваться. И пробормотал:

— Мышка, пойми, я не имел права. Я знал, знал, черт меня побери, что никто не имеет права распоря-

жаться чужими судьбами. Мышка! По моей вине какой-то кретин вдруг стал главным прокурором, а какая-то бриллиантовая люстра вдруг проснулась миллионершей.

— Во-первых, Фил, этот прокурор ничем не хуже прежнего. Ты не задумывался, откуда у того вдруг за несколько дней появилось новенькое авто и огромный особняк за городом, и...

Я тут же прервал ее:

— Нет! И не собираюсь задумываться! Это его жизнь! И я не имел права прилагать к ней свою руку! Тоже! И почему мне на голову свалился этот идиотский дар!

— Фил, — Мышка крепко обняла меня, — если дар внезапно появился, он рано или поздно так же внезапно исчезнет. И тогда все станет на свои места. Ведь все всегда становится на свои места, обязательно. Это закон природы, и не мы его писали...

— Ты, наверно, права, Мышонок. И все-таки я никогда не избавлюсь от чувства вины.

— Скажи, Фил. Но ты... Ты ведь столько раз мог для себя что-нибудь сделать! Столько раз!

— Мышка, — я притянул ее к себе, — я же все имею, Мышонок. И даже больше, чем все. Я имею то, чего совсем не заслуживаю. Это ты...

— Ты, наверно, очень хороший парень, Фил. И, наверно, очень настоящий. И, наверно, я тебя очень люблю, но... — И неожиданно на ее глазах появились слезы.

— Ну вот, ты теперь плачешь, зачем, Мышонок? Смех тебе больше к лицу.

— Потому что я знаю, что любить — это всегда риск.

— А на облаках летать — это не риск?

Громкий стук в дверь заставил нас очнуться. Мы услышали властный голос Дьера:

— Ольга! Открой! Ты опоздаешь, Ольга!

— Погоди! — Мышка соскочила с дивана и, закутавшись в плед, юркнула за дверь.

Я услышал их шепот, но ничего не смог разобрать. И только теперь вспомнил, что мы находимся в номере Ольги. И она за ночь так и не соизволила явиться.

Когда Мышка появилась в дверях, я тут же спросил:

— Где Ольга, Мышка? Мы нахально развалились на ее диване. Это не совсем удобно...

Она махнула рукой.

— Перестань, Фил. Она все поймет. Такая женщина, сама не раз пропадавшая ночами, все понимает.

— М-да, — пробубнил я, укорив себя, что так и не разыскал Ольгу и толком ничего не узнал. — Мышка, мне нужно помочь Григу, обязательно нужно!

— Ну так давай, скажи свои заветные слова. Они сбудутся!

Я перевел взгляд за окно.

— Нет, Мышонок, больше такой ошибки я не сделаю. Никогда. Пусть все идет своим чередом. Может быть, так и надо. К тому же я сам ни в чем не уверен. Просто мне кажется это расследование каким-то странным и не до конца правдивым. И мне жаль, что в этой неполной правде ты тоже сыграла свою роль.

Она бросилась ко мне. И вновь крепко обняла за шею.

— Ни одного волшебного словечка не скажешь?

Я широко улыбнулся.

— Ну что, до вечера, Мышка. — И я весело ей подмигнул. — Мне нужно на всякий случай разыскать до суда этого милого адвоката.

ГРИГ

Проснувшись, я столкнулся лицом к лицу с солнцем. Я его уже не боялся и не пытался отвести взгляд. На моих глазах уже не выступали слезы от яркого света. Солнце по-прежнему находилось за решеткой. И единственное, о чем я жалел, — что, наверное, так его уже целиком и не увижу. И единственное, о чем я печалился, — что в последние годы жизни играл чужую роль, роль холодного успокоенного героя, презирающего чужой мир и чужие слабости. В последние годы жизни я был не я. Фил никогда ни в кого не играл. И, пожалуй, поэтому выиграл. Он был естественен, как природа. Как сама жизнь. И я ему позавидовал. Что он мог и может так жить. И не иначе. И я, бежавший упрямо от человеческих слабостей, так их теперь пожелал. Мне захотелось стать самим собой. Фотографировать лица людей в солнечном свете.

Мои мысли прервались, едва скрипнула дверь камеры. И вошла Ольга. Она, как всегда, была ослепительна, и я уже мог свободно любоваться загадочными чертами ее утонченного лица.

— А вы сегодня неплохо выглядите, Григ, — улыбнулась она мне белозубой улыбкой.

И я уже нашел силы улыбнуться ей в ответ.

— Просто я хорошо выспался, Ольга.

— Странный вы, Григ, когда еще все было неясно, когда еще оставался шанс на спасение, вы мучились, страдали, сходили с ума. Когда шансов уже практически никаких — вы вдруг прекрасно спите.

— Знаете, Ольга, я понял однажды удивительную вещь. Именно оставшийся шанс не дает нам спокойно жить. Только утрата всяких шансов и дает нам покой.

— Может, вы и правы, Григ. — И она вновь ослепительно улыбнулась. — Кстати, мы разыскали Гретту.

— Так быстро! — Я вскочил с койки.

— Я же говорила — вы недооцениваете нашу работу. Если мы беремся за что-то, то все делаем быстро.

Она медленно прошлась по камере, посмотрела на решетчатое солнце, улыбнулась каким-то своим мыслям. И ее мысли были далеко от меня. Мне показалось, что сегодня она счастлива.

Вскоре, громко стуча каблуками длинных лаковых сапог, вошла в мою камеру Гретта. И едва заметив ее, я поморщился. Она вовсе не изменилась. Те же коротко остриженные бесцветные волосы, те же бесцветные глаза. Та же бесцветная одежда.

— О, Григ, — она всхлипнула, обнажив неровные зубы. — Мне так жаль, Григ.

— Расскажи, Гретта, — перебила ее Ольга. И я вновь заметил, что она снова была где-то далеко-далеко, в каком-то другом, счастливом пространстве.

— Мы жили счастливо, Григ, — начала Гретта.

И я вскочил от возмущения. Но потом вдруг резко погасил свою эмоцию. Я вдруг понял, что ее ложь теперь не имеет значения. И мне необходимо узнать совсем другую правду.

— Да, Григ, мы были так счастливы. У нас был свой большой прекрасный дом, к тебесыпались хорошие предложения, ведущие к славе. В общем, Григ, у нас было все, о чем мог мечтать человек. Но эта... Эта пустая безалаберная девчонка...

Тут я не выдержал и схватил Гретту за блестящую пуговицу на пушистой кофте и запечатал сквозь зубы:

— Не смей так говорить про нее. Не смей, Гретта!

— Ну хорошо, Григ. Эта девушка... она не давала

тебе покоя. Я видела это, Григ. Она не желала смириться с действительностью, с тем, что ты ее уже не любил...

— С тем, что я ее предал, — уже спокойно поправил я Гретту.

— Пусть будет так... Ты плохо спал ночами, и у тебя под глазами появились черные круги. О, как я тебя жалела, Григ! Но, увы, ничего не могла поделать. Ты мучился и мучил меня. И однажды ночью... Да, это случилось где-то в середине мая...

Я впепился в железные прутья кровати. Мои глаза жадно забегали по бесцветной фигуре Гретты.

— Однажды ночью ты все-таки не выдержал. Ты как сумасшедший вскочил с постели и, глядя на меня безумными глазами, вот как теперь... ты запечатал: «Есть только один выход, Гретта. Только один. Я никогда не смогу избавиться от этого кошмара, если она будет жива. Нет человека — и нет мучений. Ты меня поняла, Греточка?» Ты шептал бессвязно, и мне показалось, что ты не в себе. Если бы ты знал, как я испугалась! Как пытались удержать тебя! Как пытались успокоить! Но все напрасно... Ты был неудержим. Ты выбежал из моего дома... А потом, на следующее утро мы узнали, что эта девушка, — Гретта скривилась, — эта девушка пропала.

Я схватился за голову. Боже! Это все-таки я! Боже, как я мог!

— А вскоре мы расстались, — прохрипела Гретта, — довольно безболезненно. Видишь, ты недооценил меня. Я не устраивала истерики. Я просто поняла, что уже время.

Я поднял на нее жесткий взгляд, полный нескрываемого презрения:

— Просто, Гретта, когда нет любви — нет и разлуки. Настоящую разлуку можно узнать только в любви. Но тебе этого никогда не понять. А теперь уйди, пожалуйста, Гретта, уйди. Я не могу тебя больше видеть. Уйди...

Она стала мять в руках свою сумочку, усыпанную мелким бисером, и попыталась выдавить слезы из глаз. Но у нее ничего не получилось.

— Как ты жесток, Григ. Мы же были так счастливы! Неужели ты ничего не можешь мне сказать на прощанье?

— На прощанье? — машинально переспросил я, отсутствующим взглядом оглядывая ее бесцветную фигуру. — Единственное, за что я тебе благодарен, Гретта, — это за сегодняшнюю правду. После этой правды мне нечего бояться. А теперь — уходи...

Ольга незаметно кивнула Гретте на дверь. И та, вызывающе стуча каблуками, выскользнула из моей камеры.

— Вот и все, Ольга! — уверенным тоном произнес я и широко-широко улыбнулся. Я тысячу лет уже так не улыбался. Я был счастлив, что моя улыбка вновь вернулась. — Вот и все, Ольга!

Но в ее глазах я уже не читал радости и торжества. В них промелькнула несвойственная ей тревога и жалость, бесконечная жалость ко мне.

— Григ, — она приблизилась ко мне и едва прикоснулась к моей небритой щеке. — Что вы хотите этим сказать, Григ?

Я поднял на нее уверенный взгляд.

— Сегодня я сделаю признание, Ольга. Кажется, я все вспомнил. И я так этому рад.

— О, Боже, Григ! Чему вы радуетесь? Вы понимаете...

— Я все понимаю. Все! И радуюсь, что нашел в

себе силы признать, что неправильно жил, что загубил жизнь близкого человека. И радуюсь, что вскоре заплачу за это. Я радуюсь концу, Ольга. Я впервые в себе почувствовал огромные силы. Я никогда не был так силен, как сейчас. И не нуждаюсь в жалости. Я расплачусь за все. Раньше меня все время подгонял страх. Страх чего-то не успеть, страх быть хуже других, страх ничего не добиться. И этот страх не давал мне жить. И разрушил мою жизнь. А зачем было успевать, спешить, добиваться? Ведь жизнь так прекрасна! У меня было все. И я сам от всего отказался. Но сегодня я избавился от этого страха. Я понял, что не боюсь смерти. И я понял, что это равнодушие к смерти дает огромные силы и огромную мудрость. Вы не поверите, но я стал гораздо мудрее за дни, проведенные здесь. И я даже благодарен вам...

Ольга резко повернулась, отошла к окну. Но я чувствовал, что она плачет. И не хочет, чтобы я видел ее слезы.

— Вот вы, сильная женщина, и плачете. Зачем? Посмотрите, какое солнце! Вы его будете видеть каждый день. Жаль, что мне этого уже не дано. Впрочем, это правильно. Я не знаю, как бы посмел посмотреть в лицо солнцу. Передайте ему привет, Ольга...

— Хорошо, Григ, — сквозь слезы выдавила она. — Оно вас обязательно простит...

— И еще одна просьба. Принесите мне старые вещи. Они где-то пылятся в моем доме. Я устал от этого костюма. И не желаю в нем принять смерть. А теперь... Идите... Мне нужно отдохнуть перед признанием. Идите, Ольга.

Она не выдержала и крепко меня обняла.

— И вы меня простите, Григ. И вы тоже...

Она ушла, так и не обернувшись, оставив меня одного. И я уже радовался своему одиночеству. И мне было горько, что Мышка меня запомнила другим. Что она так никогда и не узнает, что я стал другим...

ФИЛ

Я облегченно вдохнул воздух, столкнувшись лицом к лицу с солнцем. И подумал, что Мышка наверняка знается с ним или, по крайней мере, знает его тайну. Я чувствовал себя бесконечно счастливым. И мне было стыдно перед Григом за свое счастье. Но я не мог не радоваться жизни. И почти на крыльях полетел искать эту загадочную птицу Ольгу.

Она вышла из ворот городской тюрьмы под руку с Дьером. Мне показалось, что она заметила меня, но не подала виду. Я тоже не бросился к ней. Мне не хотелось сталкиваться со следователем. И я пошел за ними следом, практически не скрываясь.

Они расстались возле пивной Глебушки. И Ольга, словно дразня меня, зашла туда. Я покорно последовал за ней.

Я юркнул за столик в самом углу, где сидела Ольга.

— Чтобы такая красавица — и в такой дыре! — сказал я вместо приветствия.

— Вы тоже недурны, Фил, но все время здесь околачиваетесь. — И в ее темных, как ночь, глазах я прочитал дружелюбие и даже симпатию.

— Ольга, из всей вашей шайки только к вам я пытаю искренние чувства. Но вы... Извините, как адвокат вы палец о палец не ударили, чтобы помочь выкрутиться моему другу.

— А что бы вы сделали на моем месте, когда улики все налицо? Вы наивны, как мальчишка, Фил. Следст-

вие имеет право опираться исключительно на факты. И только вы, художники, можете руководствоваться интуицией. Я приложила все усилия, но...

— Ольга, а если предположить, что девушка вовсе и не убита? — ляпнул наугад я.

Ольгина рука с сигаретой заметно дрогнула.

— Фил, что за чушь вы несете?

— Вдруг эта девушка имитировала смерть, а? Ловко сыграла, чтобы, наконец-то, отомстить Григу. Поверьте, Ольга, я отлично знаю женщин. Каждая из них мстит по-своему, но каждая из них обязательно мстит!

— Ну, это всего лишь ваше предположение, — она пожала плечами, — и не более. Но Фил, все факты, увы, не подтверждают вашу версию. На фотографии отчетливо видна тень Грига. Неужели вы думаете, он тоже играл в эту игру, чтобы потом с радостью усесться на электрический стул. К тому же найдено тело убитой. Все, что вы говорите — это чистейший абсурд!

— Абсурд, — вздохнул я, — и я в отчаянье от собственного бессилия, что ничего не могу сделать для друга.

— Единственное, что вы можете, — это найти его старые вещи. Ведь вы лучше всех знаете его дом.

Я вопросительно поднял брови.

— Это его просьба, Фил. Григ, по-моему, многое понял. И сегодня вечером в газете читайте его признания.

— О, Боже! — Я даже подскочил на месте.

Ольга стала что-то искать в своем портфеле, и я, от любопытства туда заглянув, заметил беленькую сандалию Мышки, которую она уронила ночью и не могла найти утром.

— Ольга, а я и не подозревал, что вы носите белые сандалии. Вы — совсем другая.

Она вздрогнула от неожиданности. А потом рассмеялась и вытащила белую сандалию.

— А я и не подозревала, что вы обожаете совать нос в чужие портфели. Эту сандалию я нашла утром. Как вы думаете, она что, с неба свалилась?

— Возможно, и с неба. Может, вы мне ее подарите, Ольга? Зачем вам нужна одинокая белая сандалия?

— А вам она к чему? Или по ней вы надеетесь разыскать Золушку?

— Вы угадали, черт побери! — Я схватил ее за руку и театрально пожал. — Уголовная практика вам пошла на пользу.

— Не трудитесь, Фил. Я отлично знаю, чья это сандалия. — И она мне ее протянула. — Берите на память. Только я не могу понять, зачем вам, по натуре бродяге, нужна точно такая же девчонка? Бестолковая и нищая, как и вы.

— Это любовь, Ольга!

Она неопределенно пожала плечами.

— Это глупости, а не любовь. Вы могли бы подыскать себе более достойную партию. Сейчас столько одиноких женщин, с собственным домом, с собственным...

Но я тут же невежливо ее перебил.

— Спасибо за совет, Ольга. Но в себе я как-нибудь разберусь без вашей благородной помощи.

— Ну и разбирайтесь на здоровье. Ваш друг уже разобрался. И ему это стоило головы. — И Ольга, не дожидаясь ответа, встала и, попрощавшись, направилась к выходу.

А мне чертовски захотелось выпить. Я вдруг после ее ухода ясно осознал, что раз и навсегда теряю друга, с которым мы, может, и были очень разными, но ко-

торого я все-таки очень любил. И от этих мрачных мыслей я, чтобы не искушать себя, так как помнил о встрече с Мышкой, решил встать и уйти. Но тут на пороге появился Ричард. Да. Даже я, успевший за короткое время привыкнуть ко многому, такого не ожидал.

Ричард был как никогда галантен. Я бы даже посмел заметить — красив. На нем был тот же костюм в ярко-оранжевую полоску, но на мой взгляд, более оттюженный. А в петлице пиджака была ярко-красная роза. Но вовсе не это меня поразило. Под руку с ним, вернее, под крыло, шла женщина. Я сразу ее окрестил Дамой Пик. Она словно вышла из колоды карт. Длинноногая, на две головы выше Ричарда. Густые черные волосы были перевязаны атласной красной лентой. Густые черные брови, огромные глаза, алые губы, зеленый веер в руке и такое же изумрудное бархатное платье, и огромный яркий платок, небрежно наброшанный на голые плечи.

Пиковая дама томно оглядела присутствующих и сразу же указала длинноящим накрашенным ногтем на мой столик. И я уже никуда не захотел уходить. Я покорно уселился на место и принял сидеть. Черт побери! Мне уже нравился этот сумасшедший дом.

— Привет, Фил! — прогнулся Ричард и подал свою когтистую лапу. Я ее вяло пожал.

А Пиковая дама протянула мне свои тоненькие пальчики и улыбнулась:

— Я много о вас слышала, Фил.

Я с охотой поцеловал ее накрашенные ноготки. И мне опять чертовски захотелось выпить.

— Выпьем, Ричард? — пригласил я его, указывая на место рядом.

Он уселился на стул и усадил свою спутницу, но отрицательно покачал головой.

— Я завязал, Фил. С сегодняшнего дня — не пью. Скоро вступлю в общество трезвенников, — с нескрываемой тоской протянул Ричард.

— Неужели? — округлил я глаза.

— Придешь на нашу свадьбу, Фил? — перевел разговор Ричард. — Это будет самая шикарная свадьба, которую знал мир. И о которой никогда не узнает мир.

Я развел руками.

— Мне ничего не остается, как принять ваше приглашение, к тому же мне очень нравится твоя невеста, Ричард. — И я поднялся с места, собираясь уйти.

— Фил, — Ричард схватил меня за руку, — ты хороший парень. Я это знаю, но не делай глупости.

— Ты о чём, Ричард? — не понял я.

Он кивнул на белую сандалию, торчащую из моего кармана.

— Думаешь, я ни о чём не догадался?

— Ну, это твое право — догадываться.

— Фил, последуй моему совету. И держись от этой девчонки подальше.

— Неужели она такая опасная? — Я скривил страшную гримасу.

— Скорее, ты для нее опасен, Фил. Поверь мне. Я сегодня добрый. Я, наконец, нашел свою любимую и вот уже два часа не пью. Так что послушай меня. Не трогай ее. Мне ее жаль.

— Я вам желаю огромного счастья, — не ответил я на его просьбу, — и непременно буду на вашей свадьбе.

Я направился к выходу, не удержавшись и подмигнув лукаво на прощанье Глебушке и его однорукой подружке.

Дома я решил заняться работой. И стал печатать фотки.

Я бросал готовые снимки в ванночку. Мне они нравились. И вдруг среди знакомых кадров мелькнул один, который я никак не ожидал увидеть. Это была фотография Мышки, которую я снимал через прозрачные занавески, прятясь на ее балконе. Это фото так отличалось от других, и я завороженно разглядывал его. Этот снимок словно вобрал в себя всю мою жизнь и всю жизнь любимой женщины. Несмотря на то, что я фотографировал в самых неподходящих условиях, при плохом освещении и не самым лучшим фотоаппаратом, снимок получился первоклассным. Я увидел Мышку такой, какой любил. Она смотрела прямо на меня, ослепительно улыбаясь белозубой улыбкой, в ореоле почему-то ярких солнечных лучей. И в ее зеленых глазах прыгали веселые чертики. Черт побери! Я от себя такого не ожидал. На что все-таки способна эта плутовка — любовь! От которой я бежал долгие годы. И которая все-таки умудрилась меня настигнуть своими огненными стрелами.

— Ну, Мышка, берегись! Я тебе покажу такое, от чего ты сойдешь с ума, если ты не сумасшедшая, чтобы влюбиться в такого бродягу, как я, — выдохнул я, разглядывая на свету фотографию.

А потом я побежал на главную площадь города и повесил снимок в окне фотоклуба, в котором меня не очень жаловали. Я наблюдал за восторженными взглядами прохожих, рассматривающих рыжеволосую девушку в лучах солнечного света. И понимал, что свою жизнь прожил не зря.

Солнце уже заходило. И я подумал, что теперь самое время встречаться с Мышкой. Я быстрым шагом направился в гостиницу. По пути в киоске купил газету. Хотя отлично знал, что вечерние новости ничего хорошего не сулят. И я оказался прав. На всю первую полосу было помещено фото Грига. Я смог сразу определить, как много мой друг пережил. И все-таки, несмотря на потрепанный вид, на глубокие черные круги под глазами, небритый подбородок и кучу морщин на лице, в его глазах я мог прочитать какое-то торжество. Он словно пришел к какому-то важному выводу. И я вдруг подумал, что Григ наконец-то нашел в себе силы понять. И это, несмотря на скорую смерть, делало его счастливым.

Признание Грига

«Я ни в коем случае не хочу, чтобы мое признание звучало, как оправдание моего преступления. И отсутствие памяти в тот момент, и моя невменяемость ни в коем случае не оправдывают меня. Поэтому я со всей ответственностью заявляю, что я виновен. И отказываюсь от защиты.

Теперь, когда я все вспомнил, точнее, нашел в себе силы все вспомнить, я понимаю, насколько страшно то, что я совершил. И мое пребывание в мире становится невозможным.

Это случилось в полночь, где-то в середине мая. Помню, тогда ослепительно ярко светила луна. Огромная, желтая, круглая, она низко висела над моим окном. И я проснулся от ее ослепительного света. Я смотрел на этот лунный пар, и его яркий свет резал мне глаза. И перед глазами проплыли желтые круги. Уже десятки, сотни, тысячи лун прыгали предо мной, вошли в мой мозг. И я от невыносимой боли вскочил с постели. И мне захотелось бежать. Бежать от всего, от этого дома, от нелюбимой женщины, с которой я жил, от работы, которая давалась мне слишком дорогой ценой. Но в первую очередь бежать от себя, от своей жизни, которая уже становилась чужой, в кото-

рой я вынужден был играть чужую роль. Роль холодного, расчетливого человека, для которого люди, солнце над их головами, весь мир с его ошибками и пророчетами, становились мусором, становились ничем. И мне захотелось пустого пространства. Ни неба над головой, ни земли под ногами, ни окружающей природы и неприроды вокруг. И только я. Только — я. Чтобы, наконец, спросить у себя: кто ты, Григ, на самом деле?

Я не помню, как долго я сидел неподвижно, обхватив руками свою большую голову с прыгающими в ней лунными шарами. Может быть, минуту, может быть, час. И, пожалуй, в эти мгновенья в моей большой голове стали зарождаться мысли о преступлении. Я вдруг ясно осознал, что никогда, никогда не сумею бежать из этого мира в пустое пространство. И никогда не решусь спросить у себя: кто ты, Григ? Было уже слишком поздно. Я уже играл роль, которую сам выбрал. На мне уже была маска, которую я хотел носить. И я пощупал эту маску руками. Я не ошибся. Холодные безжизненные глаза. Плотно сжатые губы. И гладкая-гладкая кожа, словно на ней никогда не проступали и не проступят старость, страсти, муки. Я захотел покоя. И покой мне могла дать только эта роль, которую я выбрал. Эта маска, которая уже прирастала к коже. Но моя прежняя жизнь, мои прежние ошибки, мое прежнее легкомыслие, а еще белый-белый жасмин на подоконнике в старом доме не давали мне сыграть эту роль до конца. И тогда я решил от этого избавиться. И широко распахнул дверь. И выскоил в душную ночь, в центре которой висел огромный лунный шар...»

Я перевел дух. И оторвал взгляд от газетных строчек. И посмотрел в окно. И увидел огромный лунный шар, низко нависающий над балконом. Мне не хотелось читать эти строки. Но, поборов себя, я решил во что бы то ни стало узнать правду...

Дальше Григ, мой старый верный друг, которого я любил и которого знал как никто, очень подробно, детально описывал само преступление. И от этой подробности, этой детализации мороз пробегал по коже и становилось еще страшнее. Неужели преступник, который к тому же был и невменяем, способен вспомнить все до такой точности. Рука с поднятым оружием, страх и мольба о пощаде в глазах рыжеволосой девушки, алые струйки крови на ее тонких пальчиках, на ее цветном сарафане, на ее поджатых ногах, а потом — оглушительные щелчки фотоаппарата. Это казалось невероятным.

И заканчивал свое признание Григ так:

«Мне очень жаль. Нет, не себя. Я тут ни при чем. И названия нет тому, что я совершил. Человек еще не придумал этому определение и, наверное, не придумает. Мне очень жаль, что все эти годы я ходил по земле. И земля держала меня. И небо было надо мной, и даже светило солнце, на которое я никогда не имел права. И если существует иной мир, мне очень жаль, что и он примет меня. Пусть даже в качестве грешника, но примет. Если честно, я имею право лишь на пустое пространство, и то — в котором меня не должно быть...»

Я отшвырнул газету в сторону. И еще долго сидел неподвижно, уставившись в одну точку на стене. Нет, было страшно даже не само признание Грига. Было страшно, что он когда-то забыл, сумел забыть о преступлении. И это страшно не только для него. Но и для каждого из нас. Это означало, что наша психика настолько непредсказуема, что каждый может очутиться на месте Грига...

Сегодня вечером суд. Славик не преминул упомянуть,

что известная во всем мире следственная группа работает молниеносно. За молниеносное преступление полагается и молниеносная расплата.

Я взглянул на часы. Было уже поздно. Видимо, уже вынесено заключение суда. И Грига ждала смерть. Я поежился. Смерть. Я никогда не желал думать о ней. И если такие мрачные мысли и умудрялись иногда посещать меня, я их не боялся. Слишком я любил жизнь. И отлично понимал, что смерть — это ее продолжение и ее дар, с которым мы, хотим или не хотим — должны смириться. И благодарно принять.

И все же сегодня, когда я вспомнил Грига, чистью и аккуратиста, всю жизнь бежавшего от старости и боявшегося думать о смерти, мне стало невыносимо горько за него. Но по фотографии, по его уверенному взгляду мне показалось, что ему уже не страшно. Что страх за себя, который мешал ему жить, накануне гибели вдруг покинул его. Словно жизнь на прощанье подала ему последнюю милостыню.

И мне так захотелось почувствовать рядом с собой плечо Мышки. Мне захотелось, чтобы она взяла мою ладонь и потерла ее о свою теплую щеку, как у ребенка. И сказала:

— Ничего, Фил. Ты поверь, все будет хорошо. И Григу тоже будет хорошо. Ведь мы не можем знать, где лучше — здесь, на земле, или далеко за ее пределами.

И тогда бы я окончательно успокоился. И успокоил свое бешено стучащее сердце. Ведь я не испытывал ненависти к Григу, как к преступнику. Может быть, потому, что где-то в глубине своего подсознания не мог смириться и не мог поверить в его преступление.

Но Мышки все не было. Я стал волноваться. Где может шагаться эта взбалмошная девчонка в позднюю ночь? И я прислушивался к шагам на лестнице. Но в гостинице царила тишина. Ну не на суде же она? К тому же ее туда бы и не допустили. Суд был объявлен закрытым.

И я откинулся в кресле и прикрыл глаза. Я устал ждать и слегка задремал.

Проснулся я от гула в соседнем номере. Значит, уже явилась с суда эта замечательная компания. Голоса становились все громче — видно, блюстители порядка что-то не поделили. Но мне на них было глубоко наплевать. Меня интересовало одно — где Мышка? И разговаривать с ними после признания Грига у меня не возникло желания.

И я отправился на балкон, чтобы удостовериться — не с ними ли Мышка. Но, увы. Только Ольга и Дьер. Ольга сидела в мягким кресле, закрыв лицо руками. А Дьер расхаживал взад-вперед по комнате, нахлобучив еще ниже на лоб свою шляпу.

— Я не знаю, Дьер, пойми, я не знаю, — сквозь слезы говорила Ольга. — Он уже свое получил. Он уже все понял. Я не хочу его смерти, Дьер.

— Ольга, — спокойно начал Дьер. Глаза его выдавали раздражение. — Ты сама этого хотела. Ты сама об этом просила. И отступать не в моих правилах. Ты прекрасно сыграла свою роль. Найди же в себе мужество довести ее до конца!

— Я не хочу! — закричала Ольга. — И уже не могу! Мне уже это не нужно! Я уже не хочу мести! Пойми, Дьер, мне уже безразлична его судьба! Я хочу жить сама! И не смогу жить, зная, что он погиб по моей вине.

— А ты! Ты погибла не по его вине! — Дьер не выдержал, и самообладание покинуло его. И он вцепился в Ольгину плечи. — Ольга, человек за все должен платить! И без тебя он получил бы по праву! Иначе

не бывает. Таков закон этой чудовищной жизни. Не я писал этот закон, и не ты. Но я его исполнитель, ты здесь ни при чем!

— Мне все надоело, Дьер, — не сдавалась Ольга. — Я не приду завтра на казнь. И я умоляю тебя отменить ее.

Дьер скривил губы. И его взгляд стал еще жестче.

— Неужели это правда?

— Что? — В огромныхочных глазах Ольги промелькнул страх.

— Неужели я ошибся? Неужели ты опять влюблена?

Ольга испуганно помотала головой.

— Нет, нет, нет, — отшатнулась она.

Взгляд Дьера стал еще холоднее. Но самообладание все же покинуло его.

— Жалкие людшки! — выкрикнул он. — Ну, скажи, зачем вновь проходить по этому испытанному уже кругу?! Вновь сочинять какие-то страдания, какую-то боль, какое-то безумство! Тебе дано право просто жить! Так и живи, ради Бога! Ты думаешь, это вновь счастье? Нет, милая. Это вновь бессонные ночи, опять слезы в подушку, опять предательство и опять — зло! Нет! Это не счастье, дорогая Ольга! Запомни! Счастье может быть только одно — просто жить! Так и живи!

— Да, Дьер. — Ольга вздохнула и вытерла кончиком шелкового шарфа слезы. — Да, Дьер. Ты, как всегда, прав. Нет, Дьер, я не влюблена. Ты во мне не ошибся. Просто мне ужасно надоел этот маскарад. Надоел мой маскарадный костюм. Я такой никогда не была. Никогда! Я хочу быть собой!

— Ну, Ольга, — улыбнулся вежливо Дьер. — Уже почти все закончено. Завтра — последний рывок. И ты, дорогая, его выдержишь. Я в тебя верю. А сейчас, — он пожал плечами, — еще впереди целая ночь. Ну и стань собой. Разве я против?

Ольга приблизилась к шкафу, распахнула его и скрылась за дверью. Я услышал шорох одежды, звон каких-то баночек, какой-то шепот.

— Ну же, выходи, Мышка, — сказал Дьер. И я вздрогнул и не поверил своим глазам.

Мышка проворно вынырнула из шкафа. Маленькая, огненно-рыжая, в ярком цветном сарафане. О, Боже! Я, успевший привыкнуть за последнее время ко всяkim сюрпризам, такого не ожидал. Мышка! Славная, милая Мышка, когда-то так влюбленная в Грига и так жестоко отплатившая ему за предательство. Это тот же обаятельный адвокат Ольга, черноволосая, черноглазая, чернобровая, загубившая раз и навсегда моего единственного друга. Эта рыжеволосая ведьмочка, конечно, зналась с самим солнцем, но и с чертями она зналась не меньше. О, Боже!

Дьер легонько похлопал Мышку по теплой, как у ребенка, щеке:

— Ты мне так тоже больше нравишься. Все будет хорошо. Отоспись. Завтра у тебя трудный день. Ты обязана быть в форме. — Дьер сделал паузу и стрельнул своими льдинками в Мышку. — Ты будешь в форме?

— Да, — выдохнула она, — все будет хорошо, Дьер.

— Ну и прекрасно! — И он направился к выходу и, не оглянувшись, захлопнул дверь за собой.

И Мышка, оставшись одна, расплакалась. И я терпеливо ждал, когда поток ее слез иссякнет. И только когда она вытерла слезы розовыми кулочками, я широко распахнул дверь балкона и переступил порог.

— Фил! Это ты, Фил!

— Ты же знаешь, я хожу в гости исключительно через балкон, Мышка. О, простите, Ольга. Или все-таки Мышка?

— Ты все слышал, Фил? — В ее глазах застыл ужас.

— Безусловно, нехорошо подслушивать. Но, увы, все мы несовершенны. Правда, Мышка? — И я не выдержал и подскочил к ней. И вцепился в ее острые плечики. — Зачем, зачем ты сделала это? Ты хочешь убить моего друга! Ни за что! Просто так! Просто за то, что он когда-то сделал тебе больно!

Она резко высвободилась из моих цепких рук. И отскочила, как кошка, в угол. И в ее глазах заплясали злобные чертики.

— Просто так?! Что ты понимаешь, Фил! Что ты понимаешь! Славный веселый Фил! Никогда не знавший боли утрат, боли предательства, шагающий по жизни все время смеясь! Что ты понимаешь? А ты знаешь, что такое кусать локти? А ты знаешь, что такое вонзать в руку булавку и не испытывать боли? Потому что боль — только вот здесь, — и она постучала кулаком по своей груди, — эта боль не сравнима ни с чем! А ты знаешь, что такое все время бежать неизвестно куда? И натыкаться на стену. А ты знаешь, что такое — умирать? Ты слышал дыхание смерти? А глаза ее видел? Просто о смерти ты знаешь? Ты ничего не знаешь, Фил! — И она махнула рукой. И в ее зеленых глазах было много боли. И эта боль передалась мне.

И я не выдержал. И обнял ее.

— Прости меня, Мышка, прости.

Она прильнула дрожащим телом ко мне. И вновь глухо заплакала. И моя майка промокла от ее теплых слез.

— Не плачь, Мышка. Не плачь.

— Фил, пойми, — шептала она, — у меня не было и нет выхода. Прости, Фил. Мы будем обязательно счастливы. Но мне необходимо пройти через это. Завтра казнь Грига. И я должна...

Я слегка оттолкнул ее от себя. И мои глаза забегали по ее мокрому вспухшему лицу.

— Ну, Мышка. Ты уже казнила его. Поверь. Его казнь уже состоялась. И больше не надо. Григ все понял. Григ все пережил за эти дни. Григу и так больно. И большее ему уже не сделаешь. Зачем же физическое уничтожение? На это никто не имеет права. Никто! Духовно он уже ничтожен. Впрочем, я не прав. Он, возможно, даже благодарен за то, что ему столько пришлось пережить. Он стал другим! Он вернулся к себе! И нашел себя! Он перелистал все страницы своей жизни. И нашел в них главное. И это благодаря страданием, которые причинила ему ты. Больше ты не имеешь права его мучить!

— Но... Но, Фил... Я не могу иначе... Иначе мне...

— Мышка! — Я в упор посмотрел ей в глаза. Но она отвернула взгляд.

— Смотри мне в глаза, Мышка! Ну же! Смотри! Я любил и люблю ту милую девочку, которая никогда не притворялась. Которая всегда поступала так, как ей велит сердце. Что оно тебе теперь говорит? Ну же! Положи руку на сердце. Что?

Мышка послушно приложила руку к груди.

— Я знаю, Фил. Оно мне говорит, что я не имею права...

Я вновь крепко обнял ее. И поцеловал в губы.

— Ну вот и все, Мышонок. Теперь мы точно будем счастливы.

Но она высвободилась от моих объятий. И грустно улыбнулась.

— А вот теперь я не знаю.

Я нахмурился.

— Ты боишься Дьера? Расскажи мне о нем и о всей замечательной шайке.

— Не теперь, Фил. Когда-нибудь ты сам все узнаешь.

И сам все поймешь.

— Ну хорошо, рыженькая. Я ни о чем не спрошу.

ГРИГ

Сегодняшнее утро — единственное за последние годы — я бы посмел назвать счастливым. Потому что сегодня утром я умру. Меня не будет, словно никогда и не было на этой земле. Я не знаю и не могу знать, что испытывает человек перед смертью, но я чувствую необычное облегчение. И даже не потому, что я рассказываю в своей вине перед человечеством. Людям глубоко плевать на меня. Они, тысячу раз совершающие в голове подобное предательство и подобное преступление, просто жаждут мести от страха. От радости, что не оказались на моем месте. И перед ними я не собираюсь снимать шапку и биться головой о землю. Меня делало счастливым совсем другое. Сознание того, что совсем скоро я встречусь где-то в бесконечности с человеком, которого я всегда любил. И всегда буду любить. И только у нее я должен просить прощения. Она всегда умела принимать мир и людей такими, какие они есть. И не требовать большего.

Я к ней вернусь без холодной маски на лице. Без своего маскарадного костюма. Я к ней вернусь прежним. И она меня непременно простит. И где-то там, в бесконечности, где не бывает печали и слез, мы еще обязательно будем счастливы.

Решетчатое солнце стреляло в мое лицо огненными лучами, и я мысленно у него тоже просил прощения. Я благодарил Бога, что сегодня оно, как никогда, ярко светит, словно прощааясь со мной.

Я не заметил, как он вошел в камеру. Он стоял напротив меня, как всегда чересчур элегантный, чересчур красивый в оттюженном дорогом костюме. Но я ему уже не завидовал. Мне нравилось сидеть перед ним

вот таким, небритым, в помятой майке, рваных джинсах и кедах, которые накануне принесла Ольга. И в этом я даже чувствовал вызов.

— Не пойму, что написано на вашем лице, — сказал он ледяным тоном. Но я уже не поежился, а широко улыбнулся, взъерошив лохматые волосы.

— Только покой и счастье, Дьер.

— Удивительный вы человек, Григ. Вы так желаете смерти, даже не зная, что она несет с собой.

— Что бы она ни несла — мне хуже не будет. И поэтому я счастлив.

Он пожал плечами.

— Ну, что ж. Быть счастливым — это ваше право. И этого у вас уже никто не отнимет.

В центре круглой комнаты, где я должен был принять смерть, стояло огромное кожаное кресло. И я решительно направился к нему и уселся.

— Мы рады за вас, Григ, вы мужественный человек. Такие сейчас — большая редкость, — холодно улыбнулся Дьер. И, взглянув на часы, нахмурился. — Странно... Задерживается адвокат. Без нее мы начать не можем.

Только я хотел спросить: почему? Ольга здесь во все не обязательна, я могу неплохо умереть и без ее присутствия, — как тут же распахнулась дверь и на пороге появилась... Мишка. О, Господи! Это была, безусловно, она. Цветной сарафан, огненно-рыжие волосы, белые сандалии. Нет, это уже далеко не игра, не имитация, не подтасовка внешности. Это, действительно, она, моя славная девушка, которую я никогда не переставал любить. И мне вдруг показалось, что я уже в ином мире, окруженный солнечными шарами, и в центре этого солнечного мира — моя Мишка.

— Мишка! — задыхаясь, прохрипел я. И протянул руки. — Иди ко мне, девочка моя.

— Прекратите этот маскарад! — вдруг крикнула она.

Я очнулся и ясно осознал — это далеко не иной мир. Это действительность. И в центре этой действи-

тельности все та же Мышка. Мои глаза сузились, и я плотно сжал губы. За эти дни я успел ко многому привыкнуть. И уже ждал дальнейших событий.

— Прекратите этот балаган! — вновь звонко крикнула она.

— Ты сошла с ума! — Дьер сильно сжал ее плечи, его лицо побледнело. — Ты знаешь, что ты сейчас делаешь?

— Прекрасно знаю, — уже спокойно ответила она, тряхнув своими рыжими волосами.

Нет, такого цвета волос все-таки не бывает. И мне до боли захотелось прикоснуться к ним губами. И утопить губы в их огненно-рыжем цвете.

— Я знаю, что делаю, Дьер. И меня уже не остановить. Уже поздно. И я делаю заявление.

— Ага! — заорал Ричард и от негодования, а возможно, от предвкушения скандала, даже взлетел. — Ага, Дьер! Что я говорил тебе! А ты давал голову на отсечение! Ха-ха! Вот и вся работа — коту под хвост!

— Мышка, — Брэм обратился к ней вкрадчивым тоном, словно говорил со своей пациенткой, — милая Мышка, как знаток человеческой психики смею утверждать — ты совершаешь ошибку. Люди в первую очередь должны думать исключительно о себе.

— А я о себе и думаю, — зло огрызнулась она. — И поэтому делаю заявление. Я не смогу жить, зная, что по моей вине он убит. Григ ни в чем не виновен. Произошла ошибка. Убийства никакого не было. И Григ, испытавший на себе психологическое давление следствия, поддался эмоциям и сделал признание. Оно оказалось ложным. И подтверждение этому — я. Живая и невредимая. — Она перевела дух. И опустила руки. — Прости меня, Григ. Сегодня я у тебя прошу прощения. Потому что сегодня уже не желаю мести. Сегодня у меня совсем другая жизнь. Я не хочу быть виноватой в твоей смерти.

И тут у меня перехватило дыхание. О, Боже! Меня, так безумно когда-то влюбленного в жизнь, так отчаянно пытающегося бороться за нее, так униженно умолявшего не лишать ее, меня хотели несправедливо осудить. И теперь, когда я сам пожелал смерти, как самого лучшего выхода из бесконечного темного коридора, как освобождения из замкнутого круга, в который безжалостно бросила меня судьба, теперь меня вновь пытаются загнать в угол, мне вдруг вновь дарят эту ничемную жизнь, которую я уже ненавижу и которой уже не хочу. О, Боже! Что со мной делают! И мое лицо исказила злоба, и я прошептал пересохшими губами прямо Мышке в лицо:

— А я не хочу! Не хочу твоего оправдания! Все это ложь! Я убил ту рыжеволосую девушки, убил безжалостно и не жалею об этом! И теперь понесу наказание. И избавьте меня, ради Бога, от этого бездарного спектакля! И скорее, скорее приводите приговор в исполнение. Дайте мне последнее право на счастье!

— Ты что, Григ! Опомнись! Счастье — это жизнь! Нет другого счастья! Поверь, ты еще сможешь жить, и твоя жизнь еще обязательно наладится!

— Моя жизнь! — я уже закричал во весь голос. — Какая она, моя жизнь! И что она теперь значит! — И я резко прервал свой крик. Потому что в дверях появился Фил. Мой лохматый, легкомысленный и единственный друг.

— Фил! — радостно выкрикнул я. — Как здорово, что ты пришел проводить меня в последний путь. Объясни, наконец, этим тупицам, что мне уже давно пора туда. И обратной дороги нет!

— Григ, — сказал Фил, и в его глазах я заметил проскользнувшее чувство вины. — Если есть дорога, всегда можно повернуть обратно.

— Ну, договаривай, Фил. Что ты мне хочешь сказать? У тебя на лице написано гораздо больше.

Фил вместо ответа неожиданно для меня приблизился к Мышке и крепко обнял ее. Точно так же, как я когда-то обнимал эту огненно-рыжую девушку. Я похолодел. Такого удара я не мог ожидать. Я все понял. Вот оно что! Вот почему ей уже не нужна месть. И не нужна расплата. Она вновь счастлива! И ей глубоко на меня плевать. И она не желает пачкать руки в крови, чтобы не омрачать свое счастливое будущее. Она уже не мне, а моему лучшему другу поет сумасшедшего Моцарта. И он, а не я утопает губами в ее рыжих волосах. И не мне, а ему рассказывает на ночь сказки, прижившись своим загорелым телом к нему. Я до боли сжал ладонями пульсирующие виски и поднял на Фила тяжелый уставший взгляд. Я не имел права судить его. И ее тоже. Я все заслужил сам. И отлично понял, что настоящая расплата была не тогда, когда я стоял на краю пропасти. Тогда у меня еще был шанс встретиться с Мышкой в ином мире. Нет, настоящая расплата теперь.

Я вдруг ясно осознал, что мне, действительно, безразлично — живу я или нет. Что ж. Они вернули мне жизнь. Пусть будет так. Как-нибудь противу эти годы. Во всяком случае страха я уже никакого не испытывал. Ни перед смертью, ни перед жизнью. Мне было абсолютно все равно.

А Дьер медленным шагом приблизился к крепко обнявшимся Филу и Мышке, скривив губы в усмешке, и впился в них ледяным взглядом.

— Ты сегодня все сама выбрали, дорогая. Смотри, не пожалей.

— Я все знаю, Дьер. И никогда не пожалею. Он поклонился. И повернулся ко мне.

— Вы свободны, Григ, — зазвучал его металлический голос. — Суд вынес вам оправдание. Вы ни в чем не обвиняйтесь.

Конечно, усмехнулся я про себя. Ведь фактически ничего и не было. Просто меня пытались убить дважды — отнимая жизнь и возвращая ее. И мне захотелось напиться до чертиков. И этому желанию никто не мог воспротивиться. И я понял, что нужно жить...

ФИЛ

Мы с Мышкой удалялись от этого проклятого здания, крепко обнявшись, и молчали. Но мы чувствовали друг друга. И друг другу передавали свою боль. И нам становилось легче. И я подумал, что так будет всегда: самые трудные моменты жизни мы переживем именно так, крепко обнявшись. И так мы сможем пережить все.

— Ну вот и все, — наконец нарушила молчание Мышка.

— Нет, Мышонок, нет, милый, это только начало. Начало нас с тобой...

Она не ответила и запрокинула голову вверх, к ночному небу. Словно искала поддержки.

— Я правильно поступила, Фил. Даже если это будет дорого стоить.

— Это ничего не будет стоить. Теперь ты сможешь свободно жить и никогда не мучиться.

— Фил, — она крепко сжала мою руку. — Послушай, Фил. Даже если меня не будет...

Я слегка зажал ей рот ладонью.

— Не смей так говорить. Если не будет тебя, меня не будет тоже, запомни...

Она помотала пушистой головой.

— Выслушай меня. Люди все способны пережить. Если все-таки меня не будет, то останется музыка Моцарта, останутся теплые облака, останется рыхее солнце. И ты знай — это буду я. Ведь я знаю тайну солнца. Но никому не расскажу о ней.

— Даже мне?

— Даже тебе. Если ты меня по-настоящему любишь, ты сам узнаешь ее.

— Я узнаю...

И словно в подтверждение моих слов грянул салют. И цветные яркие огоньки рассыпались в ночном мире. И тут же таяли в нем.

— Как здорово, — выдохнула Мышка.

— Это в честь тебя, Мышонок!

Она рассмеялась.

— На сей раз ты ошибся, Фил! — закричала она, перебивая громыхающий салют. — Это в честь Ричарда. Сегодня его свадьба! Бежим!

Она схватила меня за руку и увлекла за собой в ночь, навстречу блестящим, раскинувшимся цветным веером огням.

Мы очутились на центральной площади города. Она была украшена бумажными гирляндами, на деревьях сверкали цветные фонарики, конфетти кружило в воздухе. И бесконечный фейерверк, рассыпающийся по площади цветными огоньками. Казалось, весь наш городок явился на свадьбу Ричарда. Гремел оркестр. Все жители городка, нарядные, яркие, танцевали, хотели, обнимались. Цветочницы дарили всем большие букеты полевых цветов. И в центре площадки стояли белые сани, запряженные белыми картонными лошадьми. В этих санях восседали Ричард и его великолепная невеста в изумрудном платье и цыганском цветном платке.

— А я и не подозревал, что у нас так полюбили какого-то безродного попугая, которого вообще не бывает в природе, — закричал я Мышке в ухо, перекрывая этот шум и гам. — Идем, поздравим это чучело!

Мы стали пробиваться через гудящую толпу.

— О, Фил! — радостно захрипел Ричард. — Ты хороший парень! Я всегда это знал. — И он пожал крепко мою руку.

— Мы вас поздравляем, Ричард. — И я поцеловал руку Пиковой даме. — Если это возможно, будьте счастливы.

— Будем, Фил. В этом можешь не сомневаться! — И Ричард хитро подмигнул мне. — Хотите прокатиться на лошадях?

Я расхохотался.

— Мы раздавим людей! Тебе их не жалко?

— Садитесь смелее, ребята! Ричард еще никого пальцем не тронул. Совесть Ричарда чиста! — И он помог нам забраться в сани.

Мы с Мышкой не успели усесться, как картонные лошадки захрипели и резко взметнулись вверх. И повисли над площадью. И мы с Мышкой сверху вниз могли наблюдать за гуляющей публикой. И сверху горожане нам казались такими маленькими, кукольными, ненастоящими. Вот пробежал маленький Глебушки в белом барменском халате, неся перед собой поднос с кружками светлого пива. И кружки на ходу дрожали, и жители с жадностью выхватывали у Глебушки

пиво. За ним еле поспевала маленькая однорукая подружка, что-то бормоча на ходу и расталкивая локтями неугомонных любителей выпить. Вот маленький старичок-профессор в берете тычет какому-то абсолютно пьяному бродяге в грудь кулачком и пытается объяснять философию жизни. А вот и прокурор, бывший охранник тюрьмы Бык, палкой разгоняет какую-то дерущуюся компанию. А вот, наконец, и маленькая милая администраторша, кружася в вальсе, звеня бриллиантовыми люстрами в ушах и бриллиантовым кольцом в носу. Где-то промелькнул Славик Шепутинский, старательно записывающий важные мысли в блокнот с золотым павлином, изредка бросая маленькому Брэму два слова: да и нет. Мимо них пробежала маленькая Гретта, грохоча своими лаковыми сапогами, за каким-то сомнительным парнем.

А в стороне от всего, под цветущим кустом белого жасмина стоял Дьер в широкополой шляпе и смотрел на гуляющую толпу отсутствующим холодным взглядом.

Мы с Мышкой видели этих людей, кажущихся такими маленькими сверху, и мне они вдруг показались персонажами какой-то очень знакомой пьесы, название которой я не помнил. Мне они показались марионетками, разодетыми и разукрашенными куклами, которых кто-то умело дергает за нитки. И весь мир мне вдруг почудился чьей-то неудачной выдумкой, чьей-то неудачной шуткой, от которой вовсе не хотелось смеяться. Но, увы, эту пьесу я был не в силах переписать. Я был всего лишь одним из ее персонажей и, наверное, не самым удачным. И единственным настоящим в этой выдумке мне показалась наша любовь с Мышкой. И я обнял рыжеволосую девушки.

— Мышка, ты самая настоящая. Что я могу для тебя сделать? И какое еще желание исполнить?

Она зажмурила глаза, на секунду задумалась. И вновь открыла их, запрокинув голову к лунному небу.

— Вот тот, — кивнула она на лунный шар, — самый маленький осколочек от луны. Сыграй, Фил, роль влюбленного до конца.

— Самый маленький осколочек для самой маленькой Мышки!

Она протянула ладонь. И в ней засверкал бусинкой маленький осколочек ярко-желтой луны. И я приколол его к рыжим волосам. И он ярко вспыхнул в них. Что ж, с ролью влюбленного я справился отлично.

Мы спустились на землю. И сразу же столкнулись с Дьером. Он протянул руку и помог Мышке сойти.

— Нам пора, Маша, — отчеканил он ледяным тоном.

— Да, Дьер, — тихо отозвалась она.

Я непонимающе уставился на них.

— Мышка, ты что? Ты куда, Мышка?

Она ободряющее улыбнулась мне. И прикоснулась теплой, как у ребенка, ладошкой к моей небритой щеке.

— Не печалься, Фил. Я еду. Мне надо, Фил.

— Но зачем? Куда? Ты что, Мышка, с ума сошла?

— Выкрикнул я.

— Ну.. Ну, мне нужно домой. Ненадолго. Я возьму только вещи.

— Ты не умеешь лгать, Мышка. Ответь, ты куда?

— Это правда, Фил. Я — домой. И ничего больше не спрашивай. — И она, не дожидаясь моих слов, крепко поцеловала меня.

— Когда тебя ждать, Мышка? — прошептал я поблевавшими губами. — Когда ты вернешься, Мышка?

— Ты жди меня, Фил, жди...

И я, не успев опомниться, схватить ее, задержать, остался один. Она скрылась с Дьером в ликующей толпе. Я бросился за нею. Она уходила от меня все дальше и дальше. И наконец, бусинка в ее волосах вовсе исчезла из виду. Я не успел. И закончилась музыка, перестал громыхать салют, и не слышались крики толпы.

Я рассеянно стоял посреди совершенно пустой площади. И напротив меня в окне фотоклуба висела огромная фотография смеющейся Мышки.

Я очнулся, когда кто-то легонько прикоснулся к моему плечу. Я вздрогнул и резко оглянулся. Какой-то низкорослый человек в дорогом костюме и с трубкой в зубах улыбнулся мне:

— Вы Фил? Я не ошибся?

— По-моему, не ошиблись, — пробубнил я в ответ.

— У меня к вам деловое предложение. — И он кивнул на портрет Мышки. — Это прекрасная работа. Вы можете далеко пойти, Фил.

— Мне не надо никуда идти. Я прекрасно стою на земле.

— А вы шутник, Фил. Я ценю юмор. Но все же. Подумайте, вы талантливы. И у вас еще вся жизнь впереди. Никогда не упускайте шанса. — И он, сунув мне в руки визитную карточку, тут же скрылся. И мне захотелось кричать на весь мир. Но вместо крика я издал только глухой стон и прошептал:

— Ты сейчас вернешься, Мышка!

Но, увы, на сей раз мое желание не сбылось. Единственное желание, которое я загадал для себя...

И вдруг я услышал глухие рыдания и обернулся. Под высоким корявым деревом сидела на земле моя давняя подруга администраторша в каком-то выцветшем халате. В ее ушах уже не звенели бриллиантовые люстры. Перед ней стояло огромное дырявое железное корыто. Она сидела у разбитого корыта и плакала наизряд. И я, чтобы не нарваться на грубости, незаметно обошел ее и тут же нос к носу столкнулся еще с одним старинным приятелем — Быком.

— А, это ты, Фил, — прощедил он.

Улизнуть от него уже было невозможно. И я попытался улыбнуться, но у меня это плохо вышло.

— Ну и как поживает нынешний прокурор города?

— спросил я.

Он пожал плечами.

— Насколько мне известно, он живет неплохо. Но его давняя мечта купить зелененькую машину так и не сбылась.

— Я же про тебя спрашиваю, дружище!

Он округлил свои бычьи глаза.

— Ты что, Фил, с глухого перепоя? Иди отоспись.

А мне пора, — вздохнул он и почесал затылок. — На службу. Надо же кому-то охранять этих придурков. Хотя, если честно, я бы с удовольствием выпил с тобой по стаканчику. — И он, безнадежно махнув рукой, покосолапил в сторону здания городской тюрьмы.

А я, уже уставший думать, уставший соображать и даже уставший искать Мышку, еле дотянулся до своего дома и тут же, едва прикоснувшись к дивану, заснул крепким сном.

Утром я уже сидел за стойкой бара. И Глебушка мило улыбался, наливая мне пиво.

— Ты слишком много пьешь, Фил. Смотри, поосторожней с этим делом.

Тут же появилась подружка Глебушки. Ее рука была совершенно здорова. Она запищала на весь бар так, что в моих ушах зазвенело.

— Фил, кстати, нам нужна реклама для нашего пресуществающего ресторана. Ты бы не мог сфотографировать нас с Глебушкой на фоне этой прекрасной люстры? — И она указала совсем здоровой рукой на блестящее чудовище, висящее в центре зала.

— А как рука твоя? — не ответил я на ее просьбу. — Уже не болит?

— Тыфу-тыфу-тыфу, — плонула она через левое плечо. — Какая рука, Фил? Что ты каркаешь? Ты что — с перепоя?

— Нет! — рявкнул я во всю глотку. — Я не с перепоя! Я уже два дня не пью!

— Успокойся, Фил, мы тебе верим. — И Глебушка услужливо подставил мне под нос очередную кружку пива. И я ее зашпом выпил. И тут заметил краем глаза лежащую на стойке газету. По инерции, привыкший за последнее время к самым невероятным новостям, я схватил ее и принял лихорадочно листать.

На одной странице мой взгляд остановился. Помоему, у меня был ужасный вид. Безумные глаза и белое, как мел, лицо. И Глебушка осторожно прикоснулся к моему плечу.

— Что-нибудь случилось, Фил?

— Случилось, — глухо выдавил я. И не выдержал. Я закрыл лицо руками и заплакал. Я уже тысячу лет не знал вкуса слез. Потому что не знал настоящей боли, о которой мне когда-то рассказывала Мышка. Когда хочется физической боли, когда хочется куда-то бежать, а бежать уже некуда, потому что впереди — стена.

В утренней газете сообщалось о смерти рыжеволосой девушки по имени Маша. Ее тело было найдено в ее маленьком доме. На полосе была помещена фотография. Этот снимок был копией снимка, который мы когда-то делали с Григом. Разбросанные пышные волосы, цветной сарафан с пропущенными на нем каплями крови, тонкие руки, распластавшиеся на полу. И пальцы правой руки, словно сжимающие смычок. Единственное отличие от фотографии Грига — это одна белая сандалья на ноге и в волосах яркая бусинка.

Из оценения меня вывело легкое прикосновение. Я резко обернулся свое мокре от слез лицо. Передо мной стоял Григ.

— Идем, Фил, — тихо сказал он. — Тебе нужен воздух. Идем...

Мы стояли на набережной и молчали, вглядываясь в мутную воду.

— Ты сам говорил, Фил, что жизнь в любом случае не должна останавливаться, — прервал, наконец, молчание Григ. — И нет ничего лучше, чем жизнь.

— Когда в жизни ничего не остается, нет ничего хуже ее.

— Не надо так, Фил. Тебе, я слышал, предложили прекрасную работу, твои фотографии уже высоко оценили. Тебе нужно уезжать отсюда, Фил.

Я упрямко помотал головой.

— Нет, Григ. Я остаюсь здесь. Здесь когда-то я нашел счастье, здесь я и переживу горе. А как ты, Григ? Григ тоже упрямко покачал головой.

— Нет, я уезжаю. Туда, где когда-то встретил свое счастье. И там попытаюсь пережить остальное. И попытаюсь все начать с нуля.

— Но с чего начинать, Григ?

— Если бы я это знал...

Звук глухих шагов по каменной мостовой заставил нас очнуться. Дорогой элегантный костюм. Черные лаковые ботинки, широкополая шляпа, надвинутая на высокий лоб, и холодные, как лед, глаза. Это был Дьер.

И мы, в рваных джинсах, помятых майках и стоптанных кедах, выглядели перед ним мальчишками. Но это был тоже вызов. Мы уже знали, кто он. Но нам он был уже не интересен.

— И все-таки странные вы люди, — сказал Дьер своим металлическим голосом. — Вы способны причинить себе столько боли, что даже я безнадежно развожу руками. Даже я на такое не способен.

— Мы просто люди, — усмехнулся невесело я. — И не требуй от нас большего. На большее мы не способны.

— Ну что ж. Во всяком случае, каждый из вас сам себе выбирает дорогу. В моих силах только подсказать, какую. И вы вправе воспользоваться или отказаться от моего совета. Поэтому я умываю руки.

И он, резко повернувшись, пошел прочь. Красивый, элегантный, с льдинками в светлых глазах.

И мы уже не знали, когда и каким его увидим. Но в том, что увидим, — не сомневались.

А над нами светило огненно-рыжее солнце. И белые пущистые облака, теплые, как парное молоко, низко висели над нами. И в воздухе кружился запах жасмина. И где-то далеко-далеко, в глубокой бесконечности, где не бывает печали и слез, мы услышали волшебную музыку Моцарта. Сумасшедшую музыку любви, которую он когда-то подарил нам. И я подумал о девушке с огненно-рыжими волосами (таких волос не бывает, я знаю), которая знала тайну солнца. Сегодня эту тайну узнали и мы. И я подумал, что мы одинаково любим ее. И одинаково ее погубили. Григ погубил, когда-то отняв любовь. Я погубил, когда-то любовь подарив. И мы одинаково были виноваты в ее смерти. И одинаково невиновны.

— Ну, прощай, Фил. — Григ протянул руку, и я ее крепко пожал.

— Прощай.

Мы разошлись в разные стороны. И я, взглядаваясь в ярко-рыжее солнце, прислушиваясь к волшебной музыке Моцарта, мысленно улетая в голубую бесконечность, подумал, что в этом мире все-таки еще есть для

чего жить. И мы будем обязательно жить. Может быть, по-другому. Григ, наверно, станет более открытым и, возможно, вернется к нему его прежняя обаятельная улыбка. Я, наверно, стану более рассудительным, и на моем лбу появится сеть глубоких морщин. Я знал, что мы еще будем радоваться солнцу, совершая ошибки и исправляя их. И нас еще в жизни настигнет удача. Единственное, чего я не мог знать, — будем ли мы еще по-настоящему счастливы на этой земле. Или только далеко за ее пределами когда-нибудь еще раз узнаем настоящее счастье...

ДЬЕР

Я — никто. И я — все. Я есть. И меня нет. Я кто угодно, но только не Бог. Я могу сидеть в грязных лохмотьях в подворотне и просить подаяние. Я могу появляться в щикарном костюме в самом дорогом ресторане и снисходительно наблюдать за заискивающей передо мной публикой. Я могу в рваных джинсах и стоптанных кедах крутиться среди крикливой богемы. И с тем же успехом сидеть в домашних тапочках перед телевизором и уплетать жареные котлеты. Я могу невинного упрятать за решетку. И самый здравый рассудок поместить в сумасшедшем доме. Я могу толкнуть на предательство самую благородную душу. И самый высокий смысл жизни затоптать в грязь.

Я есть везде. И меня нигде нет. Я способен на многое. Я способен на все. Но я только не Бог.

И я все понимаю в этой жизни. И могу с точностью до миллиметра разложить ее по частям. Единственное, что я не могу и не смогу понять, — это людей. Их, которым дано самое высокое право — жить. Их, которые так и не могут этим правом воспользоваться по достоинству. Но мне и не надо их понимать. Достаточно, что я рано или поздно посещаю каждого из них. И каждый из них принимает меня. Принимает по-разному. В меру своего достоинства, своей чести, своей правды. Но все без исключения.

ЗДОРОВЫЕ И ЗДОРОВЫЙ БИЗНЕС

В №№ 11/94 и 1/95 мы рассказывали о новом оздоровительном продукте питания на рынке России — Кембриджском питании (Food for life). Дальнейшее знакомство с этим продуктом целесообразно провести в сравнении с широко известным Гербалайфом, поскольку у обоих продуктов одна и та же цель — оздоровление организма через очищение, регулирование веса.

Существует несколько принципиальных различий между Гербалайфом и Кембриджским питанием.

Первое и основное — по исходному сырью. Гербалайф основан на использовании трав Тибета и Южной Америки и потому является продуктом фитотерапии. Кембриджское питание — это сбалансированный витаминно-пищевой комплекс, изготовленный на основе натуральных продуктов и насыщенных необходимыми организму аминокислотами, минеральными веществами и белком.

Второе отличие заключается в форме потребляемого продукта.

Гербалайф представлен порошком для приготовления оздоровительного коктейля и разнообразными таблетками из трав, выполняющими функции сорбента и чистильщика при прохождении по желудочно-кишечному тракту. Порошок и таблетки принимаются в определенных комбинациях и в определенной последовательности. Кембриджское питание разработано с учетом психофизических стереотипов, сформированных у современного человека и представлено в привычной для него форме: супов, каши, коктейлей, «шоколадных» батончиков, пудингов, имеющих одинаковый состав. Потребитель по своему желанию выбирает ту или иную форму продукта.

Третье отличие — в схеме применения. Программа сбалансированного питания Гербалайф предполагает достаточно жесткую схему применения в течение 30 дней, в которую рекомендуется придерживаться определенной диеты и принимать таблетки по установленному графику. Кембриджская программа, для до-

стижения той же цели, считана на меньший срок — 14 дней и не требует жесткой схемы применения.

Четвертое отличие — в условиях поставки и распространения. Гербалайф распространяется по системе многоступенчатого маркетинга через сеть независимых дистрибутеров, которые периодически, путем выкупа определенного количества продукта, должны подтверждать свою квалификацию. При этом существуют определенные ограничения в рекламировании и продаже продукта, а вознаграждение дистрибутерам осуществляется через центральный компьютер, находящийся в США.

Распространение Кембриджского питания в России осуществляется фирмой Vita International, Inc., имеющей представительство в Москве и обладающей эксклюзивными правами на маркетинг этого продукта в нашей стране. Основная форма распространения его — через сеть дистрибутеров. В то же время разрешена реклама и продажа Кембриджского питания через

магазины и аптеки. Продукт одобрен всеми государственными органами России, регламентирующими использование питания по стране. Достаточно прост процесс закупки продукта распространителями и расчет с ними, т.к. и склад, и компьютер находятся в России, в Москве.

Приведенные различия между Гербалайфом и Кембриджским питанием ни в коей мере не умаляют роли и значения того или иного продукта для оздоровления человека, но лишь подчеркивают особенности, присущие каждому из них.

Поскольку Гербалайф и производители Кембриджского питания не являются прямыми конкурентами, приведенные различия позволяют потребителю расширить возможности выбора.

Справки по вопросам приобретения, применения и распространения Кембриджского питания можно получить по телефонам: 251-27-29, 207-13-54, 335-57-54

Александр МАКАРОВ-ВЕК

ПОДАРОК ЮВЕЛИРУ

Александр Макаров — с виду благостный, внутренне — жесткий, из священнического рода, стесняющихся Аввакумов. Родом с Урала, там, в Кунгуре остался его детский рай, где он еще стихов не писал. Оказывается, в раю стихи не пишутся, для меня это было откровением, стихи пишутся в аду, они — мечта, исповедь и освобождение. Они — спасение. Когда Макаров, одннадцати лет, попал из края лесов и озер в голое поле, где грохотали машины, то примерно с голи буквально не выходил из дома и слезы копились в душе. Вот эти слезы и стали его Кастьским ключом. А проводником случился Сергей Есенин, о чем по нынешним стихам Макарова никак не скажешь. Удивительно, что Есенин, который как бы в некотором священном прошлом, — но стихи Есенина любил петь отец, он и залонил в чуткую макаровскую душу зерно тоскующей есенинской поэзии.

Так Александр Макаров начал писать стихи, и кем бы он потом ни был, зарабатывая свой кусок хлеба, прозрение о себе, как поэте, не оставляло его. Трижды он поступал в Литературный институт и трижды успешно проходил творческий конкурс. Но дважды срезывался на обсуждении. В первый раз в его сочинении нашли «сумбур в изложении мыслей», во второй раз выяснилось, что он почему-то слишком поздно вступил в комсомол. Но теперь он уже заканчивает школу инженеров человеческих душ, достигнув возраста Христа. 33 года Александру Макарову, он пишет не только стихи, но и прозу, и даже пьесы (какое-то время работал в театре завлитом и даже успешно лицедействовал, подменяя отсутствующих актеров). Ни рассказов, ни пьес его я не читал и мнения о них, естественно не составил. Но стихи — вот они, перед вами. Макаров пришел в возраст свершений совершенным мастером, это значительный и абсолютно самобытный поэт, достойный ученик и наследник своих любимых Тютчева и Заболоцкого.

Я спросил Макарова: чего ему хочется достичь, что написать эдакое, громкозвенящее? Он сказал: «Написать бы стихотворений пятнадцать, которые потрясли бы меня самого». Это показалось справедливым, самый суровый судья и ценитель своего творчества — ты сам. А еще Макаров хочет написать и издать книгу стихов под названием «Подарок ювелиру» — замах на совершенство, и еще намекнул, что в названии скрыты «рок» и «тира».

Я полюбопытствовал: есть ли у него какая-либо неосуществившаяся тайна? Оказалось, есть. Он всю жизнь мечтал играть на скрипке, но так и не сыграл. И когда я во второй раз перечел его стихи, то попытался представить в словесной игре скрипача Макарова — где-то пробивалась мелодия, а где-то исчезала, и Макаров, опустив скрипку, с укоризной глядел на меня. Впрочем, это уже пошла метафизика, а Макаров — абсолютно современный молодой человек, подвластный моде времени и женским чарам. Вы ведь обратили внимание на приставку «век» к его фамилии? Выгендреж? Как бы не так. Во-первых, в фамилии «Макаров» Макарову чудится нечто пистолетное. Во-вторых, век — обозначение отрезка времени, в котором что-то значительное да совершается. В-третьих, приставка эта чрезвычайно нравится девушке, которой Макаров, влюбчивый, как все настоящие поэты, очарован. Пожалуй, главное именно в этом.

Виктор ЛИПАТОВ

Фото Леонида Шимановича

* * *

Январь — как лед на проводах —
прозрачен и высок.
Иссине выбрит впопыхах
под окнами каток
в порезах тонких.

Третий день

как я люблю.

Я рад.
Деревьев призрачная тень
летит сквозь снегопад.
Машины траурная гарь
легла на снег крыльца.
И кажется — весь век — январь,
и нет ему конца.

* * *

Уж небо осеню дышало...

A.C.Пушкин

Уж за полночь. Октябрь.
Промозгая земля.
И снег, как белый стих,
ложится на поля.

Мятежный на линовке веток лист,
чертежно-правильный, как золоченый ямб,
над плотью белого стиха повис.

Но к утру разыгрывается метель.
И ветер спутает метафоры и знаки,
бессмыслице придаст веселый бег!

И робкий свет, как звонкий амфибрахий,
преломится о белый-белый снег!

* * *

1.
Хлеб сжат. На чистые поля
свои мазки наносит осень
иконописью бытия,
где каждый штрих прозрачно-точен.

Кто тот неведомый Рублев,
лазурью, охрою покрывший
 поля, и возвестивший вновь
печали праздник наивысший —
не спрашивай! Не знаю я.
Наверно, тот он, кто веками
нас мучает, любовь храня,
и умирает вместе с нами.

2.
Поля не спят. И что такое
опять волнует их. Вокруг
в природе нет и нет покоя.
Деревья в золоте кольчуг
вновь жаждут боя. Сучья страшны.
И дождь, как стрелы, моросит...
Какой артелью на Руси
расписаны поля и пашни?
Кто выдумал, что деревья
должны стоять всю жизнь на месте,
они в озnob вошли сперва,
сбираясь ратью, к ночи вести
дошли — пора, и закипел
не бой — побоище! Ломались.

В оформлении стихов использована графика Иванка Земцова. Художник родился в 1967 году в Пермской области. С 1968 года живет в Йошкар-Оле. В 1991 году окончил Нижегородский институт иностранных языков. Инициатор создания группы непрофессиональных художников «ТЕЗИС».

И кровь лилась под градом стрел
водою дождевой. Сдавались
к утру последние полки...
И звенья золотой кольчуги
покрыли раны и куски,
шетча, как щепчуся в испуге.
И стали стоны деревень
слышны. И воронье кружится.
В морщинах небо третий день
Холодный пот, как соль, искрится.
Но вот, как радость, как Покров,
когда земле нет горше часа,
вдруг с белой гвардией снегов
войдет Ноябрь под лицом Спаса!

* * *

Б.А.Ахмадулиной

Издревле сладостный союз
Поэтов имена связует...
А.С. Пушкин

Она не пишет, а несет стекло,
боясь вздохнуть, чтоб не разбилось слово.
Иглой стеклянной шитая обнова
в алмазном блеске. Белла, Вам тепло?

Октябрь сквозит. А со страниц Перро
сошли Вы к нам, не взяв с собою шубы.
От холода в кровь искасали губы...
Вот, Белла, печь, бумага и перо.

Сперва откушайте. Хрусталиком в бокале
вино на тонкой ножке из стекла.
Вот супница висит, словно юла,
вся в запахе. С дороги Вы? Устали?

Пока Вы спите, я, как верный пес,
чуть порычу, от Вас правей, в сторонке
(ведь сны так хрупко держатся в ребенке), —
чтоб Ваши сны злой сумрак не унес.

А утром твердою, как ртуть водой
умоетесь и, пробежав страницу,
промолвите — какую небылицу
поведал ночью пес, мне — молодой!

Я раньше встану Вас и на столе
перелеплю в сервис кофейный тело.
Как на горошине спалось Вам нынче, Белла?
— Горошина? То мячик для Пеле!

А стул колпак наденет, как Пьеро
и Вам подаст дразнящий запах кофе...

Не на балу Вы были? На Голгофе?!

Простите мне. Вот лист Вам и перо.

* * *

Мне, может быть, и не простят, но я скажу —
что Ты мне ближе и дороже всей вселенной!
Свободою своей не дорожу
и рвусь в твой плен, как на свободу пленный!

Среди людей не для людей живу;
не веря, что в этой жизни бренной
есть что-то выше чувств! Одной любви служу,
но с каплей разума, как море с чистой пеной.

Ты так велика, что когда у спящей
я к родникам губами прикасаюсь —
целую я со звездья мицданий!

И в жизни этой — в жизни настоящей —
там Родина — где Ты! и там в изгнанье —
где нет Тебя! И я не каюсь.

* * *

А в саду, как змеиная кожа, с деревьев спадает кора,
и они, извиваясь, узлами на решетку чугунную,
в кольца сплетая тела, опускают стволы
и шуршат, и шипят до утра.

Я не знаю, что это такое и как объяснить
их шипенье и щелест, и шорох, и щепот за дверью...
может, это от шума в крови и восходит к поверью...
может, ночью нам как-то не так полагается жить.

Если можешь — сильнее прижмись... В суете
этой жизни хоть ночью не стать круговертью!
Чтоб не видеть, как наши змеятся тела в темноте, —
если даже добро ночью дышит страданьем и смертью.

* * *

Н.В.

В этой жизни земной и размеренной
чем я жил, что я знал о тебе...
Ты родилась в пучине затерянной,
там, где жемчуг цветет в скорлупе
этих раковин древних и мыслящих,
в этих зарослях донных хвоцей...
Не отсюда ли эта насыщенность
глубины твоих темных очей...
Что там я, Бог морской в услужении
у тебя быть готов — прикажи —
и моря в белопенном шипении
приползут, и придут миражи!
И сокровища, скрытые таинством,
пред тобою пройдут чередой —
за один только взгляд твой оттаявший
и за счастье быть рядом с тобой!

* * *

Упала в градуснике ночь
до капельки зари...
Взгляни, любимая, точь-в-точь,
как губы — снегири!

ЭПИТАФИЯ ДОН ЖУАНУ

эмансипированный век... но, может, рок
любовь, любовь? и избежиша едва ли
бермудский треугольник между ног
где многие бессмертные пропали

• • *

1.

Я задушил его вчера...
и долго руки пахли смертью —
приятный запах. Толстой жердью
я придавил... Без топора,
от ветра пала и убила
его — так записал конвой.
И мне копать ему могилу
и камень класть над головой.

2.

Я сволочь; я не человек —
звериной опаленной шкурой
сквозь снег ползущий слово «Зек»
на коже расцвело. И бурый
мне к морде цвет.

Я дикий зверь,
я землю грыз и жрал ночами,
побег готовя, и плечами
ход расширял... И как умел
зализывал в сырой низине
от пули рваное плечо...
И чуял резкий, на бензине,
погони запах горячо.
Теперь бы мне уйти отсюда,
зальеч в снега и жить свой век —
звериный, черный... я паскуда,
я сволочь, а не человек...
Я позабыл, что есть любовь
и мне не бабу, а — волчицу,
чтобы в овраге с ней случиться,
и пьяным настом резать в кровь,
как сердце, пляшущие лапы!
О, счастье, жажду ощущать
И воем ужасать этапы,
И мясо мерзых зеков жрать!

3.

Мы стаей рвали на куски
его изнеженное тело,
а он орал так неумело...
Затем высасывал мозги
я из костей и жадно ел,
и кости разбивал камнями...
А к ночи белыми губами
от счастья пел.

• • *

*Отцу на могилу поставили
не крест, а камень...*

Страшна не смерть, не смерть... Когда
настанет день и, мертвых речи
услышав, не найдя креста,
я камень подыму на плечи!

САМОВАР

На лапах выгнутых и медных,
бока тяжелые раздув,
дышащий жаром сил несметных,
стоит он, запрокинув клюв.

И жарко блещет медалями,
украсившими ослой лоб.
И дышит конскими ноздрями.
И красным углем полон зоб.

Индюк индейский тульской медью
обмытый с головы до пят.
И гребень — пряником и снедью —
завернутый в цветной халат!

ШИНЕЛЬ

Небо серое, словно шинель, каждой складкой протертою льнет
к грязным стенам, как к сердцу Акакия...
И сквозь тощий подклад облаков достает...
И сквозь щель между швов сыплет снегом на купол Исакия.

В это время двенадцать пробили часы. В Петербурге,
верней в Ленинбурге, сегодня, возле Смольного установились посты
и в открытую грабят, снимают шинели, как в морге.
И стреляет мороз. И зловеще чернеют кусты.

В это время в Ипатьевском доме за тысячи миль
бродят тени. Пасьянс разложили болота.
«O, mein Gott! Николя, этот варварский штиль...» —
далше речь не слышна, паровозная только икота.

В это время в Москве Адриан-гробовщик у Никитских ворот,
с пьяных глаз перепутал свой дом с Мавзолеем на площади,
где, как змеи, шипит, и ползет, и пугает народ
этот снег, в часовых нарумяненных дочек своих узнает,
и встречает гостей: Бригадира, сержанта Курилкина,
мертвецов из кремлевских могил, с Новодевичьим сбродом...
и теряет сознанье, целуя вождя в окровавленный рот!

И встает Он, великий и самый живой среди всех мертвцевов,
говорит, словно Вий: «Подымите мне веки, не вижу...
Это Суд ли настал иль чума? никого не обижу!..»
И летит над Москвой, и летит его каменный гроб!..
И метель в жерло пушки трубит, и картавит сугроб.

В это время часы бьют две тысячи раз и торопят заканчивать повесть.
Нет вестей с Разгуляя от Трюхиной — спиться с тоски...
И, как ангел, сивухой разящий портной — одноглазый Петрович
ножницами аршинными небо кроит, как шинель, на куски!

* * *

Помню только, что все мы ко дну устремились, водой многоцветной
погребенные заживо, помню то, что кричал я, как в легких песок
я почувствовал, с жизнью простишись...
И на берег был выброшен. Как я во сне
разговаривал с каждым матросом...

А когда я проснулся, сквозь ресницы увидел, что
воздух над морем превратился в цветные шары...
будто кто-то огромный и сильный на зеленом на водном сукне,
луч зажав между пальцев, как кий, стал играть в билльярд,
и с каким-то раскатистым громом золотые шары проносились по небу...

Ты в халате восточном надо мною из трубки бумажной,
разведя свой французский шампунь, пузыри выпускала
И тихо смеялась, и била в ладоши...
Ты была как дитя.

И подумал я — как хорошо, что стихов ты не пишешь.

Геннадий
КРАСУХИН

ДВА ДНЯ *в сентябре*

Повествование

Несколько предварительных слов

Очень может быть, что читатель этого повествования спросит автора: в какой мере оно документировано? Я отвечу: в незначительной. Поэтому документом его мерить не стоит. Хотя, конечно, совсем без документа тут дело не обошлось.

В ЛОГОВЕ

— Я одного не понимаю, — говорил товарищ Сталин, неторопливо прохаживаясь по комнате, — зачем вам столько великих? Пушкин — великий, Лермонтов — великий, Гоголь, Тургенев, Островский, Лев Толстой, Маяковский, Горький. Еще этот — Белинский — и тоже великий. Добролюбов. Герцен, который, как уверял Ленин, спал великим сном, пока его не разбудили декабристы.

Здесь он полуусмехнулся.

— «Декабристы разбудили Герцена», — негромко произнес он. — Разбудили! А! Как, товарищ Надеин, вы тоже считаете, что декабристы разбудили Герцена?

— Ну как же, товарищ Сталин, — напряженно улыбаясь, заговорил Надеин, — конечно. Ведь это же Владимир Ильич...

— Это — Владимир Ильич, — согласился товарищ Сталин. — Его мнение по данному вопросу мне известно. Но я хотел бы знать ваше мнение по данному вопросу.

— В данном случае, — твердо ответил Надеин, — я полностью согласен с Владимиром Ильичом.

— В данном, — с нажимом спросил товарищ Сталин, — случае? — Он мельком снизу вверх взглянул на ушастую голову писательского вожака. «Повинную голову меч не сечет», — вдруг вспомнил он. — Странно, — подумал он, — а что же с ней еще делать, раз она повинна? Повинна — значит виновна».

— Как и во всех других, — поспешил заверить Надеин. Он уже не улыбался.

— Правильно, — сказал товарищ Сталин. — Мы, большевики-ленинцы, во всех случаях соглашаемся с Лениным. Ну, а что касается данного случая, — он снова взглянул на Надеина, — то давайте подумаем. Допустим, что декабристы разбудили Герцена. Герцен в свою очередь разбудил народников. Народники — Ленина. Тогда, спрашивается, кого же разбудил Ленин?

— Ленин разбудил вас, товарищ Сталин, — так же твердо ответил Надеин.

— А почему не Троцкого? — спросил товарищ Сталин и выжидательно остановился перед Надеиным.

— На этот вопрос ответил сам Троцкий, изменивший делу Ленина и предавший идеалы социалистической революции.

Зная, что товарищ Сталин не любит, когда ему смотрят в глаза, Надеин смотрел на него боковым зрением. Он чувствовал, что товарищ Сталин чем-то сейчас раздражен, но чем?

А товарищ Сталин смотрел на Надеина и думал о том, что точно так же ответил бы тот Троцкому, если бы победил Троцкий. «Почему не Сталина?» — спросил бы Надеин Троцкий. «Потому что Сталин изменил делу Ленина и предал идеалы социалистической революции». «Если бы да кабы», — подумал он и, успокаиваясь, зашагал по комнате.

— Вы, писатели, знаете, — сказал товарищ Сталин, — какую грозную силу представляет собой слово. Недаром его боялись мракобесы на всех исторических этапах развития человеческого общества. Особенно сильно действует афоризм, потому что запоминается, западает в голову. Но афоризм требует размышления и проверки. Вот, например, поговорка: «Повинную голову меч не сечет». Как, по-вашему, соответствует она действительности?

— Соответствует, если человек осознал свою вину, если он искренне повинился...

— Вот именно: если он искренно осознал свою вину. Но большевикам на путях строительства нового, бесклассового общества пришлось столкнуться с многочисленными фактами неискреннего осознания вины нашим классовым врагом. И хороши бы мы были, если бы не секли беспощадно так называемые повинные головы. Смогли бы мы рапортовать народу об успехах колханизации и индустриализации? Смогли бы привести его к победе над заклятым врагом человечества — германским фашизмом? Я думаю, что не смогли бы.

Он снова остановился перед Надеиным, который стоял, возвышаясь над ним, так и не решившись сесть на предложенный ему стул.

— Вот так, товарищ Надеин. — Скупая улыбка слегка раздвинула рыжеватые усы товарища Сталина. — Не стоит слепо доверять афоризму, даже если он и народная мудрость. Да вы садитесь. — Он показал рукой на стул, возле которого стоял Надеин. — Как говорится, в ногах правды нет. — Он вдруг широко и открыто улыбнулся: — Вот вам еще один случай слепого доверия к афоризму. Ведь если человеку предлагают сесть, говоря ему, что в ногах правды нет, то где, по мнению говорящего, должна находиться правда?

— В заднице, товарищ Сталин? — осторожно заулыбался Надеин.

— Выходит, что там, — согласился развеселившийся товарищ Сталин. — Да вы садитесь, — он толкнул в грудь сотрясающегося от хохота Надеина, — будем считать, что к вашей заднице это не относится: я из нее правду извлекать не собираюсь.

Последняя фраза еще больше развеселила самого товарища Сталина. А Надеин, тот и вовсе захохотал навзрыд. Так, всхлипывая от смеха, и опустился он, наконец, на стул, но не прислонился спиной к спинке, а сел ровно на половину сидения, чуть подаввшись корпусом вперед, словно не сидеть собирался, а вскочить сию же минуту.

Теперь уже он снизу вверх взглянул на улыбающееся лицо товарища Сталина. На одно только мгновенье. И снова — уже боковым зрением. «Когда не смеются глаза смеющегося человека», — вспомнил он Лермонтова, — то это признак глубокой грусти или злого нрава». Очевидно, у товарища Сталина не было ни того, ни другого: его глаза смеялись.

Внезапно, видимо, по какому-то не уловленному Надеиным сигналу открылись двери и сильно широкобедрый человек с серым, чуть одутловатым лицом и серыми же, тщательно зачесанными назад волосами вкатил двухэтажный столик на колесиках и вопросительно посмотрел на товарища Сталина.

— Хорошо, — махнул тот на него рукой, — иди.

Человек исчез, а товарищ Сталин взял в руки высокий графин с рубиновой жидкостью и наполнил ею два пузатых стеклянных бокала. Надеин знал это вино, которое производилось в небольшом грузинском селении только для товарища Сталина.

— За вас, товарищ Сталин, — начал было Надеин, но товарищ Сталин сейчас же его остановил: «Пейте, и никаких тостов!»

Привыкший к водке и любивший только водку, Надеин сделал над собой усилие, чтобы не опорожнить вино залпом, а пить, как товарищ Сталин, небольшими, но быстрыми глотками, словно прислушиваясь в коротких паузах между ними к тому действию, которое это вино производит.

— Хорошее вино, — удовлетворенно сказал товарищ Сталин, разломав чурчхелу и протянув половину Надеину. — Библейское вино, — оценил и спросил: — Вы, товарищ Надеин, давно не перечитывали Библию?

— Не перечитывал давно, — ответил Надеин и снова насторожился: нет ли в этом вопросе какой-нибудь каверзы?

— А я перечитывал недавно, — сказал товарищ Сталин и начал листать, время от времени поплевывая на свои короткие пальцы, толстую книгу, оказавшуюся у него в руках. — Старый Завет, — говорил он, листая, — Новый Завет, вот — Евангелие от Матфея: «Абраам родил Исаака; Исаак родил Иакова; Иаков родил Иуду и братьев его». Вам это что-нибудь напоминает?

Надеин задумался. Он никак не мог понять, куда клонит товарищ Сталин. Так ничего и не придумав, он пожал плечами:

— Нет.

— Но вы же писатель, — торжествующе заговорил товарищ Сталин, — и не просто писатель, а Главный писатель Советского Союза. Как же вы не улавливаете сходства между этим библейским изречением и словами Ленина о том, что декабристы разбудили Герцен. Герцен разбудил народников, народники — Ленина, Ленин — Троцкого. Ну, хорошо, — продолжил он в ответ на негодующее движение Надеина, — поскольку, как выяснилось, Троцкий встал не с той ноги, то — Сталина, который, как вы пытаетесь меня уверить, спал великим сном, пока его не разбудил Ленин.

— Но, товарищ Сталин... — попытался возразить неожидавший такого поворота Надеин.

— Ладно, ладно, шучу, — отмахнулся товарищ Сталин. — Но, как видите, Ильич недаром имел пятерку по Закону Божиему. В отличие от нас с вами он хорошо помнил библейский текст.

— В отличие от меня, но не от вас, — поспешил возразить Надеин.

— Что ж, — согласился товарищ Сталин, — я все-таки учился в духовной семинарии. Кое-что помню. — Он отложил книгу и снова наполнил вином два пузатых бокала. — «Но вино молодое сливают в новые межи, и сберегается то и другое», — произнес он. — Хорошо сказано. Помимо, товарищ Надеин, не хуже, чем говорят все ваши великие писатели.

И опять он и Надеин принялись опорожнять бокалы мелкими и частыми глотками. И снова не получилось у Надеина хоть на секунду расслабиться: вино не снимало напряжения.

— Не хуже, — повторил товарищ Сталин, взяв в руки принесенный Надеиным список, — чем ваши великие писатели. Горький, — выхватил он фамилию из списка, — этот великий ходок к Ленину и великий мастер выпрашивать дополнительное питание. А как отблагодарили? Написал контрреволюционную брошюру!

Надеин внутренне сжался. «Но ведь он отрекся от нее, — хотелось сказать ему. — Все, что он написал потом, показывает, что отрекся».

— Знаю, что вы хотите сказать, — продолжал товарищ Сталин. — Вы хотите сказать, что это была ошибка Горького, которую он потом исправил. И повинную голову меч не сечет. Но, — товарищ Сталин в упор смотрел на Надеина, — вы бы поставили, допустим, «По стране Советов» рядом с «Несвоевременными мыслями»?

— Я бы поставил выше, — убежденно начал Надеин. — «Несвоевременные мысли» — это, если воспользоваться горьковскими образами, исповедь ужа, перепуганного насмерть интеллигента...

— А «По стране Советов» — это сокол, — насмешливо продолжил товарищ Сталин. — Бросьте! Вы же писатель и не можете не чувствовать, что там — страсть, убежденность, а здесь — что? Отрабатывает особняк Рябушинского и звание великого пролетарского писателя?

Не зная, что ответить на это, Надеин молчал. От неудобной позы ныла спина, ныли и даже скрипели плечи. От напряжения слегка стучало в висках.

— Что ж, будем считать, что отработал, — вдруг смягчился товарищ Сталин и в третий раз разлил вино по бокалам. — Оставим ему звание великого пролетарского писателя, он его заслужил.

Товарищ Сталин пил вино и вспоминал, как несколько раз через Ягоду пытался воздействовать на Горького, чтобы тот написал очерк «Иосиф Виссарионович Сталин» наподобие очерка о Ленине. «Недостаточно изучил материал», — неизменно отвечал Ягоде Горький. В конце концов пришлось сказать Ягоде, чтобы убрали недоумка. А кем заменили? Товарищ Сталин посмотрел на Надеина, который в это время ставил пустой бокал на стол.

Надеин изнывал. Изнывал, как всякий раз, когда бывал у товарища Сталина. Не было у Надеина человека дороже, он любил, нет, — обожал товарища Сталина, не задумываясь, отдал бы за него жизнь, но всякий раз, когда бывал у него, ощущал разлитую в воздухе тягостность. Его сознание постоянно подкарауливало опасность. Он чувствовал, что один ложный шаг, одно неверное движение — и все рухнет, разобьется, расколется вдребезги: дело, которому он служит, и сама его жизнь, которая в данный

момент полностью находится в руках товарища Сталина. Что же, он боялся умереть за товарища Сталина? Нет, в том-то и дело, что нет! Не за товарища Сталина, а от товарища Сталина боялся умереть Надеин. И — опять нет! Не смерти боялся, а боялся потерять доверие к себе обожаемого им человека, боялся, что товарищ Сталин не увидит в нем друга, оттолкнет от себя его, жаждущего сердечной близости.

«Кем заменили?» — продолжал думать товарищ Сталин. Конечно, товарищ Сталин знал, что этот никогда не откажется написать очерк «Иосиф Виссарионович Сталин», да что толку? У того, у Горького, — мировая известность и репутация либерала на Западе, а у этого? Кому он известен? Сторонникам мира? Вот они где — сторонники мира! — товарищ Сталин инстинктивно скжал руку в кулак. Для Запада, для общественного мнения Запада хотел товарищ Сталин, чтобы Горький написал очерк о нем. Не то чтобы товарищ Сталин уж слишком считался с западным общественным мнением: собака лает — ветерносит! Но и в удовольствии пустить пыль в глаза

Западу он себе не отказывал. Какой был тяжелый тридцать седьмой год! Каким зубрам тогда хребты ломали! Как уговаривали его все вокруг не пускать этого жида Фейхтвангера в Россию: дескать, расчухает тот, что происходит, учуяет своим еврейским носом. Не учゅя! — Товарищ Сталин самодовольно усмехнулся про себя. — Написал, что прав Сталин, которого отличает скромность, а не Троцкий, которого отличает нескромность. И поверили. А почему? Потому что — мировая известность. «Вот чего нет у Надеина, — товарищ Сталин тяжело вздохнул. — Давно пора менять. Но кем заменить? Эренбургом? Тот хорош на своем месте. А кого еще знают на Западе? Вот видишь, Георгий, — мысленно обратился товарищ Сталин к покойному другу, — был бы ты жив, вместе решали бы эту тяжелую задачу: кого поставить вместо Надеина. Некого ставить!»

— Не нравится мне, как вы выглядите в последнее время, — сказал товарищ Сталин, глядя в испитое лицо Надеина. Сказал мягко, даже ласково, но Надеин все равно вздрогнул. — Много работаете?

— Я от работы никогда не отказываюсь, — поспешил ответить Надеин.

— Знаем, — сказал товарищ Сталин, — и ценим в вас эту черту. Но на износ работать не надо. Вы нам, — он опять

наполнил два бокала, — нужны живым и здоровым. Вот за это и выпьем. Живите сто лет, товарищ Надеин! — Он легко ударил своим бокалом по надеинскому и поднес вино ко рту.

— Вы, вы живите вечно, товарищ Сталин, — услышал он растроганно дрожащий голос Надеина и отмахнулся: «Не будем уподобляться петуху и кукушке!»

А когда были выпиты и эти бокалы, товарищ Сталин снова взял в руки список, принесенный Надеиным, снова пробежал его глазами и неожиданно кротко сказал:

— Хорошо. Выпускайте библиотеку классиков в таком составе. У меня нет возражений.

А это означало, что миссия Надеина — нелегкая, потому что для ее осуществления потребовалось личное свидание с товарищем Сталиным, — подходила к концу. Оставалось ждать сигнала, по которому можно было и откланяться. И сигнал не замедлил последовать.

— На посошок, — сказал товарищ Сталин, разливая остатки вина в графине, — будьте здоровы, и от души советую вам соизмерять свои желания и возможности. Ничто так не укорачивает жизнь, как необходимость делать то, чего не хочешь делать. А кто, спрашивается, заставляет? Не хочешь — не делай! А то мне недавно рассказывали про одного писателя, который сначала проявил принципиальность — добился, чтобы «Литературная газета» справедливо раскритиковала упаднический рассказ другого писателя, а потом бежал за его женой по Тверской мульварю (кровь бросилась в голову Надеина), крича, что его не поняли и что он ей все объяснит. Пейте!

Никогда еще не казался Надеину таким тяжелым бокал — с большим трудом, неслушающейся, дрожащей рукой дотянул он его до рта и, почти давясь, стал глотать затвердевшее вдруг вино: мешало пить сердце, прыгающее у горла.

— Не хочешь — не делай! — услышал он сквозь тяжелое свое дыхание и звон в ушах примирительный голос товарища Сталина. — Зачем укорачивать себе жизнь? Мы никого не заставляем. Это, товарищ Надеин, вы должны объяснять товарищам писателям.

— Ну, хорошо, — решительно подытожил товарищ Сталин, — посошок не должен затягиваться. Вижу, что вы нуждаетесь в отдыхе, так давайте отдохнуть. Спокойной ночи!

— Спокойной ночи, товарищ Сталин, — слабым голосом отозвался Надеин.

— Да, сейчас я усну великим сном, и пусть меня, как Герцена, разбудят какие-нибудь декабристы. Ну, шучу, — и товарищ Сталин брызнул коротким смехом.

СПОКОЙНОЙ НОЧИ!

Ни мелкий моросящий дождь, ни свежий предутренний ветер не были в состоянии охладить сжигаемого внутренним жаром Надеина, когда он в распахнутом макинтоше, не надевая шляпы на голову, шел к машине. Шофер спал, завалившись на сидение, запрокинувшийся, с приоткрытым ртом. «Черт!» — выругался про себя Надеин, сел рядом и громко стукнул дверцей.

— Куда теперь? — спросил сразу проснувшийся шофер, включая зажигание.

— На кудыкину гору! — зло ответил Надеин и до отказа опустил боковое стекло.

Птицей пролетела машина до переделкинской дачи, но и любимая Надеиным быстрая езда не принесла успокоения. Вернее, он ее не замечал. А шофер старался. Обгонял редкие в это предутреннее время машины, почти прижимая их к кромке шоссе. Лихо ворвался в поселок и толь-

ко у самого дома сбросил скорость, мягко и плавно притормозил. Ничего этого не ощутил Надеин, тупо глядевший на дорогу и не видевший ее. «Что?» — спросил он, вылезая из машины, и, когда, наконец, дошло до него, что шофер спрашивает, в котором часу приехать, буркнул: «Позвоню» — и зашагал к дому. Но не вошел, а сел, нет, рухнул на скамейку, свалил на нее портфель и шляпу и уткнулся лицом в ладони.

Он не обдумывал сложившуюся ситуацию, он вообще не размышлял. Он сомнамбулически попеременно повторял про себя: «Хозяину все известно!» и «Эх, Даша, Даша!» — две фразы, которые жалили, воспаляли мозг. И хотя содержание этих фраз было далеко не одинаковым, он произносил их с одной и той же горестно-скорбной интонацией безвозвратной потери.

— Что случилось, Арсений? — окликнул его испуганный женский голос. — Почему не входишь в дом?

Надеин поднял голову и только теперь заметил, что сидит под дождем, который между тем усилился и лихо отплясал в луже перед крыльцом.

— Иду, — сказал Надеин и действительно вошел вслед за женой в дом, но разговаривать с ней не стал, сказал только: «Иди спать», а сам, забросив на вешалку мокрые макинтоши и шляпу, поднялся к себе в кабинет на второй этаж.

Здесь он первым делом распечатал бутылку «столичной», ахнул залпом стакан и бросил в рот несколько леденцов из жестянной коробки.

«Хозяину все известно!» — снова пронеслось у него в мозгу. — А в конце-то концов, — вдруг пьяно спружинил мозг, — в чем я конкретно виноват? Ну, похвалил я сперва рассказ Затонову в лицо. Но почему? Что — мне действительно рассказ понравился? Нет, это я Даша понравиться хотел».

Надеин даже хихикнул от такого простого правдивого объяснения. «По этому поводу надо выпить», — весело произнес он вслух. Налил полстакана, подвинул к себе зеркало, посмотрелся. «Будь здоров, Арсений!» — произнес он, приветствуя поднятым стаканом собственное отражение. Выпил и покрутил головой: «Конечно. Не рассказал мне понравился, а Даша. Это как в песне:

Какой у вас
Отличный квас!
А про себя твердил хитро:
Вы лучше кваса и сиропа! —

с удовольствием вслух пропел Надеин слова игривой песенки. Но допел — и исчезло ощущение удовольствия. «Не хочешь — не делай! — зазвучал в ушах горланный голос Хозяиня. — Зачем укорачивать себе жизнь?»

И черт его дернул приехать тогда в полуподвальную квартиру Затоновых. Да и не ехал он специально. Он вспомнил: был по делам в Литинституте и зашел — ведь во дворе живут! Нет, не совсем так: вышел из института и еще склонил за водкой, а это не во дворе, и уже потом вернулся. Зачем? Дашу хотел увидеть. Господи! Позвонил бы, вышла бы, пошли бы куда-нибудь, посидели. Так нет — притерся: написал, дескать, гениальный рассказ и затаился? А насчет обмыть — друзья должны заботиться? Сставил водку на стол и видел, как раскраснелась от похвалы мужу Даша, и потому, выпивая, удвоил похвалы. Расчувствовался — наобещал с три короба: книгу выпустим, пособие дадим и вообще — все, что нужно. Шутливо грозил пальцем: нельзя, нельзя, Алексей, о себе не заботишься, о семье подумай. О Даше. Ей спокойная, сытая жизнь нужна. Ах, ты не против. Кто же против? Ты, Даша? Ты — за? И я — за. Вот у нас и первичная партийчика образовалась. Принято единогласно!

Он плеснул себе еще полстакана и тут же выплеснул во-

дку в рот. «Эх, Даша, Даша!» — застучало в голове. Передавали ему, что рассказывала Даша после появления статьи Журилова в «Литгазете». Будто достала она газету из ящика, отдала мужу, а сама ушла на рынок. Вернулась — Затонов лежит на полу без сознания в луже крови. Да и не просто на полу, а якобы на той странице «Литературки», где была журиловская статья. Это ее он залил своей чахоточной кровью. Даша уже потом заметила, что именно ее, когда принесли ей приятели еще одну такую же «Литгазету».

Ах, Даша, Даша, ах, друг ты мой Аркадий, все это слишком трагически красиво, чтобы быть правдой! Чахотка, может, у Алексея и открылась, но статья, залитая кровью? Переобор, дорогая, рассчитанный на слабонервных! Как это кричали раньше на Украине? — «Ратуйте, люди добрые!»? Да плевать хотел Надеин на этих добрых людей! Хотел бы он посмотреть, как кто-нибудь из них отказался писать после звонка из ЦК да еще с намеком на Хозяина! Отказались бы? На брюке бы приползли со статьей в зубах! И с такими формулировочками, что никакого следственного материала больше не надо: бери Затонова и сажай! Вот тебе, Даша, и ратуйте! От кого ратуйте? Ведь он же сильно редактировал Журилова, удерживал его прокурорскую руку. А то, что оставил слово «клеветнический», так кто бы не оставил? «Клеветнический» — так и сказали в ЦК: ребенку ясно, чье это мнение! Нет, он спас Алексея. Да-да, спас, сколько бы тот ни харкал кровью на отредактированную статью!

Это Надеин и хотел сказать Даще, когда, выходя из пивного бара, что рядом с памятником Пушкина, вдруг увидел ее, идущую по бульвару. Не поздоровалась, прошла мимо, но глаз не опустила, и увидел Надеин в ее глазах, что продал его Журилов, гад ползучий, бывший дружок и соратник по РАППу. Гнида! За него, надеинской, спиной захотел склониться! Так нет же, пусть Даша узнает правду. Однако, едва он ее догнал, как она ускользила шаги, не позволяя ему идти рядом. Пришлось почти бежать за ней, выкрикивая на ходу не объяснения даже, а обещания объяснений. Не остановилась, не притормозила, а продолжала лететь, будто за ней бандиты гонятся. Вот тогда и проクリчал он с горечью ей в спину: «Но для женщины прошлого нет, разлюбила — и стал ей чужой?» — «И ты смеешь?» — прошипела она, резко остановившись и заглядывая ей в лицо. И вдруг состроила презрительную гримасу: «Ты пьян, пойди проспись и не преследуй меня больше!»

Больше Надеин ее не преследовал. Брезгливое выражение его обидело: за что? что он такого ей сделал? Он повернулся и пошел назад в бар, где офицант снова провел его как почетного гостя в отдельную от других посетителей комнату. Пьян! Он не был пьян и тогда, когда бежал за Дащей, и тогда, когда, выпив еще несколько кружек «серша», ушел, наконец, из бара, и сейчас не пьян. Да, и сейчас, — Надеин допил бутылку, — и сейчас тоже.

Он заглянул в зеркало. «Не пьян, — сказал он своему отражению. — Вот, смотри». Он взял со стола первую попавшуюся книгу, раскрыл ее, но читать не смог: разъезжались строчки. «А я говорю, что прочту!» — рассердился он и стал читать одним глазом, который через несколько фраз начал закрываться. Ага, сообразил Надеин, он не пьян, но устал и хочет спать. Сколько сейчас? Он поднес к глазам часы и опять догадался закрыть один глаз. Ого! Пять! Все-все — спать! Спать, Даша!

Надеин уснул, едва коснувшись подушки. А тот, кто заставил его топить свой страх в бутылке водки, долго еще не мог заснуть из-за сильнейшего раздражения. Нет, не Надеин был тому виною, о Надеине он забыл, едва тот очутился за дверью. Дело было в нескольких листах бумаги,

которые ему подали сразу после ухода Надеина. Правда, спешки не было: бумаги были несрочными — вполне могли полежать до завтра, но он, узнав из традиционного ночного доклада секретаря о содержании последней почты, потребовал, чтобы принесли именно их, и выказал при этом столько нетерпения, что эти несколько листков моментально оказались у него на столе. Это была речь Тито на пленуме ЦК Компартии Югославии.

Впрочем, его раздражали не аргументы, которые этот подонок приводил в защиту своего, югославского, пути к социализму. И не оскорблении, которыми этот фашист осыпал лично его, Сталина. Его раздражали само существование этого подонка и фашиста, необходимость считаться с этим существованием и даже — позор на его седую голову! — вызывать нетерпеливое желание читать этого недоноска. Главное — чего он ждал с таким нетерпением? Что эта сволочь покается? Как же — держи карман шире! Да и если б покаялся — что с того? Где его-то собственная хваленая бытая невозмутимость? Вот она — старость! Позор! Позор!

«Ай, Моська!» — со смехом сказал о Тито Молотов. Действительно: Моська, сморчок, шмакодявка! Сравнишь разве с Троцким, которого по глупости пришлось в двадцать девятом живым выпустить из страны и который окопался было в другом полушарии, но и туда дотянулась до него карающая рука революционного правосудия. А Тито? Рядом! Из Болгарии несколько часов на танке! Ну, танки он, положим, за них не пошлет — многочи! Но разве эта шмакодявка достойна жить на свете? Так в чем же дело? Когда было приказано Берии и Абакумову убрать выродка? Сволочи, дармоеды, слизняки!

Вот она — старость. И одиночество. Не на кого положиться, некому довериться. Был бы жив Георгий, вместе убрали бы Тито, как тогда Троцкого. Впрочем, Георгий до убийства Троцкого не дожил. А дожил бы — порадовался за друга — вот каким всемогущим он оказался!

Да он и сам привык к собственному всемогуществу. Особенно после войны. Вернее, в ее последние победоносные два года. Первое-то время он все никак не мог опомниться от вероломства Гитлера, обижен был на него смертельно: он ли ему не симпатизировал, он ли не приказывал давать в газетах сводки только германского командования, он ли не разрешал на границах отвечать выстрелом на выстрел! Но опомнился, когда понял: предал Гитлер. И заметался: что делать? как быть? Уже поддавшись всеобщей панике, хотел было бежать из Москвы, но в последний момент позвонил Жукову и, услышав, как тот поклялся страшной клятвой коммуниста, что Москва сдана не будет, успокоился, расстрелял паникеров и с этих пор вверил свою судьбу в руки удачливого маршала. То есть, маршала он Жукову дал чуть позже, в сорок третьем, но и без того награждал его щедро, сделал своим заместителем, вторым человеком в стране. Что ж, лучше его не обмануло: Жуков вывез. А что после войны пришлось убрать Жукова в провинциальный военный округ, так это и Георгий, был бы жив, одобрил бы: а что же, прикажете держать его на виду? Зачем? С чьим именем шли в атаку? Кого называли великим маршалом? Жукова? Нет, Сталина! Так что все справедливо: два солнца на небе не сияют!

«Маршалу Сталину — слава, хвала!» — писал Рыльский в стихотворении, напечатанном в «Правде» в день Победы. А ведь поначалу он не собирался брать себе маршала, чин, впервые в истории России учрежденный им перед войной. Зачем ему? Это пусть Ворошилов или Буденный числились у него в маршалах, как чисились маршалами Ней или Мюрат у Наполеона. Да и во время войны он долго и

упорно держался за свое звание Верховного Главнокомандующего. Нравилось ему также и Творец всех наших побед, как величала его пресса. И все же он взял маршала, когда понял, какой ослепительный блеск придала этому званию война, как благоговейно смотрели на маршалов в тылу и на фронте. Взять-то взял, но особой радости при этом не испытал. Что же получалось? Маршал Жуков, маршал Василевский, маршал Конев и — маршал Сталин? Правда, Сталин все-таки, не кто-нибудь! Но — маршал, как и все они. Ну, положим, не как они, великим маршалом называли только его, но это звучало как первый среди равных. Получалось, что они и есть равные ему. Ему!

Три звезды Героя он повесил на грудь Жукову. На свою грудь он мог повесить, конечно, намного больше. Но и это значило: выделиться, стоя с тем же Жуковым на одной площадке. Ну, у кого — три, а у него, допустим, пять, но ведь одного и того же номинала!

Ах, как остро позавидовал он Наполеону: вот молодец, взял и объявил себя императором. Если б он мог тоже! А что? Социалистическая Советская Империя! ССИ! Чем хуже СССР? Но нет. Империя — это в какой-то степени уже не демократия. А под его руководством народы страны добились таких демократических свобод, каких ни у кого и никогда не было еще во всей мировой истории. И отнять у них хоть малую толику демократии он, Отец Народов, не имел права.

Конечно, он носил и такое звание, какое не снилось никакому маршалу. Он был секретарем ЦК и одновременно Председателем Совета Министров. Тоже надо было поломать голову, чтобы найти лучший вариант. Сначала он носил звание Генерального секретаря ЦК. Потом его упразднил — проявил никому не нужное, как выяснилось, благородство: решил сравняться с другими, приказал и себя называть просто секретарем ЦК. Но вовремя почувствовал, что просто секретарем ЦК все-таки недостаточно, и он назначил себя еще и главой правительства. А после и вовсе опустил свое партийное звание, не упразднил, но именно опустил, — нашел, что будет скромнее, если он станет подписываться только как Председатель Совета Министров.

Вот и тут. Нет, недаром его называли мудрейшим. Правда, самое трудное решение пришло ему в голову уже после парада Победы, когда он обнародовал Указ Президиума о присвоении себе звания Генералиссимуса Советского Союза. Гениальным было не то обстоятельство, что он стал генералиссимусом. Гениальным было то обстоятельство, что при этом не последовало Указа о введении такого звания в армии. А это значило, что высшим воинским званием остается маршал, которого впредь будут давать выдающимся военачальникам. Высочайшего же звания Генералиссимуса не получит больше никто.

Но и тогда — на параде Победы он остался довolen собой. Потому что появился на приеме в честь его участников в такой маршальской форме, какая отличала его от всех других маршалов. Он вышел в перехваченной ремнем солдатской гимнастерке, на погонах которой лежали огромная звезда и герб Советского Союза, и в брюках с красными жирными лампасами, по-солдатски заправленных в сапоги. Поднявшись на самую вершину, он в то же время как бы опустился к самым низам, сомкнулся с ними — вот что выражала такая форма, и он закрепил это впечатление, в первую очередь чокаясь с солдатами — полными кавалерами ордена Славы и только потом — с их командирами. Он неторопливо щел от солдата к солдату, от офицера к офицеру, сопровождаемый сотнями влюбленных глаз и словно греясь в теплых лучах всеобщей

влюблённости. Шел подтянутый, молодцеватый, молодой...

Молодой! Давно ли это было? Четыре года назад всего, и вот она — старость. И — немощь. С кем? — с Тито справиться не может. Ведь это — курам на смех! С клюпом, которого растоптать и растереть! Взгляд его выхватил лежащую на столике Библию. «Тоже мне — Давид и Голиаф, — усмехнулся он и еще пуще озлился от такого сравнения: — А вот я ему покажу Давида. Сволочь!» И уже плохо владея собой, крупно, по-стариковски вписал в календарь: «Или Тито, или Абакумов с Лаврентием». И сразу почувствовал, что этот припадок ярости так просто ему не сойдет: дышать стало трудно.

Долго, не двигаясь, сидел он за столом, пока удалось отдохнуться. Он мог бы нажать кнопку звонка и вызвать врача, но не хотелось никого видеть. Никого, кроме Георгия, которого, увы, не воскресишь. И опять, в который раз за сегодняшний вечер, горько посетовал он на раннюю смерть старого своего товарища еще по Турханской ссылке, который, был бы жив, поддержал бы его в это трудное время.

Он посмотрел на часы — было около семи, разделся, лег в постель и, чтобы успокоиться, стал просматривать свежие номера журналов, горкой сложенные на тумбочке возле кровати.

С ДОБРЫМ УТРОМ!

В семь часов не спали во всех трех комнатах коммунальной квартиры в Замоскворечье.

Во всех комнатах раздавались хриплые звуки из черных тарелок репродукторов, которые, впрочем, слушали вполуха, занятые своими мыслями.

Собственно, главное, из-за чего хрипели репродукторы, было сообщение о погоде. Его ждали и слушали с напряженным вниманием.

И сразу после сообщения стучали двери, начинал периодически ухать и водопадно журчать унитаз и лилась вода из крана в кухне, где наполняли чайники и поочередно умывались.

Это было так же естественно и привычно, как хрипенье репродукторов, поэтому не отвлекало, не мешало думать мальчику с коротким чубчиком на стриженой голове с оттопыренными ушами. Этим мальчиком был я, и мысли, которые роились в моей голове, были самыми сладкими, потому что я снова и снова переживал вчерашний триумф.

Вчера я принес в школу свое стихотворение для стенгазеты нашего класса, но Нина Павловна, прочитав стихи, побежала с ними к завучу, который тут же вызвал меня и повел к директору в огромный кабинет с раскатанной во всю комнату красной ковровой дорожкой и с большой — в полстены — картиной, на которой, сидя в плетеных креслах, беседуют и пьют чай с лимоном Иосиф Виссарионович Сталин и Алексей Максимович Горький. Школа наша называлась экспериментально-базовой Академии педагогических наук РСФСР, и директора, который к тому же был еще и членом Президиума этой академии, боялись наши родители, не то что мы, которым он внушал мистический ужас. У директора были очень толстые щеки и заплывшие щелочки глаз, смотревшие холодно и надменно. От этой холодности и надменности оробел не только я, но и завуч, который сказал несколько слов, протянул мои стихи директору и, пока тот читал, стоял вместе со мной перед столом на ковровой дорожке.

— Это ты сам написал? — спросил директор.

— Сам, — сказал я не вполне, впрочем, уверенно. Дело

в том, что первой строкой я взял фразу, вычитанную мной из «Родной речи». И надо ли специально это оговаривать, а главное — надо ли об этом вообще кому-нибудь говорить, я не знал.

— В каком классе учишься?

— В третьем «Г».

— Кто учитель?

— Нина Павловна Рогова, — ответил за меня завуч.

— Вот видите, — сказал ему директор, — мы совершенно упустили из виду политico-воспитательную работу в начальной школе. Хорошо, конечно, что там есть такой ученик, — директор посмотрел на листок с моими стихами, — как Красухин. Но на то и существует политico-воспитательная работа, — директор нажал кнопку звонка, — чтобы таких учеников было намного больше. Принесите журнал третьего класса «Г», — сказал он отзовавшейся на звонок секретарше.

— Кем работают твои родители? — спросил он меня.

— Отец — начальником цеха завода, мама — воспитательницей детского сада.

— Так, — благосклонно склонил голову директор, — из трудовой семьи. — Секретарша принесла ему журнал, и он тут же начал его пролистывать. — Э, да ты, я вижу, отличник! — воскликнул он обрадованно. — А в первых двух классах как учился?

— На круглые пятерки.

— Вот, — удовлетворенно сказал директор завучу, — наглядное доказательство моей правоты. Он — отличник, он же и общественник. Ведь ты — общественник? — спросил он меня. — У тебя какая общественная нагрузка?

— Я звеньевой.

— Ну, вот-вот. И времени хватает и на уроки, и на общественные дела?

— Даже еще остается, — осмелился я, понимая, что такой ответ должен понравиться директору.

— Вот, — директор снова обратился к завучу. — А двоечники — это наш балласт. Их не вытягивать нужно, а изолировать. Чтобы уберечь таких, как, — директор снова взглянул на листок, — Красухин, от их тлетворного влияния. Они должны быть собраны в одном классе. Понимаете? Класс трудновоспитуемых. И относиться к ним надо как к трудновоспитуемым, изолировав их от тех, кто действительно хочет работать и учиться. Вы согласны?

— Полностью, — энергично затряс головой завуч.

— Но прежде чем выходить с этим в министерство, — поднял палец директор, — надо все это тщательнейшим образом продумать. Напишите мне ваши соображения.

— Если разрешите, Илья Алексеевич, — сказал завуч, — я к вам завтра...

— А вот спешить совершенно необязательно, — строго сказал директор. — Можно и через неделю. Главное — аргументы. И примеры из нашей практики. Типа вот его, — директор показал на меня. — Отличник, общественник, пишет патриотические высокодидактические стихи.

— Молодец, — сказал он мне. — Ты, конечно, знаешь, что в декабре Иосифу Виссарионовичу исполняется семьдесят лет. К этой дате мы откроем наш школьный музей подарков любимому вождю. Мы возьмем в него твоё стихотворение. Перепиши его чисто и красиво и отдай завтра Надежде Павловне.

— Кому? — не понял я.

— У них ведь Рогова учитель? — спросил директор завуча.

— Она — Нина Павловна, — сказал завуч.

— Да-да, — сказал директор, — отдашь стихотворение Нине Павловне.

На крыльях я вылетел из его кабинета и все четыре урока сидел с ощущением своего избранничества и исключи-

тельности, подогреваемый ласковыми взглядами Нины Павловны. Нечего говорить, с каким старанием переписал я свое стихотворение, которое мне нравилось больше и больше. И сейчас, лежа в постели, я снова с удовольствием читал его про себя:

*Я шлю привет своей родной стране,
Я шлю привет родному краю.
И вот сейчас забыл я о себе,
О нем, о Сталине, сейчас я вспоминаю.
Ведь это он, родной товарищ Сталин,
Взял курс по ленинскому верному пути!
Ведь это он, родной товарищ Сталин,
Родному Ленину поклялся не сойти с его пути!*

— Ты вставать думаешь? — спросил отец. — Я должен убрать постель.

В нашей двенадцатиметровой комнате диван, на котором я спал, одновременно служил сиденьем для двух, по крайней мере, человек, садящихся за приподнятый вплотную к нему круглый обеденный стол. Впрочем, стол можно было бы назвать и письменным: я за ним готовил уроки. Родители спали напротив меня на железной кровати с высоким двуспальным матрасом. На него и складывали все наши постельные принадлежности и аккуратно застилали их покрывалом.

Я встал. «Тра-та-та-та! Та-та!» — протрубил хриплым пионерским горном репродуктор. «Здравствуйте, ребята! — заговорил он бодрым женским голосом. — Слушайте «Пионерскую зорьку!» И радостная музыка полилась мне в душу. День начинался превосходно!

ТРУМЕН, ЭТГЛИ И ДРУГИЕ...

И очень хорошо продолжался.

— Молодец! — сказала Нина Павловна, проглядывая мое, набело переписанное стихотворение. — Я тебе поставлю сразу три пятерки — по родной литературе, по русскому и по чистописанию. И на сегодня, — добавила она, — Илья Алексеевич освобождает тебя от занятий. Ты пойдешь к Тамаре Макаровне.

Я пошел в пионерскую комнату, просторную, увшанную почетными грамотами.

— Ты Красухин? — переспросила меня Тамара Макаровна, полная женщина с красным галстуком и комсомольским значком на груди. — Ну-ка прочти. Только с выражением.

Я прочел:

*Пионеры всей страны,
Мы учиться так должны,
Чтобы лопнули от злости
Поджигатели войны.*

— Ну-ну, — поощрительно сказала Тамара Макаровна и, звонко выговаривая каждое слово, прочла вместе со мной строчки, обозначенные как «все вместе»:

*Трумен, Этгли и другие
Поджигатели войны.*

— Не хватает писклявости, — с сожалением сказала она. — Хрипловато. Ну, да поэты редко хорошо читают стихи. Ты ведь поэт? Илья Алексеевич сказал, что ты написал замечательное стихотворение.

Я радостно потупился.

— Ну, а кто такой Трумен, знаешь? — спросила Тамара Макаровна.

— Американский президент.

— Верно. А Этгли?

— Премьер-министр Англии.

— Хорошо, — сказала Тамара Макаровна, — для твоих лет просто очень хорошо.

— И еще он — лидер партии лейбористов, — сказал я.
— Кто? — не поняла Тамара Макаровна.
— Эттили.
— А Трумен? — удивилась Тамара Макаровна.
— Трумен — демократ.
— Откуда ты все это знаешь? — еще более удивилась Тамара Макаровна.

— Из газет. По радио.

— Нет, ты просто необыкновенный мальчик, — убежденно сказала Тамара Макаровна, — недаром на тебя обратил внимание Илья Алексеевич. Это он велел включить тебя в приветственную бригаду.

— Куда? — не понял я.

— Тебе не объяснили? Через месяц в клубе Совета Министров состоится городская конференция стахановцев производства. Лучшим пионерам Москвы доверена честь приветствовать стахановцев. На нашу школу разнорядка райкома — три человека. А те стихи, которые ты только что прочитал, ты прочтешь там — громко, с выражением. Причем у тебя текст — очень ответственный. Ты здесь — как запевала. Читаешь, — Тамара Макаровна снова прочитала четыре строчки, — и все подхватывают:

Трумен, Эттили и другие

Поджигатели войны.

Внутри меня все пело. «Лучшим пионерам Москвы доверена честь», — сказала Тамара Макаровна. Выходило, что я попал в число лучших по всей Москве!

И я несколько не удивился тому, что вместе со мной в приветственной бригаде от нашей школы оказались наш председатель совета дружиной и еще один пятиклассник, круглый отличник, о котором даже писала «Пионерская правда». Ему досталось четверостишие про наших старших товарищеских, героических комсомольцев, с которых мы, пионеры, берем пример. А председатель совета дружиной должен был прочитать стихи о великих трудовых свершениях советских людей. Но, насколько я понял, ни тот, ни другой не выступали перед стахановцами в роли запевалы. И поэтому обрадовался еще больше.

А уж то обстоятельство, что нас троих и Тамару Макаровну довез до клуба Совета Министров роскошный черный «ЗИС», я и вовсе воспринял как само собой разумеющееся: должны ведь лучшие пионеры Москвы отличаться от обычных, рядовых.

— Здесь пропретируем, — сказала Тамара Макаровна, распахивая тяжелую массивную дверь с большой бронзовой ручкой.

В зале было довольно много мальчиков и девочек, которые пришли сюда

со своими пионервожатыми. Пионервожатые о чем-то посовещались с высоким седоватым человеком с красным галстуком на груди. Потом человек этот захлопнул в ладони, попросил тишины и сказал, что сейчас каждому раздадут весь литературный сценарий и пусть каждый найдет свое четверостишие и запомнит, после кого он читает.

Я сразу нашел. Мой текст следовал за словами о каком-то Егоре, который гонял вчера в футбол и не выучил уроков. Получалось, что мои стихи должны были звучать как напоминание о нашем гражданском долге.

Седоватый снова захлопнул в ладони и прокричал, что сначала на сцену проходят знаменосцы, потом в зал входят солисты хора Московского городского дворца пионеров. Они идут по проходу, поют песню, поднимаются на сцену, продолжают петь, и в это время по проходу идем мы. Солисты кончают петь, уходят за сцену, а мы идем на сцену, а за нами по проходу идут не читающие пионеры, которые, пока мы читаем, стоят в проходе и отдают стахановцам пионерский салют.

— Ясно, — закричали мы.

— Пропретируем, — сказал седоватый и уселся за стол на сцене. А пионервожатые сели в зале. Седоватый кивнул, заиграла музыка, сцена запестрела красными знаменами, а проход заполнили ребята, запевшие песню из любимого моего кинофильма «Красный галстук»:

*Отцы о свободе и счастье мечтали,
За это сражались не раз.
В борьбе создавали и Ленин, и Сталин
Отечество наше для нас.*

Словом, все шло так, как и говорил седоватый. Текст про лентяя Егора читала какая-то девочка с двумя белыми бантами, вплетенными в косички. И сразу за ней выступил я. Действительно, мои слова были как взмах дирижерской палочки, потому что, когда я кончил, все, стоявшие на сцене, дружно прокричали про Трумена и Эттли.

А когда прозвучали последние слова литературного сценария и мы ушли со сцены, седоватый сказал, что для первого раза все было очень хорошо, и что теперь каждому нужно будет выучить свой текст наизусть и на следующую репетицию приходить без шпаргалки.

Все стали расходиться, и я сразу же нашел Тамару Макаровну, которая стояла у окна и о чем-то разговаривала с седоватым.

— Ты хорошо читал, — сказал мне седоватый, — но тебе не хватает писклявости.

— Он — поэт, — сказала Тамара Макаровна, — а все поэты не слишком хорошо читают стихи.

— Не в этом дело, — возразил седоватый. — Читает он как раз хорошо. Но тембр голоса не совсем тот. Писклявый здесь подошел бы больше. Ну да ничего, сойдет. А о чём ты пишешь стихи? — спросил он меня.

— Его стихи о товарище Сталине будут, по распоряжению Ильи Алексеевича, среди экспонатов нашего школьного музея подарков Иосифу Виссарионовичу, — ответила за меня Тамара Макаровна. — И в приветственную бригаду его тоже включил Илья Алексеевич. Между прочим, — Тамара Макаровна ожила, — он — не только поэт. Он так в политике разбирается! Спросите у него, к какой партии принадлежит Трумен или Эттли.

— Ну-ка, ну-ка, — засомневался седоватый, — Эттли — это какая партия?

- Эттли — лидер лейбористов.
- Правильно. А Трумен?
- Трумен — демократ.
- А еще какая партия есть в Америке?
- А еще республиканцы.
- А в Англии?
- Консерваторы.
- А кого из консерваторов ты знаешь?
- Черчилля.
- Верно. Он кто был?
- Премьер-министр Англии во время войны.
- А сейчас почему он не премьер-министр?

— Потому что на выборах победили лейбористы во главе с Эттли.

— Правильно. А кто во время войны был президентом Америки?

- Рузвельт.
- А кто его победил?
- Его никто не победил, он умер.
- И что же?

— И президентом стал Трумен, который при Рузвельте был вице-президентом. У них по конституции вице-президент — наследник президента, — пояснил я.

- Значит, Рузвельт — это какая партия?
- Та же, что и у Трумена, — демократы.
- Верно, — восхищенно сказал седоватый. — Здесь многие путаются.

Тамара Макаровна сияла.

— А скажи, — сказал мне седоватый, — ведь Рузвельт во время войны был нашим союзником. А Трумен стал нашим врагом. Как же так получилось — одна и та же партия?

— Трумен, — ответил я, — изменил союзническому долгу. Доктрина Трумена — это доктрина «холодной войны».

— Ну, а почему он выдвинул такую доктрину, ты не задумывался?

Я не задумывался. Я задумался сейчас, но ничего путного придумать не смог.

— Вот как я это понимаю, — сказал седоватый. — Во время войны американцы в нас нуждались. Боялись Гитлера, боялись японцев — вот и кинулись к нам за защитой. А теперь мы всех разбили, и им некого бояться. Вот они и сбросили с себя личины наших друзей. Ведь коммунистов они ненавидят людьми ненавистью.

— Да, — подтвердил я, — вон какой жестокий террор они развернули против собственных коммунистов.

— Они всех коммунистов ненавидят, — согласился седоватый. И вдруг сказал: — Молодец старик. Сквозь землю видит.

— Да, невероятно развитый для своих девяти лет мальчик, — согласилась Тамара Макаровна.

— Мальчик? — переспросил седоватый. — Да, мальчик очень развитый. Но Илья Алексеевич каков, а? Какое чутье! Такая огромная загруженность, такая большая школа, и разглядеть среди тысячи одного вот такого! Нет, что и говорить, и ворчим мы на него, и ругаем: груб, дескать, порой, властен, но это — педагог. Педагог с большой буквы!

ПЕДАГОГ С БОЛЬШОЙ БУКВЫ

А Илья Алексеевич в это время сидел в приемной ответственного работника Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства. Вернее, не сидел, а томился, потому что прошло уже полтора часа сверх назначенного времени, а его еще не приняли.

Время назначил сам ответственный работник Комитета — Арсений Арсеньевич Надеин, но вот — запаздывал, и главное — никто точно не знал, когда же он все-таки будет. По просьбе Ильи Алексеевича секретарша в приемной попробовала поискать Надеина, но в Союз писателей он не приезжал, а его городская квартира и переделкинская дача на телефонные звонки не отвечали.

Илья Алексеевичу давно бы надо было уйти: и коллегия министерства начнется с минуты на минуту, и в академию необходимо заехать, да как уйдешь: шутка ли — рассрдить Надеина!

Вздохнув, Илья Алексеевич попросил у секретарши разрешения воспользоваться телефоном, позвонил в министерство и объяснил начальнику главка сложившуюся ситуацию. Тот посочувствовал: надо бы, ох, как надо быть Илье Алексеевичу сегодня на коллегии, но ничего не поделаешь — причина сверхуважительная. И от этого сочувствия Илья Алексеевич расстроился еще больше: конечно, надо ему быть на коллегии — вопрос, который там будет обсуждаться, зависит лично его, Ильи Алексеевича: новые программы, опробованные в его экспериментально-базовой школе. Эти программы разработаны коллективом учителей под его личным руководством. Теперь встал вопрос об их внедрении в жизнь. Нет, Илья Алексеевич не сомневался в положительном решении этого вопроса — и начальник главка на его стороне, и замы министра. Но одно дело, когда положительно решают вопрос без тебя, и совсем другое, когда — в твоем присутствии. Тем более, что министр благоволил к Илье Алексеевичу, и он от этой коллегии многое ожидал и для себя лично.

Он посмотрел на часы: на два часа запаздывал Надеин — и еще раз попросил у секретарши разрешения воспользоваться телефоном. На этот раз Илья Алексеевич говорил отрывисто и властно, так что секретарша даже взглянула на него, удивившись такой перемене. Но удивлялась недолго

— отвлек резкий звонок другого телефонного аппарата.
Звонил Надеин, и она доложила ему, что его вот уже два часа ждет член Президиума Академии педагогических наук Илья Алексеевич Чайров, которому было назначено к часу.

— Пусть дождется, — жестко ответил Надеин и повесил трубку.

А Илья Алексеевич как раз в это время закончил говорить со своим завучем и смотрел на секретаршу с робкой надеждой: нет ли каких-нибудь новостей для него?

— Звонил Арсений Арсеньевич, — сказала секретарша.
— Просил вас дождаться его.

— А скоро он будет? — спросил Чайров.

— Этого он не сказал, — ответила секретарша. — Но мне кажется, что вы вполне успеете перекусить чего-нибудь в нашем буфете. Вы же не обедали?

И правда, Илья Алексеевич и сам чувствовал, что голоден. Но известие о том, что Надеина не будет еще порядочно времени, его нисколько не обрадовало. Впрочем, он поблагодарил любезную секретаршу и — не голодать же действительно! — отправился в буфет. Там он набрал себе бутербродов с ветчиной, осетровым боком и красной икрой, взял под них сто граммов коньяку и бутылку «боржоми» и не торопясь все это сжевал и выпил. А когда снова появился в приемной, узнал, что Надеин как раз только что приехал и сейчас разговаривает по телефону (секретарша кивнула на красную лампочку, горящую перед дверью ответственного работника Комитета), поэтому надо немножко подождать. Но лампочка сразу же погасла, и секретарша нырнула в кабинет Надеина и немедленно вынырнула, улыбнувшись Илье Алексеевичу и приглашая его войти.

— Давно ждете? — поинтересовался Надеин и, не дожидаясь ответа, небрежно проговорил: — Я должен бы извиниться перед вами — дела.

Это было неправдой. Надеин только недавно встал и приехал с дачи, наспех похмелившись и слегка перекусив на дорогу. Сейчас ему хотелось выпить, и он был злой от этого, и рад, что злой, потому что с Чайровым миндалевидать не собирался.

— И еще, — сказал Надеин, — прошу прощения, что пришлось пригласить вас сюда. Я бы с удовольствием пришел к вам в школу, но — поверите? — ни минуты свободной.

Словно подтверждая последнее, требовательно зазвонил телефон, и Надеин сразу же схватил трубку. Говорил он почтительно и недолго. Закончив, посмотрел на Илью Алексеевича непрятворно расстроено.

— Ну вот и извольте заниматься воспитанием сына, — сказал он. — Надо ехать принимать Хьюлетта Джонсона. Эренбург с Корнейчуком, видите ли, без меня этого сделять не смогут.

Илья Алексеевич с готовностью встрепенулся в кресле.

— Вам сейчас надо ехать? — спросил он.

— Сразу после разговора с вами, который, к моему великому сожалению, поэтому будет недолгим.

Надеин поднялся и, очевидно, безотчетно подражая Хозяину, стал неторопливо прохаживаться перед сидящим в кресле Чайровым.

— Я бы вам, наверное, и не позвонил, если бы не жена. Это она сказала, что кого-нибудь из нас хотят видеть в школе. Но ей, сами понимаете, выкроить время еще сложнее, чем мне.

Он остановился, тяжело посмотрел на Илью Алексеевича и глухо спросил:

— Что наш мальчик? Очень плохо, да?

— Ну, что касается успеваемости вашего сына, — начал Илья Алексеевич, но Надеин его перебил:

— Знаю. Видел табель. Вы что, хотели говорить со мной или с женой о его успеваемости?

— Да в том-то и штука, Арсений Арсеньевич, — развел руками Чайров, — что я вовсе не выражал желания говорить о вашем сыне с вами или с вашей женой. Очевидно, с кем-нибудь из вас хотела бы встретиться классный руководитель седьмого «Б». Она у них только начала работать.

— Значит, ничего серьезного? — спросил Надеин.

— Ну, уж если зашел у нас об этом разговор, то, не скрою, основания для некоторого беспокойства есть. Поведение вашего сына вызывает, как бы это поточнее выразиться, недоумение. Мотивы иных его поступков загадочны.

— Например? — хмуро спросил Надеин.

— Ну вот недавно. Он и еще двое его товарищей жестоко избили пятиклассника. Спрашивается, за что? К тому же потерпевший — щуплый маленький мальчик, которого ваш сын и без всяких товарищ легко одолеет.

— Ну и за что они его? — еще более угрюмо спросил Надеин.

Илья Алексеевич пожал плечами.

— Классному руководителю они сказали: «Он нам не нравится. Пусть не ходит в нашу школу».

— Но почему?

— Этого никто не знает, Арсений Арсеньевич. Впрочем, классный руководитель подозревает, что они были мальчики в состоянии, — Илья Алексеевич с опаской взглянул на Надеина, — некоторого алкогольного опьянения.

— Что? — взревел Надеин. — Что значит «подозревает»? Вы понимаете, что говорите?

— Понимаю, Арсений Арсеньевич, и понимаю ваше возмущение. Но, увы. Уборщица застала их в классе, когда они после уроков распивали вино.

— Что именно они пили?

— Этого я не могу вам сказать, не знаю.

— Вы не знаете? — клокоча от ярости, заговорил Надеин.

— Вы не знаете, что существует большая разница между тем, что пить — легкое вино или водку?

— Но ведь в седьмом классе, Арсений Арсеньевич!

— Это, конечно, безобразие. Но ответственность за него в первую очередь ложится на вас. Да-да! Мы с женой во как загружены, — Надеин полоснул ладонью по горлу, — и выправлять искривы вашего воспитания у нас нет времени. Ведь это же надо! — голос Надеина как бы задул. — Полндня ребенок в школе. Целых полдня! Да за это время каторжника перековать можно. Пьет вино, дерется. Значит, скучно в школе, вот и пьет!

Теперь Надеин больше не расхаживал по кабинету. Он стоял перед Ильей Алексеевичем и сверлил его тяжелым, откровенно нелюбезным взглядом.

— Честно говоря, Илья Алексеевич, в свое время мы с женой были убеждены, что отдаем сына в образцовую школу, где педагогический коллектив во главе с опытным директором творит свою педагогическую поэму. Во всяком случае, нам тогда о вас отзывались именно так. Но вот прошло уже два года...

— Но, Арсений Арсеньевич, — попытался оправдаться Чайров.

— Минуточку! — загремел Надеин. — Прошло уже два года, и я все больше убеждаюсь, что ваши педагоги — одинарные и беспомощные люди...

— Арсений Арсеньевич...

— Минуточку! Пьет вино! Значит, не могут занять, заинтересовать. Не соответствуют своей квалификации! Вот так образцовая школа!..

— Арсений Арсеньевич! Я обещаю взять вашего сына

под личное наблюдение. Сделаю все, чтобы восстановить в ваших глазах репутацию наших педагогов, — от нервного напряжения у Ильи Алексеевича задергалась толстая щека. Он промокнул платком испарину на лбу.

«Не хочешь — не делай! — вдруг снова зазвучал в ушах у Надеина голос Хозяина. — Мы никого не заставляем. Зачем укорачивать себе жизнь!» Надеин даже головой мотнул, чтобы отогнать наваждение.

Он сел за стол и уже набрал было воздуху, чтобы ответить Чайрову, но в это время затрещал один из стоявших на столе телефонов. Самый крайний, до которого сидя было неудобно дотягиваться. Надеин вскочил.

— Простите, — сказал он тихо, одними губами, — но я попрошу вас выйти. До свидания.

ДРУГ ДО ГРОБА

Но паниковал Надеин зря. Товарищ Сталин был настроен весьма миролюбиво. Ему долго не спалось, и, чтобы скоротать время, он стал читать новый роман Бабаевского. Неплохо, неплохо. Конечно, это не Лев Толстой. Но деревенская социалистическая новь выписана Бабаевским ярко и убедительно. В такой деревне хочется жить и работать.

Это и сказал товарищ Сталин Надеину как ответственному работнику Комитета по Сталинским премиям. Нет, товарищ Сталин не собирался навязывать своего мнения ни Надеину, ни другим членам Комитета. Он здесь — всего лишь рядовой читатель. И не ему решать, достоин ли Бабаевский Сталинской премии.

Он положил телефонную трубку и, чтобы размять ноги, немного прогулялся по саду. Недавно еще шел дождь — это было видно по свежим подтекам на траве, да на листьях кое-где еще свисали последние капли. Но асфальтовая дорожка, по которой он шел, была совсем сухая благодаря солнышку, неяркому и нежаркому, время от времени ныряющему и выныривающему из облаков.

Вот такой же погожий сентябрьский день был тогда, когда он ждал к себе Георгия. Правда, гулял он не по саду, а по кремлевскому двору, но так же светило солнышко и так же набухали на листьях капли прошедшего перед этим дождя. Он прогулялся по двору, а потом пришел Георгий, и они сидели с ним всю ночь. Последнюю ночь, которую они провели вместе за накрытым столом.

Он вошел в дом и повернул ручку приемника. Зажегся зеленый глазок, который через секунду завертелся волчком, начал сжиматься, пока не стал кинжално вытянутым, острым треугольничком. И полилась музыка. Хороший приемник. Подарок Риббентропа, когда тот приезжал в Москву подписывать договор о дружбе и ненападении. Друзья! Он саркастически усмехнулся, вспомнив, как предлагал Гитлер укрепить их дружбу, — звал присоединиться к государствам тройственной оси. А ведь и правда: чуть было не присоединились! Хороши бы мы были! Впрочем, разве угадаешь, где найдешь, а где потеряешь? Нет, все хорошо, что хорошо кончается. А кончилось совсем неплохо. Таких границ, как теперь, не имела Россия ни при Грозном, ни при Петрухе, ни при Катье.

«Русская народная песня, — объявил приемник, — «Летят утки». Одна из тех песен, которые пел ему Георгий в их последнюю ночь. Пел, подыгрывая себе на балалайке, отданной перламутром, которую он, Сталин, тогда же и подарил своему другу.

Эту балалайку хорошо запомнила наша соседка, Полина Егоровна, которая сейчас стояла у своего стола в кухне, чистила овощи и прислушивалась к моему рассказу маме о том, как мы репетировали в клубе Совета Министров.

— Это где же? — вдруг заинтересовалась она и, получив от меня подробнейшее топографическое разъяснение, удовлетворенно кивнула: — Я так и думала. Раньше этот дом назывался: дом правительства. Там Георгий Витальевич жил.

— Георгий Витальевич? — переспросил я. — Он что, был членом правительства?

— Полина Егоровна, — укоризненно сказала мать, — ведь этот дом, наверное, примечателен не только тем, что там жил враг народа.

А Полина Егоровна чистила овощи и вспоминала балалайку, которая поразила ее, домработницу Георгия Витальевича, сверкающей перламутровой отделкой. С этой балалайкой Георгий Витальевич пришел на рассвете, и привыкшие к тому, что он возвращается домой обычно именно в такое время, они с его женой все-таки выскочили в коридор на звук отпираемой двери.

Георгий Витальевич был бледен, и это значило, что он выпил больше положенного ему врачами.

— Вот, Аня, — он протянул балалайку жене. — Подарок.

— Кому? — жена поджала губы. Она не любила, когда Георгий Витальевич выпивал.

— Кому? — усмехнулся он. — Мне, разумеется. Ты бы лучше спросила от кого.

— От кого?

— От Иосифа, который передает тебе самый нежный привет.

— Так ты с ним пил? — смягчилась жена.

— Всю ночь, — мотнул головой Георгий Витальевич.

Потом они с женой прошли на кухню, а Полина Егоровна ушла в детскую на свой диванчик досматривать прерванный сон. Но долго не могла уснуть. Вороилась, слышала доносившиеся из кухни приглушенные голоса, но о чем там говорили, разобрать было невозможно. Наверное, Георгий Витальевич рассказывал Анне Львовне об этом Иосифе, с которым он пил всю ночь и который ему подарил шикарную балалайку. Наконец, послышались шаги — хозяева отправлялись в свою комнату. И Полина Егоровна явственно услышала голос Георгия Витальевича: «Тяжело мне, Аня. Как вспомню, как он смотрел на меня, когда прощались». — «Ты просто перепил», — сказала жена. И еще что-то сказала. Но что именно — Полина Егоровна не разобрала: хозяева вошли к себе в комнату, и о чем они там говорили, опять невозможно было разобрать. Так, под их говор, Полина Егоровна и задремала. И сразу (как потом оказалось — не сразу, а через час) проснулась от властного стука в дверь. Это пришли за Георгием Витальевичем. На календаре в это время было 30 сентября 1938 года. А на часах — пятнадцать минут шестого утра.

Быть ночь Георгий пел не только «Летят утки». Они встретились, как давно уже не встречались, — вдвоем и никого кроме них. И не на кунцевской даче, а в кремлевской квартире, где был накрыт стол и отослана прислуга. Выпито было много, причем хозяин пил наравне с гостем. И не только любимое свое грузинское вино, но и водку, которую, как со смехом напомнил он Георгию, они немало попили вместе еще до Октябрьской революции. Давно уже им не было так хорошо друг с другом, когда с полусловами, с полужеста один угадывал душевное движение другого, когда фразы, которыми они обменивались, пусть даже самые незначительные, были для обоих полны значения и дружеской приязни. Они были счастливы, что в конце концов и выразил хозяин, от полноты чувств схвативший гости за ухо и проговоривший знаменитую шутливую детскую присказку: «Мы с тобой друзья до гроба. За одно или за оба?» На что гость, захлебываясь от смеха, отвечал: «Мы друзья, друзья, друзья, но за ухи рвать нельзя!»

Вот тогда-то и сказал хозяин гостю:

— А помнишь, Георгий, как ты пел и играл на балалайке?

— А ты помнишь это, Иосиф? — счастливо спросил гость.

— Знаешь, — сказал хозяин, — сыграй мне на балалайке.

— Но у меня нет с собой балалайки, — отвечал гость.

— Ну, этому горю помочь не трудно, — сказал хозяин. Он встал из-за стола, вошел в соседнюю комнату и сейчас же вышел оттуда, держа в руках балалайку, инкрустированную голубовато-серебряным перламутром. Впрочем, это только на отдалении — голубовато-серебряный, потому что вблизи, под электричеством, перламутр разлился, ударили в глаза цветовой радугой.

— Возьми, — протянул хозяин балалайку гостю. — Играй.

— Что тебе сыграть, Иосиф? — спросил гость, пробуя струны и настраивая инструмент.

— Сыграй мне, Георгий, народные песни. Наши и ваши — русские и грузинские, как помнишь, тогда, в Туруханске?

Гость заиграл и запел, и хозяин, послушав немного, стал подтягивать, и вот они уже дуэтом, не перебивая друг друга и не забегая вперед друг перед другом, запели старинные песни, которые так любил хозяин и от которых слезы навернулись у него на глазах.

Так и сидели они всю ночь — два немолодых уже человека, наслаждаясь общением друг с другом. Они пели и пили, пили и пели, и слезы, чистые и счастливые, текли по рябым щекам и рыжеватым усам одного из них, и он не смахивал их и не стыдился их.

И уже расставаясь с другом, обнимая, целуя его и заглядывая ему в глаза, он сказал: «Знаешь что, возьми, дарю тебе балалайку». И махнул рукой в знак того, что это — вопрос решенный и обсуждению не подлежит.

И гость, взяв балалайку, прижал друга к груди. И, оторвавшись, заглянул ему в глаза и чуть не отшатнулся: не элегическую грусть, как минуту назад, излучали они, а безысходную тоску.

— До свидания, Иосиф, — тихо сказал гость, открывая наружную дверь.

— Иди, Георгий, — ответил хозяин, повернулся к гостю сутулой спиной и прошел назад в глубь квартиры.

Верил ли он в измену Георгия? Трудно сказать. Как трудно сказать, верил ли он вообще в чью-либо измену. Ведь измена — от слова «изменить», «измениться». А это значит, что поначалу он должен был поверить человеку, что тот именно такой и есть, и только потом увидеть, что он — не тот, что он изменился или изменил. А вот этой, первоначальной веры человеку в нем никогда не было.

Итак, верил ли он в измену Георгия? Этот вопрос лучше задать по-другому: верил ли он Георгию? Нет, не верил, как не верил никому и никогда.

Поначалу он равнодушно выслушивал доклады Ежова о ходе следствия, заранее уверенный: расколется Георгий или его расколют. Но неожиданное упорство, с каким тот отрицал свою вину и ничего не подписывал, его заинтересовало. Он даже — чего до этого никогда не делал — поинтересовался, какие именно методы воздействия на подследственного применяют работники органов в данном случае. И так как Ежов стал мяться и мялить, строго сказал, что имеет в виду физические методы воздействия, которые, как он полагает, применяют в исключительных случаях, но ведь и этот случай — исключительный, не так ли? И тогда воспрянувший духом Николай Иванович ознакомил Иосифа Виссарионовича с подвесным блоком, через который подтягивается к потолку на веревке за связанные руки подследственный, со стальным обручем для сдавливания головы и с резиновым шлангом, который

хорош тем, что отбивает почки и не оставляет никаких наружных следов.

— И он все равно не подписывает? — спросил Stalin, втайне гордясь своим другом.

— Пока нет, — глухо ответил Ежов, — но подпишет. Лицо им займусь.

И тут он опять сделал то, чего не делал никогда: пожелал лично присутствовать на допросе Ежовым Георгия. Разумеется, на допросе с применением методов физического воздействия. И так, чтобы его, сталинское, присутствие было тайной для всех, в том числе и для подследственного.

Что, конечно, и было исполнено. В лефортовском подвале отгородили небольшой закуток кованой дверью с маленьким незаметным и очень удобным окошечком. В окошечко можно было наблюдать, расположившись в мягким кожаном кресле, которое вместе с небольшим красного дерева столиком поставили в закутке. Столик уставили бутылками с минеральной и любимым грузинским вином, фруктами и жареными цыплятами. Изловчились поставить туда и хрустальную пепельницу, зная пристрастие вождя к трубке.

Но все было напрасно, кроме, пожалуй, пепельницы. Он не пил и не ел, он посасывал трубку и, не отрываясь, следил за Ежовым, который хорошо знал свое дело и хорошо исполнял свою обязанности. «Как профессиональный палач!» — отметил про себя Stalin. «Скажешь, — спокойно говорил Ежов, — подпишешь». Георгий стонал, мычал, иногда страшно, душераздирающе кричал, но ни в чем не признавался и ничего не подписывал. «Какой стойкий, — думал про себя Stalin. — Молодец. Что значит наша закалка, туруханская!» Он нажал кнопку и тотчас же на столе у Ежова загорелась небольшая сигнальная лампочка. Николай Иванович прекратил дознание и отправился в закуток.

— Между другими вопросами спросите у него, как он относится к Сталину, — тихо сказал Stalin, не повернувшись к Ежову и продолжая смотреть на Георгия. — Как после всего, что пришлось ему испытать, он относится к Сталину.

Ежов бесшумно исчез. Появился с той стороны окошечка и продолжил дело, которое исполнял с таким тщанием. И опять стонал и мычал Георгий, и опять он страшно кричал. А когда задал ему Ежов нужный вопрос, ответил: «Сталин — это совесть и знамя революции!»

Дальше Stalin смотреть не стал. Он не приказывал Ежову умертвить Георгия, но напомнил ему замечательный афоризм: «Если враг не сдается, его уничтожают!» «И если не признается — тоже!» — добавил он. Спокойно принял он известие о смерти Георгия в лефортовском подвале и на какое-то время даже забыл о нем. Но, вспомнив, уже не забывал больше никогда, потому что вновь ожившая в нем картина допроса в Лефортовской тюрьме сделала свое дело: впервые в жизни он поверил человеку. Не живому, правда, а мертвому. Но это не имело значения. Отныне навсегда впустил Георгия в свое сердце, сделал своим единственным другом. Он убрал его палача Ежова и ничего не предпринимал, не посоветовавшись мысленно с Георгием. Как и сейчас, когда перед ним лежала бумага и стоял секретарь, ожидавший резолюции.

А Надеин в это время вместе с Корнейчуком и Эренбургом принимал Хьюлетта Джонсона, английского священника, известного сторонника мира, и рассказывал ему о веротерпимости Советской власти.

Илья Алексеевич так и не попал на коллегию министерства, которая, впрочем, вынесла весьма благоприят-

ное для него постановление. Об этом Илье Алексеевичу сказали в Академии наук, куда он заехал в скверном настроении, а уехал в сном.

А я сидел за столом и сочинял новые стихи. Первую строчку я придумал еще по пути из клуба Совета Министров домой: «Поехал Эттили к Трумену». Дальше стихи не шли. Но мне очень хотелось их написать. Я сидел и изо всех сил напрягал воображение.

ЭПИЛОГ

Иосиф Виссарионович Сталин умер в 1953 году. Арсений Арсеньевич Надеин покончил жизнь самоубийством в середине пятидесятых.

Илья Алексеевич Чайров умер в самом конце семидесятых годов, а школа, которую он возглавлял, кажется, стала интернатом, куда детей отдают на неделю и только на воскресенье забирают домой. Впрочем, читатель может выяснить это и сам, если проедет от бывшего метро «Калужская», теперь — «Октябрьская», две трамвайные остановки по Шаболовке или лучше — пройдет пешком до Шуховской телебашни, свернет налево и пойдет по улице Шухова, которая в описываемое мной время называлась Сиротским переулком, и снова свернет налево на первом же перекрестке. Я не знаю, как теперь называется это место, а тогда это была Дровянная площадь. Трехэтажное здание с небольшим стадионом, за которым тянется так называемый ботанический участок — гибрид парка с фруктовым садом, и есть наша бывшая 545-я мужская средняя школа. О судьбе ее педагога Нины Павловны Роговой, старшей пионервожатой Тамары Макаровны и завуча — ближайшего помощника Ильи Алексеевича мне ничего не известно.

Тем более — о судьбе седоватого, так восхищавшегося Ильей Алексеевичем в клубе Совета Министров. Этого я даже по имени не знаю, не то, что с ним стало.

Чуть не забыл: идея Ильи Алексеевича собрать в одном классе трудновоспитуемых двоечников была осуществлена в 1951 году. Но тогда же, увы, ее пришлось признать неплодотворной, после того как организованные трудновоспитуемые подожгли парту и стреляли из рогаток в учителей и учительниц. Причем стреляли из-под парт, в результате чего из-за ранения в мошенку надолго выбыли из строя наш лучший математик Исаак Львович Агранович.

Анна Львовна, жена Георгия Витальевича, освобожденная по личному распоряжению Сталина из лагеря в 1939 году, прожила потом всего полгода. Трудно сказать, что явилось причиной смерти: лагерь или отсутствие каких-либо известий о муже и о детях.

Полина Егоровна умерла в 1959 году.

Так что выходит, что из всех героев этой истории, судь-

бы которых мне известны, в живых остался только я, который заканчивает свое повествование, лежа на животе на надувном матрасе в палатке, укрытый спальным мешком. Палатка стоит в Астраханской области на левом берегу Волги, на обширном острове с великолепным песчаным берегом.

Если представить мое тело в виде стрелки компаса, то голова моя указывает на болотистый затон, где много линей, лещей и красноперок, где суetливо, быстро-быстро маша по воздуху широкими белыми с черными каемками крыльями, летают, а потом садятся и вразвалочку ходят по береговой кромке, время от времени погружая головы в воду, красновато-бронзовые огари — странные птицы, похожие на уток, но кричащие по-гусиному: дикие утко-гуси, — и где над водой мягко планируют белые и серые цапли и большие хищные орланы. А мои ноги перпендикулярны Волге. Она у нас — как большая дорога: любое тарахтение мотора привлекает внимание, любая лодка с любопытством рассматривается в бинокль.

Справа от меня сейчас мычат коровы, которые огромными стадами кочуют с острова на остров, слева в яме в полиэтиленовом мешке солится рыба и висят на двух гвоздях, вбитых в дерево, транзистор, который известяет, что сегодня — суббота 19 июля 1980 года — день открытия Олимпийских игр в Москве и годовщина революции в Никарагуа. Революция в Никарагуа — важное, конечно, событие, но сегодня — не главное. «Добро пожаловать в Москву, Олимпиада! — гремит транзистор. — Добро пожаловать в красавицу Москву». И — сразу за песней — «Для участия в церемонии открытия двадцать вторых Олимпийских игр в Москву из Крыма возвратился Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Леонид Ильич Брежнев», «полным провалом закончились попытки администрации Президента США Картера навязать спортсменам других стран бойкот летних Олимпийских игр в Москве».

Я выхожу из палатки, дважды щелкаю переключителем диапазонов радиоволн, настраиваю транзистор на волну «Голоса Америки» и слышу, что шестьдесят стран присоединились к бойкоту московских Олимпийских игр, объявленному Президентом Картером в знак протеста против советского вооруженного вторжения в Афганистан.

Что ж. Мне сорок лет, и я давно уже не удивляюсь столь противоречивой информации. Я знаю, что это называется невозможностью мирного сосуществования двух разных идеологий. Ну, а раз невозможность, то о чем тогда разговор? Стоит ли останавливаться на этом свое и ваше внимание? Ведь плетьью обуха все равно не перешлибешь?

Москва—Ялта—Левый берег Волги.
Май-июль 1980

«Справочная Москва» предлагает:
рекламу в прессе, изготовление
плакатов, листовок, визиток, газет
и другой печатной продукции.
Приглашаем на работу
рекламных агентов
и продавцов газет.
М. «Маяковская»,
«Третьяковская»,
тел. 251-79-53, 433-30-73,
371-10-27.

СПРАВОЧНАЯ
Москва

Владимир ЛИПУНОВ

на
когнитиве
пере

Считается аксиомой, что доказательство бытия Бога не существует, имеются лишь аргументы в пользу Его существования. Профессор Владимир Липунов, астрофизик, со своим званием научным подходом, доказательно утверждает (так на кончике пера был открыт Нептун), что Бога в нашем реальном мире просто не может не быть — в силу устройства этого нашего с вами реального мира. Редакция видит определенную сложность текста и не претендует на его приоритет, но и рассчитывает на определенный круг читателей, которые, возможно, пожелают высказаться по поводу мыслей профессора Липунова на наших страницах.

Отсутствие следов внеземной жизни («Космических Чудес»), быстрое, по астрономическим масштабам, развитие нашей цивилизации находится в вопиющем противоречии с «материалистическим здравым смыслом» и должны рассматриваться как самое настоящее Космическое Чудо.

Здесь я попытаюсь говорить о важнейшей проблеме современного естествознания, проблеме, несомненно не менее важной, чем открытие Черных Дыр, создание Теории Великого Объединения (ТВО) или создание Искусственного Интеллекта. Более того, на мой взгляд, она не только глубже и сложнее, но и несравненно актуальнее. Действительно: если под актуальностью понимать наличие некоего необъяснимого явления, противоречащего существующим научным взглядам, то решение перечисленных выше сверхмодных (без всякой иронии) проблем в настоящий момент не обусловлено (и, судя по всему, в

обозримом будущем не будут вызваны) жесткой экспериментальной необходимости. Сейчас, по крайней мере в физике (от физики низких температур до астрофизики), нет ни одного экспериментального факта, требующего создания Теории Великого Объединения. Нет своего опыта, аналогичного опыту Майклсона-Морли, потребовавшего нового представления о пространстве и времени. Более того, такой эксперимент не скоро появится (в частности, для проверки ТВО необходимы ускорители с энергией 10^{27} электрон-вольт, которые вряд ли появятся в следующем веке). Единственным экспериментальным материалом остается наша Вселенная, с чем, собственно говоря, и связано появление (в огромной степени благодаря усилиям Я.Б. Зельдовича и его школы) новой отрасли физики — Космомикрофизики. Но здесь мы впервые за всю историю естествознания сталкиваемся с невоспроизводимым экспериментом. Вселенные мы имеем в количестве одна штука. Тем не менее на эти работы во всем мире выделяются огромные (относительно) государственные и частные деньги. Выделяются и, слава богу, пусть выделяются и пусть побольше. Прошу читателя понять меня правильно и не рассматривать эту статью как попытку способствовать привлечению куда-либо или отвлечению от чего-либо каких-нибудь, хоть малых, средств. Я просто пытаюсь рассуждать о самом важном, а самое важное — это то, что наиболее интересно, и, заметьте, как правило, самые важные в науке открытия делались во внерабочее время в патентных бюро или между расчетами объема винных бочек или урожайности пшеницы.

Итак, я хочу сказать, что в современном естествознании есть совершенно непонятный и парадоксальный экспериментальный факт, находящийся в вопиющем противоречии со всеми современными ортодоксальными представлениями о мире, — это факт отсутствия Сверхцивилизаций или факт «Молчания Вселенной». Факт, открытый и понятый, конечно, не сейчас. Особенно остро он был осмыслен в посмертной статье И. С. Шкловского 1985 года, которая оказалась практически гласом вопиющего в пустыне (кажется, она до сих пор совершенно неизвестна на Западе). Вообще, сам интерес Шкловского к проблеме внеземного разума и особенно эволюция его взглядов на эту проблему (от оптимистического поиска «иголки в стоге сена» к задаче о «шиле в мешке») весьма поучительны. Но поучительно и то, как молчаливо научная общественность (тоже странный парадокс: «Молчание Научной Общественности») проигнорировала изложенные там идеи. И это в те времена, когда его статья шла со страшным скрипом и фактически появилась только благодаря смертельной болезни автора и когда был так велик интерес ко всему запрещенному или полузапрещенному.

ПАРАДОКС ФЕРМИ

На меня огромное впечатление произвела статья восемидесят пятого года, написанная, как всегда, ясным, осмотрительным языком. В ней, с присущим ему популяризаторским талантом, Шкловский наконец сформулировал мучившую его всю жизнь проблему Внеземного Разума. Но самое удивительное, что, пройдя путь от раннего романтизма шестидесятых (искусственное происхождение Фобоса и Деймоса) через более реалистическую концепцию единственности жизни во Вселенной (отсутствие космических чудес), на которой западная мысль стоит по сей день, он пришел к заключению, которое могло быть получено еще до начала космической эры и программ поиска внеземных цивилизаций!

В сущности, все сводится к так называемому парадоксу Ферми, сформулированному в пятидесятые годы, который на современном языке выглядит так — мы имеем два наблюдательных или, если угодно, экспериментальных факта: а) возраст Вселенной (T) примерно равен 10 миллиардам лет, б) характерное время экспоненциального развития нашей цивилизации (t) исчисляется всего лишь десятками лет. (Для простоты примем безусловно завышенную величину 100 лет.) По формуле $K = \exp(T/t)$ возникает ги-

гантское безразмерное число, характеризующее рост технологической цивилизации за время существования Вселенной: десятка с 43 миллионами нулей. С такими большими безразмерными числами теоретическая физика никогда не сталкивалась. Например, полное число элементарных частиц во Вселенной выглядит просто смехотворно малым — всего лишь десятка с восемьдевятым нулеми. Не говоря уже ничего более, такое число должно насторожить любого здравомыслящего теоретика (на своем опыте общения знаю, что на самом деле это далеко не так — видно, теоретики теряют свое здравомыслие за определенной чертой). Американский физик, нобелевский лауреат Энрико Ферми просто воскликнул: «Если есть где-либо цивилизации, то их космические корабли давно уже в Солнечной системе» (за дословность цитаты не ручаюсь). Конечно, ведь это число настолько велико, что всякие неизвестные промежуточные коэффициенты не могут быть важны. Например, можно утверждать, что вероятность отсутствия «космических чудес» в нашей Вселенной просто равна нулю! Мир без «космических чудес» — НЕВЕРОЯТЕН по определению. Тем не менее, их никто не обнаружил даже после 20 лет поиска — наоборот, обнаружилось Великое Молчание Вселенной. Мир без чудес невероятен, но он существует — вот в чем парадокс.

ОТ ИОСИФА ШКЛОВСКОГО К ДЖОРДАНО БРУНО И ОБРАТНО

Как разрешить парадокс Ферми в рамках современного научного подхода? В середине семидесятых годов Шкловский сформулировал концепцию «Космического Чуда» как результат единства Сверхцивилизаций и предложил идею единственности нашей цивилизации во всей огромной Вселенной. Раз нет «космических чудес» и «Вселенная молчит», то, значит, и нет никакого внешнего Разума. Страшная это была мысль, в особенности для человека, искавшего искусственные корни внутри спутников Марса. Но и для человечества все обстояло не лучше. Рухнула одна из самых оптимистических человеческих идей о множественности миров. Как сказал однажды в другой связи Я. Б. Зельдович: «За что сгорел Джордано Бруно?».

Но так ли уж естественна гипотеза единственности Земной Цивилизации? Да нет, конечно. Эта гипотеза сама находится в вопиющем противоречии с наблюдаемой однородностью и изотропией Вселенной, установленной благодаря открытию реликтового излучения. Представляется очень мало вероятным возникновение лица одной цивилизации в однородной и изотропной в целом Вселенной, в ничем не примечательной галактике вблизи обычной желтой звезды. В нашей галактике таких звезд миллиарды. А самих галактик еще больше. Конечно, вероятность эта все-таки не столь мала и не идет ни в какое сравнение с парадоксом Ферми, и, конечно, встает вопрос о количестве планетных систем и вслыхивает формула Дрейка. Но все-таки гипотеза единственности опять возвращает нас на антропоцентристическую точку зрения, от которой физика всегда старается быть подальше. Кроме того, как мы увидим дальше, в свете парадокса Циolkовского, эта идея и сопутствующие ей расчеты вероятности возникновения жизни по-прежнему теряют актуальность.

Вот и сам Шкловский в последней своей статье отказывается от идеи уникальности и выдвигает еще более неутешительную гипотезу «тупиковой ветви». Глядя на приведенную выше формулу, замечаясь, что единственная возможность как-то избавиться от этого гигантского числа — это предположить, что продолжительность технологической стадии развития цивилизации много меньше времени жизни Вселенной. Другими словами, Гигантское Молчание Вселенной можно объяснить, предположив, что технологические сверхцивилизации попросту не возникают. Почему? Возможны два ответа: из-за потери интереса к технологическому развитию или гибели. Шкловский выбирает, и, замечу, не без оснований (пока не видно и конца технологическому развитию) второй вариант. Ведь известно, как пишет Шкловский, что наша Земля является в

двойник Извиняющийся
В оформлении использовано

сущности кладбищем видов: по оценкам биологов с начала возникновения жизни на Земле произволюционировало около одного миллиарда видов, а сейчас их всего два миллиона. Не является ли и разум некоторой гипертрофированной (как масса тела у динозавров) функцией, ведущей к неизбежной гибели? Таким образом, разум — это всего лишь неудачное изобретение природы, туниковая ветвь? Какова же конкретная причина гибели? Атомная война, экологическая катастрофа? Вряд ли. Ясно, что при всем возможном многообразии «местных» условий и специфик, гибель разных цивилизаций должна происходить по одной универсальной причине. По какой? Универсальная причина гибели Разума во Вселенной может быть связана с потерей его основной функции — функции познания.

ПРОСТАЯ ВСЕЛЕННАЯ

Скажем так: мир устроен просто, ибо таким его создал Бог. Зачем Ему создавать сложное, если можно создать простое? Более того: что есть разум, разумная жизнь? В чем цель ее появления среди неживой и живой природы? Нет смысла вдаваться в подробное обсуждение этих вопросов. Достаточно ограничиться следующим простым тезисом: разумная жизнь характеризуется стремлением понять и объяснить происходящие вокруг явления. Важно, что возникающие при этом интерес и любопытство весьма неустойчивы. Интерес к понятому явлению пропадает практически мгновенно. Открыв какой-либо закон природы, мы начинаем искать новые явления, не подчиняющиеся ему. Никакие самые «интересные практические приложения» старых законов не могут заменить поиска новых. Все возможные частные случаи, новые оригинальные подходы, как бы они ни были заманчивы, — все это бледная тень настоящего процесса познания. Разум чахнет без принципиально новых, необъясенных явлений.

Погибнуть можно и от простейшей атомной бомбы. Но все это — детские игрушки по сравнению с тем, что могла бы придумать суперцивилизация, опережающая нас лет на двести. Уже сейчас, в рамках открытых нами законов природы, можно представить столь мощное оружие, последствия применения которого носили бы галактические масштабы. Такая братоубийственная война вполне сошла бы за космическое чудо. А чудес нет!

Силы, препятствующие развитию разума, должны иметь

совсем иную природу. И они, конечно же, должны носить универсальный, не зависящий от конкретных условий, характер.

Прежде чем переходить к описанию возможной причины, приводящей к гибели разума (естественной гибели разума), подумаем над следующей проблемой: почему человеку за кратчайшие (по космологическим масштабам) сроки удалось понять законы природы, которым подчиняется вся наблюдаемая часть Вселенной? Каких-то двух-трех тысяч лет оказалось достаточно, чтобы дойти до квантовой механики и общей теории относительности. Каким образом человек, чей повседневный опыт ограничивается базальными масштабами, измеряемыми футами и метрами, и скоростями, в десятки миллионов раз меньшими скорости света, и ничтожно слабым полем тяготения, — каким образом это слабое существо (не выходя из дома) про никло в гигантские просторы Вселенной и вглубь бесконечно малых элементарных частиц?

Античные философы описывали процесс познания так. Представим себе бесконечную плоскость. Кружочек на плоскости — это часть познанного нами. В процессе познания круг увеличивается, поглощая предыдущее знание, но растет и граница с непознанным. Познание рождает все новые и новые вопросы. Процесс бесконечен.

Точка зрения эта стара как мир. Но не является ли она слишком примитивным обобщением нашего мимолетного опыта? Неужели бесконечно сложный объект так прост? Скорее нет, чем да. Ведь «сложность» — в первую очередь характеристика качественная, а не количественная. Бесконечно сложный объект должен состоять из бесконечно сложных, качественно различных частей и не обязательно совместимых. Мир, а точнее, система знаний о мире — это не матрешка. Познав часть такого непростого объекта, мы не можем быть уверены в том, что наши знания впишутся в последующую систему знаний подобно тому, как маленькая матрешка входит в большую. Скорее всего, познание должно быть сильно нелинейным процессом. Экстремальным (но вовсе не частным) случаем могла бы быть столь сильная нелинейность, что познание какой-либо части вообще невозможно без знания полной картины. Другими словами, бесконечно сложный объект непознаваем в принципе. Разум не мог бы возникнуть в бесконечно сложной Вселенной!

Высказанный выше негативный тезис о несоответствии последовательно познаваемых частей находится в вопиющем противоречии со всем нашим опытом. Ведь наш опыт кричит о том, что наш мир — матрешка. Например, механика Ньютона стала частью специальной теории относительности Эйнштейна, которая в свою очередь, стала частью Общей Теории Относительности. Это то, что называется принципом соответствия Бора.

Как же снять очевидное противоречие? Есть два выхода: либо мы неправильно представляем себе бесконечно сложный объект, либо окружающий мир не является бесконечно сложным. Выбрать правильный ответ можно, только опираясь на наблюдаемые факты...

Вспомним: разум, лишенный пищи, погибает. Все становится на свои места. Экспериментально доказанное отсутствие сверхцивилизаций свидетельствует о том, что наша Вселенная слишком проста для разума. Быстро (за несколько тысяч лет) познав ее законы, разумная жизнь исчерпывает все возможности своих применений и исчезает. Парадоксально, но факт: разум возникает и погибает по одной и той же причине — по причине простоты устройства нашего мира.

МИЛЛИОН ЛЕТ ЗАСТОЯ, ИЛИ КОНЕЦ ЗОЛОТОУ ВЕКА

Конечно, идея простоты мира — это хоть и внутренне непротиворечивая и вполне соответствующая опыту, но все же только возможность. Да и так ли уж необходима гипотеза тупиковой ветви?

Мы присутствуем (я имею в виду последние сто лет) в уникальное время — в своеобразный Золотой Век. Впер-

ые за всю человеческую историю характерное время экономического развития стало сравнимым с продолжительностью человеческой жизни. Любой человек, вне зависимости от своего образования и понимания окружающей действительности, почти кожей чувствует прогресс. Родившись во времена паровозов и первых аэропланов, он вырастает, уже глядя в голубые экраны, а пенсию получает, используя компьютерную банковскую сеть. Жизнь человека двадцатого века проходит на быстро сменяющемся бытовом фоне и рождает в нем совершенно новое мироощущение, и, как следствие, происходит смещение человеческих ценностей. Вечные вопросы отступают на задний план, вперед выходит туристическая тяга к перемене места и времени. Слава богу, эта смена декораций — результат все-таки изобретательности и ума, и, поэтому, налогоплательщики выделяют средства на удовлетворение частью населения своей любознательности. Теперь всякою правительству (конечно, я имею в виду развитые страны) очевидно, что нужно подкармливать фундаментальные исследования: они окупаются, ибо в конце концов экономически выгодны. Но астрофизика показывает, что такое положение не может быть вечным, более того, оно не может продолжаться более нескольких сотен лет, иначе мы бы давно уже открыли маленькие «космические чудеса». Что же последует потом? Мрачное средневековье?

Неужели люди — те же динозавры? Естественно, простой и привлекательный выход из парадокса Ферми — это предположение о быстротечности технологической фазы, но без гибели. На ум сразу приходит альтернативный «западному» (так можно назвать экспоненциальную технологическую fazу) вариант варианта «восточный»: уход цивилизации в самосозерцание, так называемое развитие вглубь. Но как представить такую будущую жизнь на нашей планете после всего, что на ней уже построено? Я имею в виду не обычное пространство, заполненное сверхскоростными поездами, сверкающими зеркалами небоскребами, опутанное единой компьютерной сетью, и сидящего в нем самосозерцающего перикосского старика, я имею в виду пространство человеческой активности. Где тысячи любознательных, жаждущих парадоксов умов? Вместо них — ремонтные бригады, поддерживающие изобретенное тысячи и тысячи лет назад.

Интереснейший вариант был предложен замечательным советским астрофизиком В. Ф. Шварцманом. Зерно его идеи состоит в том, чтобы не выводить проблему «Великое Молчание Вселенной» из области науки, а наоборот — попытаться изменить само понятие науки. Приведу целиком абзац из его статьи 1986 года: «Наука есть лишь часть, элемент культуры, причем элемент сравнительно молодой. Эвристические принципы, идея верификации и ценностные установки современной науки «выкристаллизовались» внутри культуры лишь около 400 лет назад. Лишь в XVIII в. началось экспоненциальное возрастание параметров науки, т.е. ее развитие приобрело необратимый характер. Лишь в XX в. наука превратилась в производительную силу общества, а ее результаты во многом определили облик человечества и даже поставили под вопрос его будущее. Общепризнано, что преобразование характера науки в XX в. является глобальным и беспрецедентным; вероятно оно будет продолжаться и впредь (например, под влиянием других форм духовной деятельности человека или распространения супер-ЭВМ, или контакта с Внеземной Цивилизацией). Поэтому не исключено, что смысл категории «наука» изменится к XXX столетию столь же радикально, как и за предыдущие десять веков». Перенося эти рассуждения на любую другую цивилизацию, Шварцман полагает, что мы давно уже «принимаем сигналы», но не осознаем их искусственную природу. Другими словами, «Великое Молчание», парадокс Ферми означают ни много ни мало, как кризис не просто отдельной физической теории (типа ОТО или ТВО), а кризис самого научного метода в нынешнем его понимании. Кстати, на то же указывает и надвигающийся кризис современной физики, впервые стоявшийся с невоспроизводимыми экспериментальными данными — Вселенная-то одна.

ПАРАДОКС ЦИОЛКОВСКОГО

Я не буду дальше обсуждать другие (менее интересные) возможности, например, связанные с изобретением искусственного разума и саморазмножающихся машин (об этом обычно говорят западные футурологи). Ничего нового в обсуждаемую проблему они не вносят, так как сталкиваются с тем же самым парадоксом Ферми. Наоборот, я хочу показать, что в действительности парадокс Ферми — это всего лишь бледная тень той настоящей проблемы, перед которой стоит нынешнее естествознание. И в сущности стоит уже несколько столетий. Вернемся к десятке сорока трямя миллионами нулей. Она есть значение экспоненты, возведенной в огромную степень — возраст Вселенной, исчисляемый в 100 миллионов веков. Что в ней от современной науки? Во-первых, экспонента. Во-вторых, наблюдаемый темп развития нашей цивилизации, и, в-третьих, возраст Вселенной. Представьте теперь на минуту, что мы пытаемся написать эту формулу в прошлом веке? Что изменится? Экспоненциальное развитие уже наблюдается. Уже известно характерное время развития цивилизации. Оно тогда было побольше, чем в конце двадцатого века, но для конкретного расчета мы его и так взяли из прошлого века. А вот с возрастом Вселенной все было совершенно иначе. В прошлом веке я был бы обязан возвести число T не в степень равную 100 миллионам, а поставить знак бесконечности — ∞ . Ведь еще расширение Вселенной не открыто и Вселенная вечна! И мне совершенно неважно, как быстро развивается цивилизация: тысячу лет, миллион или миллиард. Как говорится, перед вечностью все тлен. В ответе мы получим не аномально большое, а бесконечное число. Вот это уже не просто парадокс, а настоящий тупик. Поражает, каким образом лучшие умы прошлого века прошли мимо такого вопиющего факта? Ведь природа, имеющая возможность бесконечно долго рождать жизнь, рано или поздно должна была произвести на свет СВЕРХРАЗУМ. Да что там прошлый век, если уже в нашем столетии сначала Альберт Эйнштейн, а потом Фред Хойл пытались научно обосновать бесконечно живущую Вселенную. Не ведали, что творили?

Я долго пытался найти хотя бы одного физика или философа, который, пусть вскользь, но обсудил столь вызывающий к пониманию факт. И, действительно, такой человек нашелся, правда, не в прошлом, а в нашем веке, но, поскольку он и не подозревал о расширении Вселенной или не верил (дело в том, что первоначальные оценки возраста Вселенной были сильно занижены и противоречили геологическим данным), то фактически рассуждал как человек прошлого века. Им оказался Константин Эдуардович Циолковский, гениальный технарь, мечтатель и, несомненно, философ. К сожалению, наиболее последовательно свои мысли он изложил только устно, в разговоре с Чижевским, который позже записал их беседу. Но результат его размышлений неоднократно публиковался. Да, придерживаясь чисто материалистической точки зрения, он понимал, что бесконечное развитие природы рано или поздно (звучит почти неуместно) должно было закончиться полной экспансии разума. Отсюда идея разумного атома и «совершенных существ» и, наконец, идея «Разумной Вселенной», которая может восприниматься современным естествоиспытателем как угодно иронически, но сама-то причина появления на свет этих мыслей совершенно естественна для научного метода. Если Вселенная жила бесконечно долго, то «парадокс Циолковского» может быть решен только в одном ключе — ключе существования Сверхразума.

Вы скажете, слава богу, пришел астроном Эдвин Хаббл, открыл расширение Вселенной, и мы поняли, что Вселенная наша была не вечно. Всего-то десять миллиардов лет, а там, глядишь, можно закрыть глаза на десятку сорока трямя миллионами нулей и отдельться уникальностью, туниковой ветвию либо восточным вариантом. Во-первых, как мы видели, сделать это совсем не просто, так сказать, — за давностью отжитых природою лет, а во-вторых, так ли уж не вечен этот мир?

ВЕЧНАЯ ВСЕЛЕННАЯ, ИЛИ БЫЛО ЛИ ВРЕМЯ, КОГДА НЕ БЫЛО ВРЕМЕНИ

Текущий момент в Космологии определяется началом восьмидесятых годов, когда появилась на свет идея инфляции. Я не специалист по ранней Вселенной, а только лишь могу следить за основными идеями, появляющимися в этой передовой области современной астрофизики и физики, и, в меру своего понимания, попытаться изложить их ниже. Еще до работы Гуса было ясно, что стандартная фридмановская модель Вселенной сталкивается с тремя необъяснимыми или неестественными фактами: во-первых, непонятно было, почему причинно не связанные в начальное время части наблюдаемой вселенной так похожи друг на друга (изотропия и однородность, установленная по реликтовому излучению), во-вторых, почему средняя плотность Вселенной, при всем мыслимом многообразии, так близка к критической, при которой Вселенная должна замыкаться, и, наконец, в-третьих, почему Вселенная расширяется? По отдельности эти вопросы были решены, но Гус предельно четко связал их воедино с существованием так называемой пятой силы или скалярным полем. Как раз к этому моменту выяснилось, что наряду с гравитационным, электрическим, ядерным, слабым взаимодействиями в природе должен быть еще один тип взаимодействия, описываемый скалярным потенциалом. В сущности, скалярное поле в определенных условиях обладает свойствами антигравитации, и именно на ранних этапах, через несколько планковских времен после появления Вселенной оно обладает отрицательным давлением и «разгоняет» расширение Вселенной (это так называемая инфляционная фаза расширения Вселенной), потом, вследствие фазового перехода, появляются обычные поля и частицы, расширение замедляется, и Вселенная становится фридмановской. При этом начальный размер Вселенной оказывается столь малым, что разные ее части успевают обменяться информацией, а энергия скалярного поля в точности обеспечивает критическую плотность Вселенной. Извините за эти подробности, необходимые здесь лишь для того, чтобы пояснить, что на самом деле рождение Вселенной сейчас рассматривается как некоторый случайный, квантово-механический процесс «пузырения» вакуума, сопровождающийся очень сильным раздуванием. В действительности, наша Вселенная является только частью некоторого квазистационарного процесса непрерывного рождения и раздувания Вселенных. Другими словами, старая мечта человечества о других Вселенных сейчас рассматривается вполне научно, хотя и полукачественно, в рамках или, точнее, на границе с пока еще не созданной Теорией Великого Объединения. Для нас важно два принципиальных момента: а) наша Вселенная не одиночка и б) существует некое «допланковское время жизни» у каждой такой вселенной, на котором, вообще говоря, само классическое понятие времени теряет свой смысл (в силу, например, чисто квантовой неопределенности причинно-следственных связей). Короче говоря, несмотря на спасительное открытие Э. Хаббла, вопрос о безграничности во времени нашей Вселенной опять всплыл, как и в девятнадцатом веке, и опять замаячил стационарный вариант Эйнштейна. Конечно, на самом деле теперь уже речь идет совершенно о другом понятии времени, но для нас важно, что у природы было и есть бесконечное число возможностей для создания Вселенных типа нашей и, следовательно, для возникновения жизни, и, следовательно, опять нужно как-то разрешать парадокс Циолковского.

ПРИЗНАНИЕ ЭЙНШТЕЙНА

«Вы находите удивительным, что я говорю о познаваемости мира (в той мере, в какой мы имеем право говорить о таковой) как о чуде или о вечной загадке», — писал в одном из писем Эйнштейн. Вернемся к посмертной статье Шкловского, к ее финалу, весьма и весьма показательному для характеристики нашего времени и обсуждаемой проблемы. «Альтернативой набросанной выше отнюдь не

«оптимистической» концепции, — пишет Шкловский, — выступает идея, что разум есть проявление некоего внематериального трансцендентного начала. Это — старая идея бога и божественной природы человеческого разума. Далеким (и не всегда далеким) от науки индивидуумам эта концепция представляется куда более оптимистической и даже нравственной. Трудно, однако, в наше время стоять на позиции, ничего общего с наукой не имеющей. Забвение того основополагающего факта, что мы — часть объективно существующего, познаваемого материального мира, никому ничего хорошего не сулит, даже если и создает лжеоптимистические иллюзии». Прочитав это сейчас, хочется просто помолчать и подумать.

Сколько здесь всего и о наших последних десяти годах, и о самом авторе, и о самой проблеме. И стоять теперь на этой позиции нетрудно, и, более того, сейчас наоборот без Бога в душе неприлично. Но все же паразитальная интуиция этого человека проявилась в финале. Ведь ясно, что концепция «тупиковой ветви» может выжить лишь в маленькой, с конечным возрастом, Вселенной да и то с огромным трудом. А на фоне парадокса Циолковского что же думать? Ведь мы последовательно проводили материалистическую, атеистическую, научную точку зрения, а открыли Бога, научно обоснованного Бога.

Здесь уместно доцитировать отрывок из письма А. Эйнштейна, данный в начале главы: «Ну что же, априори, следует ожидать хаотического мира, который невозможно познать с помощью мышления. Можно (или должно) было бы лишь ожидать, что этот мир лишь в той мере подчинен закону, в какой мы можем упорядочить его своим разумом. Это было бы упорядочение, подобное алфавитному упорядочению слов какого-нибудь языка. Напротив, упорядочение, вносимое, например, ньютоновской теорией гравитации, носит совсем иной характер. Хотя аксиомы этой теории и созданы человеком, успех этого предприятия предполагает существенную упорядоченность объективного мира, ожидать которую априори у нас нет никаких оснований. В этом и состоит «чудо», и чем дальше развиваются наши знания, тем волшебнее оно становится».

Позитивисты и профессиональные атеисты видят в этом уязвимое место, ибо они чувствуют себя счастливыми от сознания, что им не только удалось с успехом изгнать бога из этого мира, но и «лишить этот мир чудес». Любопытно, что мы должны довольствоваться признанием «чуда», ибо законных путей, чтобы выйти из положения у нас нет. (Курсы мой, — В. Л.) Я должен это особенно подчеркнуть, чтобы Вы не подумали, будто я, ослабев к старости, стал жертвой попов».

Тоже очень характерное высказывание. Здесь, в основном, два пункта. Первое, признание существования настоящего «космического чуда», и, второе, несомненное понимание того, что из этого немедленно должно последовать признание существования Бога, но сделать это конечно нельзя, чтобы не стать «жертвой попов». Но и нельзя одновременно признать бесконечную сложность мира и успешную нами познаваемость (т.е. фактически само существование разума в бесконечно сложном мире) и не признать при этом существование Сверхразума — научно открываемого Бога. Если бы А. Эйнштейн хотя бы подозревал о парадоксе Циолковского, то ничего более естественного ему не нужно было бы и сделать.

БЕСКОНЕЧНО СЛОЖНЫЙ МИР

Что есть научно открываемый Бог или Сверхразум и что есть будущая наука о бесконечно сложном Мире? Может ли вообще человеческий разум создать хотя бы примитивную модель, теорию, концепцию бесконечно сложного, непознаваемого по частям объекта? В рамках современной науки — вряд ли. Ведь она вся изначально построена на атомарной, матрешечной логике, на признании линейности мира, которая только одна и может предполагать существование независимых, исчисляемых элементов. Сам математический аппарат, с которым имеет дело современная физика, основан изначально на цифровом пастушьем

опыте чисел — стадо баранов может быть расчленено на отдельные особи и сосчитано. (Приходится только опять удивляться, как при этом мелком багаже науке удалось проникнуть в глубинные тайны Вселенной и атомов?) В нем, в классическом научном методе, изначально заложен прогрессистский подход от простого к сложному. В этом и состоит смысл современной науки — «объяснить». Но в человеческом лексиконе есть еще два важных слова — «понять» и «проверить». Одно из них принадлежит, скорее, искусству, и особенно литературе (она, как и наука, использует язык слов), а другое — религии. Но как совместить все это, каким образом можно придать, например, формальным математическим высказываниям этическую окраску? И как наш научно открываемый Бог, к которому неизбежно пришла современная простая наука, соотносится с Богом «религиозным»?

Один верующий на мой вопрос о том, как Ветхий Завет сочетается с современной оценкой возраста Вселенной в десять миллиардов лет, ответил: «Десять тысяч лет назад в течение одной рабочей недели Господь Бог создал мир, которому было десять миллиардов лет». Это звучит не только остроумно.

Да, здесь скорее прав В. Ф. Шварцман, полагая, что будущее науки стоит за синтезом всей культуры, но как должен выглядеть этот будущий «метазык», приходится лишь гадать. По-видимому, двигаться дальше можно лишь, пытаясь отвечать на необычные вопросы, например, такого плана: как соотносятся понятия добра и зла с принципом причинности? С присутствием времени или его отсутствием? Возможны ли подтексты в научных высказываниях, двусмысленности, вероятностная интерпретация?

Одним из важнейших естественно-научных направлений, конечно, должен быть поиск внеземного разума. При этом нужно трезво понимать, что сам факт открытия обитаемых планетных систем хоть и интересен, но вряд ли приведет к существенному продвижению. Такое открытие сродни открытию индейцев Колумбом. Гораздо важнее *не они сами как биологический вид, а их представление о Боге, Добре и Зле*.

К нашей обложке

Виктор АИППАТОВ

В ДОБРОМ ГОРОДЕ, У ГРУСТНОГО МОРЯ, В КРАСНОМ ЛЕСУ

В час радости-грусти к прекрасному как не пробиться. А Битца клубится. Свободный художник, невольник искусства, на улице стылой расставил полотна — и ярко, и жарко, и легкий морозец ласкает упругие щеки...

В те, несколько уже отдаленные времена Битца славилась, как один из лучших московских выставочных залов. Хотя это был всего лишь двор, установленный картинами для продажи. Я купил две картинки, которые меня очаровали, и очарование это живет во мне по сей день.

...Четыре музыканта в черных фраках под осенним облетаю-

цим деревом играют что-то, возможно, невообразимо печальное. Они тонкие, случайные, пришли и уйдут, но они остаются, играют, их зыбкие фигуры сотканы из воздуха, из земли, они часть материи, которую приносит или уносит воображение художника.

Слегка поторгавшись, я приобрел и вторую картинку. На первом плане под деревом сидел то ли Пьеро, то ли Арлекин, то ли бродячий музыкант и играл на свирели, а вдали, в тумане, виднелся то ли замок, то ли город. Ключок сказки, бытия, легенды, представления...

Когда я принес картинки домой и поставил на столе, то сразу же родилось ощущение замечательного мира, в котором люди умеют мечтать. Тогда и запомнилось имя художника: Игорь Ребров.

Потом я встречал его на Арбате уже с большими картинами, потом на выставке в ЦДХ с картинами большущими.

На выставке я понял, что Ребров ощущает тепловые излучения мира. А поскольку он живет в городе, то мир этот прежде всего воплощается в улицах и домах. Они у него жаркие, оплавляющиеся, светящиеся — одновременно и жилые здания, и замки из легенд, и театральные декорации, и миражи. Нечто сказочно-карнавальное, несущее в себе нежность и светлую грусть.

Ребров не производит впечатление тонко чувствующего человека. Он весел, добр, крепок, уверен, подвижен, обладает практической хваткой, а поди ж ты! Его прибалтийские пейзажи — пронзительные элегии, где дождь, море, пустынный берег и две фигуры: он и она, — разыгрывают поэтическую сцену встречи-прощания. Все здесь негромко, негрубо, явствует желание проникнуть в душу события и, может быть, в душу природы, которая также состоит из весьма тонких материй.

Наклейка «Серая площадь»... Ребров любит город и любит преображать его. Уже цветом, быстротой мазка, акцентацией, точкой, привлекающей внимание, создает он тайну, заманивает, обещая очарование и еще неувестъ что. Мы знаем, что тайна не будет раскрыта никогда, но ее предвидение, волнение предвкушения стоит дорого. Впрочем, часто тайна обретает очертания естественно произрастающей на улицах фантазии, а фантазия преподносится, как представление бродячих комедиантов потустороннего мира или четвертого, пятого, шестого измерений. Сказка, видоизменяясь, все возвращается и возвращается в картины Реброва. На улицах появляется крылатый голубой лев, некая обнаженная парит над цветущим садом; параллельный мир в виде диска, где плещутся воды и скользят парусники и взлетают чайки, — несетя над нашим, столь же удивительным городом, по которому среди маленьких людей шествуют огромные феи. И везде остается карнавал, везде движется столъ любимая Ребровым пестрагая толпа маленьких людей, брейгелевская толпа, босховская или ребровская. Она неустанно движется, она угадывается в тумане пространства, в ней есть нечто эфемерное и обреченное. Она незаметно возникает и исчезает, чтобы убеждать нас в мнимом постоянстве жизни.

У Реброва есть чудная картина, название ее весьма прозаично: «Прогулка по старому городу». Старый город пышет красками, его живые дома слегка приплясывают, его небо в фейерверках. А в центре событий вновь алый комедиант, увеселитель, стремительно движущийся Арлекин с пестрым зонтиком, увлекающий тонкую даму в длинном белом платье — в гуще городских улиц, навстречу тем интимно-маленьким зрелищам, которые здесь, внизу, отрываясь от далеких небес, создают иллюзию тепла, открытый, становятся знаками событий, составляющими человеческую жизнь. Мне кажется, что этот комедиант, этот Арлекин, этот завлекающий толпы — и есть сам Ребров.

Он создает фантасмагории и стремится выявить тончайшую нежность цвета, рождая пейзажи, где все лишь угадывается. Таков его «Иней», где серо-белое произрастает, кристаллизуется в причудливо-простых сочетаниях первобытного леса.

Ребров — мастер намека.

Он сочетает фантастику с мелодрамой, никогда не снижается до грубой откровенности драмы и кровавой мясорубки трагедии. Потому картины его мелодичны. Иногда это слишком очевидно: Ребров играет кистью на полотне, и мазки выдают его желание побыстрее записать звучащую мелодию. К тому же человек, играющий на музыкальном инструменте, обязательно присутствует во многих картинах. Он призывает голосом трубы, свирели или контрабаса открыть нечто сокровенное, чего человечество до сих пор понять не может.

У каждого художника свои города. Каждый художник пишет портреты только своих женщин. Ребров любит писать портреты женщин. Это женщины наших холодных мечтаний, памятники несбывающимся надеждам, картички с обложек нашей жизни. Но Ребров не открывает обложку и не читает книги. Возможно, он опасается, что книги-то и нет. Он цепко держится за внешнюю опереточность, не желая разочаровываться. Он намекает на страсть, на омут, слишком много обещает, и, как опытный политик, старается стереть эти обещания с нашей памяти. И тем не менее женщина влечет его, и он награждает ее крыльями, которые служат пушистым облаком, ковром, покрывалом. Он дает ей в спутники разных зверьков, они как символы уюта и дикого леса. Он дает ей в руки саксофон, перегружая картины мелодиями, и не ошибается, потому что угадывает в нас множественность страстей, устремлений, надежд.

Мы падки на сладость простоты необычайности. Нам нужны эти женщины с крыльями, арлекины, кентавры, дирижабли, летающие тарелки, всевозможные измерения и неведомые города; это только кажется, что все мы лишь грубо забочены едой и зарплатой, что нет ничего дороже рубля и доллара, что любой спор можно разрешить ножом и автоматом, что всегда у сильного будет бессильный виноват... Мнится, именно таких всегда больше, потому что они активнее и нахальнее, они быстрее перемещаются в очевидности пространства. А на самом деле нас, жаждущих благородства сказки, элементарной справедливости, свободы, равенства, братства — неизмеримо больше. В миг, когда мы это отчетливо поймем, засияет тот свет и прольется тепло, которые столь настойчиво ищут в своих картинах Игорь Ребров.

Остается сообщить немногое. О том, что Ребров пришел в художники из технадей. Что он после Энергетического окончил Пединститут и преподавал рисование в школе, о чем вспоминает с лаской — по отношению к детям и с тоской — по отношению к вечногрызущимся педагогам. Что сейчас он, слышится, путешествует — его итальянские и венские картины впечатляют. Что под Волгоградом над Хопром у него дом и сад, где природа стала замечательна, что у художника пропадает всякое желание работать, настолько мир вокруг совершенен, настолько он растворяет тебя в себе. Что сейчас он создал несколько альбомов прекрасной графики, которую издать бы, раздарить бы, распродать бы, но нужны для сего деньги преогромные...

На какую-либо полку современных направлений Реброва не поставишь. Если огрубленно, примитивно-невзыскательно, то он — романтик, но с расчетом. Если более тонко, то он — фантазия с клубком Ариадны. Он точно знает, что и чудище угрожает и выберется из лабиринта. Но все же ему хочется обмануть нас незнанием. Вместе с тем не зря ему нравится Брейгель. Не самое ли главное для него ощущение тайной красоты природы, зданий, вещей? Не стараясь извлечь красоту полностью, обнажить, показать, он частично конструирует, в чем близок своим любителям Бредбери и Хемингуэю. И очень похож на Александра Грина. Компания неплохая. А впереди еще целая жизнь. Ребров, слава Богу, молод, ему только за тридцать. Меня радует, что будущие люди увидят его будущие картины... Мы выходим из мастерской, вокруг радостная зима, тишина, свежо; женщина катит коляску. Лет через пятнадцать лежащий в ней человечек придет на выставку ребровских картин. А Реброву будет всего пятьдесят лет. И снова у него будет все впереди.

Ирина МЕДВЕДЕВА
Татьяна ШИШОВА

Р НОВЫЕ УССКИЕ ДЕТИ

Мнение о том, что мы не заживем по-человечески, пока не вымрет поколение рабов, стало уже не только привычной, но и навязшей в зубах аксиомой. Сколько раз за последние годы звучали слова про Моисея, который сорок лет водил евреев по пустыне! И якобы, именно с той целью, чтобы новую свободную жизнь начали на Земле Обетованной только свободные люди. Это, мягко говоря, вольная трактовка библейского сюжета. И про пустыню, и про сорок лет, конечно, в Библии сказано, а вот про поколение рабов — ни гу-гу. Заметим в скобках, что такая трактовка — насчет поколения рабов, — весьма диагностична, она многое говорит о человеке, который ее избрал, а также о тех, кто ее с такой легкостью подхватил и «расповсюдил».

Вы только представьте себе эту картину: палящий зной, капля воды дороже золота, а измученные, обобранные иудеи все ходят и ходят по бесплодной пустыне — десять, двадцать, тридцать лет... Падают, умирают, кто-то рыдает над трупом отца, а кто-то над трупом жены. А Моисей с железной неумолимостью заставляет свой несчастный народ жить на небольшом пятаке смертоносной земли. И все это под девизом: «В светлое будущее — ни одного раба!»

Впрочем, даже если принять сомнительную, но весьма любимую нашими прогрессистами политическую метафору, то возникает как минимум два вопроса.

Первый. Будут ли дети с легким сердцем праздновать победу, одержанную над своими мамами, папами, дедушками? Так ли далеко зашла атомизация нашего общества? Настолько ли наши отпрыски «цивилизовались», что ничем не отличаются от зверюшек, которые относятся к родителям чисто функционально: начали сами добывать себе пропитание — и позабыли?

И второй вопрос. А кто родится у этих новых, свободных людей?

Что касается первого вопроса, то мы, пожалуй, наблюдаем обратное явление. Трудности последних лет скорее укрепили, а не ослабили родственные связи, которые здесь

и без того были достаточно сильны. В отличие от Запада, у нас и раньше не существовало традиции, согласно которой юноши и девушки, едва закончив школу, покидали отчий дом. Сейчас же, когда не только приобрести, но и снять квартиру по карману только очень богатым людям, почти вся молодежь волей-неволей живет с родителями. Многие женщины по материальным соображениям вынуждены теперь работать, поэтому бабушки и дедушки еще активнее, чем раньше, включены в воспитание маленьких детей. На наших занятиях мы нередко наблюдаем, что с бабушкой и дедом у ребенка бывает более близкий, более глубокий контакт, чем с родителями. Старики, как правило, и терпимее относятся к детям, и времени на них не жалеют. Посмотрите, сколько среди иностранных туристов пожилых и старых людей. А наши все больше на даче с внуками возятся. Вы скажете, они рады бы путешествовать, да не на что. Можно подумать, что в прежние времена наши бабуси только и делали, что карабкались по горам Кавказа или фотографировались на верблюде в Средней Азии.

Так с какой стати внуки восславят «моисеев» (вернее, тех, кто себя таковыми назначил) и будут с восторгом строить новую жизнь, в которой не нашлось места для старых людей? Родных, самых близких для них людей? И какой же бездушной скотиной надо представлять себе народ, рассчитывая на то, что одно поколение (не отдельные ублодки, а целое поколение!) будет весело и беспечно плясать на костях другого — обманутого, униженного и фактически выброшенного из списка живых еще при жизни! Поколение «свободных» — на костях поколения «рабов»! Нет, что-то не выплясывается, не вытанцовывается.

Ну, а все же?.. Ведь молодость эгоистична, а уж если о ком-то и позаботится, то не о предках — о потомках. *О своих детях, о своих внуках.* Вот мы и перешли к рассмотрению второго вопроса. Помните? — «Кто родится у этих детей?» И на него придется ответить более обстоятельно.

Не нужно быть большим профессором, чтобы представить себе, какому испытанию подвергается психика людей вообще и детей в особенности в так называемые переломные моменты истории. И далеко не все это испытание (а ведь еще не конец!) выдержали. Поскольку нас сейчас интересуют именно дети, приведем статистические данные, годичной (!) давности опубликованные в «Независимой газете»: «28% детей младшего школьного возраста испытывают проблемы при адаптации к среде, 22% — склонны к депрессии, 23% — относятся к группе риска по агрессивности».

Мы, работая с детьми-невротиками, видим, что три года назад на группу дошкольников и младших школьников, состоящую из восьми человек, приходилось в среднем два ребенка с сильными страхами. Два года назад их число удвоилось, то есть уже половина группы могла состоять из «фобиков» («фобия» — «страх»). В прошлом учебном году у нас бывали группы, целиком состоящие из детей с навязчивыми страхами.

Примерно в той же пропорции невротизировались за последние годы и родители. Все чаще и чаще нашим главным пациентом становится мать, а не ребенок. Это ее прежде всего надо приводить в чувство, чтобы облегчить тем самым состояние мальыша.

К сожалению, очень скоро можно будет говорить о тотальной невротизации в детской среде. Одну из причин мы только что назвали: взвинченные обрушившимися на них «новой жизнью» взрослые. И немудрено. Кто-то обнищал, кто-то пока держится на плаву, но работает втрое больше прежнего и страшно устает. Кто-то пошел ради денег торговать, но его от этого тошнит. А главное — хроническое чувство попранной справедливости, что для человека русской культуры (подчеркиваем: культуры, а не крови) равносильно крушению мира.

Мы, конечно, не проводили поголовного обследования семей «новых русских». Их дети ни в чем не знают отказа, не видят перед собой униженных и растерянных родителей, могут посещать элитарные школы, отдыхать на Канарских островах, развлекаться в Диснейленде. Но-

Окончание темы «Новое время — новые дети? Начало в №№1,2

жет быть, привилегированное положение — это как бы охранная грамота для их психики? Может, говоря о почти тотальной детской невротизации, этих детей следует «вынести за скобки»? Однако у нас уже накопилось достаточно материалов, чтобы сделать некоторые выводы. Все чаще и чаще в анкетах, которые мы раздаем перед началом лечебного цикла родителям пациентов, профессия отца обозначается как «бизнесмен», «президент фирмы или акционерного общества», «генеральный» или, как минимум, «коммерческий директор». Птицы более высокого полета — назовем их условно «новейшие русские», — предпочитают анонимность и приводят детей на индивидуальную консультацию. Доводится видеть таких детей и в нерабочее время, например, в гостях. Кроме того, многое нам рассказывают педагоги уже упомянутых выше элитарных школ, где образование платное.

Картина вырисовывается, прямо скажем, неутешительная. Сегодня дети богатых невротизированы ничуть не меньше обычных детей. Пожалуй, даже больше!

Но кое о чем хотелось бы сказать «здесь и сейчас». Поскольку наша работа предусматривает тесный и достаточно глубокий контакт с семьей, в том числе и с отцами, мы уже можем говорить о некоем собирательном образе мужчины, занятого бизнесом. (Конечно, и тут не обходится без исключений, в данном случае, правда, крайне редких.)

Вот портрет «делового» отца семейства: своеобразный, всегда усталый и раздраженный. («Банк тормозит кредиты... Опять на нас наехали... Очередная разборка» и т.п.) Что бы ни вытворял — он «в своем праве». («Я вас сдержу!») Стал заметно больше пить. («Переговоры с партнёрами, инвесторами, мафиозными структурами».) В некоторых семьях кормилец, чуть что не по нему, хлопает дверью и исчезает на двое-трое суток — развеяться. А кто-то, обидевшись, отдыхает от семьи две-три недели. («Сначала я пугалась, обзванивала, как дура, все больницы и морги, у друзей долбьтывалась... А теперь привыкла.») Забота о ребенке у таких отцов сводится, как правило, к частой покупке дорогих подарков. А уж если дело доходит до воспитания, то главная воспитательная мера — крик и битье.

Странно ли это? Ничуть. Ни для кого не секрет, что сфера бизнеса сейчас является криминальной. Находясь под изнурительным прессом страха и нервотрепки и, как всякий человек, распоясываясь дома, бизнесмен вместе с пиджаком сбрасывает с себя этот пресс. На кого? Конечно, на близких. И прежде всего от непосильного груза страдает слабый, то есть ребенок. У таких детей наблюдается повышенная тревожность, страхи (и как следствие — энурез, засиживание, тики), а также агрессивность или, наоборот, забитость, безынициативность, отсутствие познавательных интересов. Когда они вырастут, им скорее всего, будет непросто создать и сохранить семью.

Бросается в глаза и такой — на первый взгляд — парадокс: нередко у новоиспеченного бизнесмена портятся отношения с женой, хотя, казалось бы, все должно быть наоборот, ведь дом теперь полная чаша и есть возможность ублажить жену то дорогой модной вещью, то невиданным деликатесом, то комфорктабельным отдыхом. Но когда все это становится привычным (а к хорошему, как известно, привыкаешь быстро), на первый план вновь выступают пресловутые вечные ценности: любовь, верность, дружеское участие — последнее в русской культуре считается чуть ли не основой счастливого брака. «У меня теперь не муж, не отец моих детей, а спонсор», — такая жалоба сейчас очень популярна. Во всяком случае, мы ее слышим часто. А кто-то высказывает еще более откровенно: «Я все равно как вдова при живом муже... Дома он не бывает, а если и придет, то ни меня, ни детей для него не существует: то у телефона, то у телевизора, и к нему не подойти — он отдыхает. Или, не успев поесть, спать заваливается». Ну, а вот признание лаконичное и еще более определенное: «последнее время чувствую себя проституткой, с которой муж общается как клиент».

Вы скажете, это отношения мужчины и женщины, детей они не касаются. Увы, касаются, и не только опосредованно, а гораздо более прямо, чем хотелось бы.

Чувствуя себя заброшенными, многие женщины пытаются обрести утешение в ребенке, особенно, если это мальчик. Он становится для матери единственной опорой, со-беседником, другом, занимая по сути дела (разумеется, психологически) место отдалившегося мужа. Но ребенка нельзя назначить на роль взрослого мужчины, это ему так же не под силу, как 50-килограммовый мешок картошки. Перегруженная психика может надорваться. И, надорвавшись, исказиться. Мужчины, состоявшие в детстве в «психологическом браке» с матерью, часто так и не вступают в брак реальный, следовательно, у них вообще может никто не родиться. Ослепленные и подавленные идеалом матери, они не находят достойную пару. К тому же, среди таких мальчиков, слишком рано погруженных в мир женских переживаний, бывает много кандидатов в гомосексуалисты. Встречается у подобных детей и скрытый садизм, что вряд ли украсит будущее отцовство.

Но разве нет семей, где жена, которая в прежней жизни была «другом, товарищем и братом», теперь активно включилась в дела мужа и стала «партнером по бизнесу»? Была семья, а стало «семейное предприятие» — то-то славно! Вот только дети оказываются тут сбоку припеку. Нет, ими, конечно, занимаются, но в основном гувернери, бонны, бэби-ситтеры, а то и загородные лицеи, которые раньше попросту назывались интернатами. Лишенные в детстве нормальной материнской заботы, «безмамные дети» (термин придуман западными учеными) в большинстве случаев не способны полноценно воспитывать собственных детей.

Нет, мы вовсе не хотим, чтобы у вас сложилось впечатление, будто в семьях «новых русских» вообще не бывает нормальных отношений. Безусловно, бывают, и не просто нормальные, а очень хорошие. Но даже если представить себе безупречную семейную идиллию, ребенку в ней все равно будет неуютно. Мы уже упомянули о криминализации сегодняшнего бизнеса. Дети бизнесменов несравненно чаще, чем все остальные, попадают в зону риска. Чего должен ждать от жизни пятилетний малыш, в присутствии которого постоянно ведутся разговоры, что кого-то из знакомых убили, кого-то ограбили, а у кого-то — украли ребенка (быть может, того самого, у которого он вместе с мамой и папой неделю назад был на дне рождения!) А дети, выходящие на улицу только в сопровождении телохранителя, что сейчас особенно престижно?? Какая у них формируется картина мира? И что им снятся по ночам?.. У таких детей практически со стопроцентной вероятностью наблюдается: повышенная тревожность, навязчивые страхи (ибо мир кишит злодеями, грабителями, убийцами) и, как естественное следствие, — мизантропия, то есть ненависть к людям. А мизантропия может привести к угасанию рода: переполненный ненавистью к людям человек не захочет или даже не сможет произвести на свет себе подобных.

Может, кому-то покажется, что мы сгущаем краски? Увы... многое в этой статье, напротив, смягчено и не названо своими именами. Не приводили и конкретных примеров — отнюдь не из-за отсутствия таковых. Примеров — хоть отбавляй, и они очень убедительны, но мы их приберем для более обстоятельного разговора на страницах будущей книги.

На прошение же хотелось бы упомянуть о таком фактуре, как усугубление признаков — помните? В школе по биологии проходили. У психически усугубленных детей рождается еще более усугубленное потомство (если родится!).

Так кто же здесь через сорок лет будет жить по-человечески? Разве что марсиане прилетят? Но они будут жить по-марсиански... И никто им уже не объяснит, что убогие существа, которые то набрасываются на первого встречного, то трусливо забиваются в угол — это и есть отборные, истинно свободные люди.

Только они маленько надорвались, потому что сорок лет кряду без устали хоронили рабов.

Авторы благодарят за содействие движение «Народный альянс»

УБЕЙ

ГЕНРИ КИССИНДЖЕРА

ГЛАВА X

Толстые груди палестинки,казалось, были готовы разорвать на куски натянутое кружево кофточки. Малько словно прилип взглядом к этому куску материи. Обмануться невозможно — вспомнились слова продавицы, заявившей, что это последняя из кофточек такого фасона. Как она оказалась на этой палестинке? Князь, наконец, нашел в себе силы светски улыбнуться Винни. Палестинка отправилась мыть посуду.

— Все, что вы делаете, замечательно, — сказал он. — Единственно, чего бы желалось, это отбить у палестинцев охоту к постоянным покушениям. Им почему-то нравится убивать преимущественно гражданских.

В глазах датчанки метнулся огонек:

— Сионистская пропаганда! Палестинцы не убивают! Они наносят удары по империализму повсюду, где видят его проявления!

Малько понял, что спорить бесполезно, однако подпустил немногого яда:

— Интересно, почему палестинцы ни разу не попытались похитить Моше Дацна? Вот когда бы их приняли всерьез!

Винни предпочла пропустить это замечание мимо ушей. Пылающая праведным гневом, она направилась в гостиную. Князь успел бросить ей вслед:

— А этой палестинке вы позволяете спать на подстилке у вашей кровати?

Женщина повернулась так резко, что кончиками волос хлестнула по стене. В ее глазах можно было прочитать смешанное выражение ярости и смущения, словно Малько сумел задеть какую-то весьма чувствительную струнку:

— В девять часов вечера, когда Фавзия кончает работу, она едет к себе домой. Это не рабыня!

Вот и все, что князю требовалось узнать! Он поспешил к шейху, который поджидал его в уголочке, посыпая лимонад, на девять десятых разбавленный виски. Они вышли. Дождик, к счастью, перестал. Возле дворца Абдул

Окончание. Начало в № 2.

Заки возвышались еще три точно таких же. Кувейтские богачи заказывали дома одинаковые, как сорочки — так проще, и не утруждает воображение. В «бьюике» Малько попросил подвезти его к Ричарду Грину. Чаржах казался чем-то озабоченным и несколько раз набирал номер телефона, который не отвечал. Наконец, он повернулся к Малько:

— Ну, как прием? Как вам показался хозяин? Удалось ли что-нибудь выведать?

— Нет, — пожал плечами князь. — Но я не жалею, что поехал. Эта Винни, надо сказать, обворожительна...

— Да, исключительной красоты женщина! Абдул Заки невероятно повезло...

Погруженный в свои мысли, Малько не отвечал. Теперь ему не хотелось открываться Чаржаху. Все-таки лучше иметь полную свободу рук. Проехав Истикалль-авеню, шеих резко затормозил возле дома Ричарда Грина, как раз напротив ливийского посольства. Князь поблагодарил и по-торопился поскорее выйти. В его распоряжении оставалось двадцать пять минут.

* * *

— Это она! — выдохнул Малько.

Служанка Заки только что прошла под фонарем и чуть не бегом направилась к перекрестку, находившемуся метрах в ста от скрещения Истикалль-авеню с Третьим поясом. Не зажигая фар, Ричард Грин тронул с места свой «кадиллак». Машина шла совершенно бесшумно. Малько оглянулся. Из дворца Заки больше никто не выходил. Сжав зубы, сожмурив глаза, Грин ни на секунду не выпускал из вида маячивший перед ним силуэт. Между сиденьями лежал последнего выпуска автомат.

Князь зарядил свой пистолет разрывными пулями. Если расчеты Малько были правильными, палестинка вела их в самое логово убийц-террористов. Когда Грин услышал его рассказ, он еле сдержался: «Их надо всех перестрелять, как бешеных собак!» Тут уже и Малько, ненавидевший прямое и откровенное насилие, не мог не согласиться с доводами управляющего кувейтским отделением ЦРУ. Сейчас у них был, может, единственный в своем роде случай.

Палестинка замедлила шаг.

— Не хочет ли она сесть в автобус? — сказал Грин.

Фавзия как раз остановилась возле автобусной остановки. Американец тоже притормозил. Судя по всему, женщина не заметила их «кадиллака». Подошел автобус, и она села. Автобус довольно быстро катил по третьему поясу, движение в этот час было слабым. Выехав к Аль Халих аль Араби, идущей вдоль моря улице прогулок, автобус свернулся налево, проехал мимо «Хилтона», строящейся телебашни и госпиталя Амири. Палестинка сошла чуть дальше, не далеко от старого порта.

Она пересекла улицу прогулок и углубилась в небольшой переулок. Малько с Грином тут же выскочили из машины и, таясь, пешком последовали за ней. Переулок назывался Абу Обида-стрит и, к счастью, был едва освещен. Под плацом Ричард держал автомат. Женщина ни разу даже не обернулась и вскоре вошла в один из домов с левой стороны. Мужчины отошли в сторону и приились рассматривать дом. Улица казалась вымершей, окна и двери зияли, словно слепые черные пятна.

— Это как раз тот квартал, в который эмир приказал поселить новых жильцов, в основном, палестинцев, которые ничего не платят за квартиры, — объяснил Грин.

Они продолжали стоять, скрывшись в подъезде соседнего дома.

— Пошли? — спросил американец.

Нетерпение человека, занимающего официальный пост в американском посольстве, но идущего с автоматом в руках на опасную операцию, может показаться несколько неоправданным, но если ему удастся вывести из строя группу террористов, собирающихся убить Генри Киссинджера, то ЦРУ, безусловно, простит этот не слишком дипломатический поступок.

— Пошли, — ответил Малько.

Дверь, за которой скрылась палестинка, выходила на внутренний двор, окруженный безгласными, мрачными домами. Лишь в одном — на первом этаже светилось окно-

ко. Малько первым поднялся по скользкой, дурно пахнущей лестнице. Очевидно, кто-то их услышал, потому что за дверью раздался шум шагов. Дверь приоткрылась, и он успел заметить грузного палестинца, который в лифте «Фоэниции», балуясь, пробовал проколоть его кинжалом. Увидев поднимающихся, палестинец закричал и хотел захлопнуть дверь, но князь оказался проворнее и всей своей тяжестью навалился на нее. В какую-то долю секунды он уловил немую сцену: прибор на троих, расположенный прямо на ковре, человека, лихорадочно рывшегося в чемодане, грузного палестинца, схватившегося за рукоятку револьвера... Однако в этот самый миг пуля Малько, пробив ему шею, разорвалась у основания позвоночника и разворотила мозги. Палестинец огромной туши свалился на пол, заливая кровью ковер и подушки.

Другой палестинец начал стрелять с колена выхваченным из чемодана пистолетом, но автоматной очередью Грин буквально раскроил его пополам. Оглушенные стрельбой и одуревшие от запаха гари, от которой саднило в горле, мужчины прислонились к стене. С того момента, как они появились в комнате, прошло не более минуты.

— Кухня! — закричал Малько.

Ричард устремился в кухню и вскоре вывел оттуда пронзительно кричавшую палестинку в черной кружевной кофточке. Она увидела валявшиеся трупы, кинулась к палестинцу, убитому Малько и, взяв в горсть то, что осталось от его головы, протяжно и глухо завыла. Это было невыносимо. Грин сделал шаг по направлению к ней, она тут же замотчала, закрыла глаза и забилась в приступе панического ужаса.

— Никого больше нет? — по-арабски спросил Ричард. Он должен был трижды повторить вопрос, прежде чем женщина отрицательно качнула головой.

Князь открыл дверь, ведущую на площадку, и прислушался. Звуки выстрелов, по-видимому, никого не потревожили. Но неизвестно, не свалился ли им на голову другие палестинцы, ибо в «Фоэниции» их было пятеро.

— Спросите ее, не знает ли она, где Амина? — попросил Малько.

Грин положил автомат на пол, но его импозантная фигура внушала палестинке такой ужас, что она продолжала трястись, не в силах сказать ни слова. Американец задал вопрос, и по выражению лица палестинки Малько понял, что она в курсе дела.

— Спросите понастойчивей!

Американец грубо рванул кружева кофточки и разорвал их. Женщина вскрикнула и произнесла несколько слов.

— Она говорит о каком-то подвале, — пожал плечами Ричард.

— Немедленно пошли туда! Она пойдет с нами! — воскликнул Малько.

Они вышли на лестницу. Грин дулом автомата подталкивал палестинку. Двор был по-прежнему черен и пуст, тусклая лампочка освещала несколько грязных дверей. Паюло какой-то гнилью. Женщина начала плакать. Грин пригрозил, тогда она испуганно ткнула пальцем в одну из дверей, на которой висел тяжелый кованый замок... Малько напрасно тряс массивную дверь — она не поддавалась. Тогда он приставил к замку пистолет и выстрелил. Замок разорвался на куски. Они стали осторожно спускаться в черную зловонную дыру. В самом низу князь нащирал на стене выключатель и при свете желтоватой лампочки увидел на полу распростертую фигуру.

Наклонившись, князь понял, что перед ним — Амина, хотя лицо ее до неизнаваемости распухло и было испещрено красными полосами. Руки и ноги ей привязали ко вбитым в земляной пол колышкам. Девушка не подавала признаков жизни, однако, когда князь над ней наклонился, открыла глаза.

Малько крикнул Грину:

— Надо немедленно найти врача!

Содрогаясь от зловония, Малько быстро развязал крепко стянутые веревки. Амина не шевелилась. Наконец, он поднял обмякшее тело, вынес на поверхность и втащил в квартиру, где они уже были. Здесь тяжко и приторно пахло

кровью. Настоящая бойня! Глухонемая девушка была уложена на постель, Малько приложил ухо к ее сердцу: оно билось неровно и глох. На груди виднелись следы от зажженных сигарет, но особенно поражала странная коричневая масса, лежащая между ногами, судя по всему, вышедшая из влагалища.

— Сходите, пожалуйста, за Абу Чаржаком и прихватите врача, — попросил князь. — Я останусь здесь с двумя женщиными.

Американец нерешительно переминался с ноги на ногу:

— А если придут остальные палестинцы?..

— Не беспокойтесь, я их встречу, — усмехнулся Малько.

— Дайте-ка мне ваш автомат!

Ричард не протестовал.

Хорошо, я найду одного знакомого врача из больницы Аль Сабах. Он говорит по-арабски и, что очень важно, умеет держать язык за зубами.

Шаги американца затихли внизу. Малько велел арабке сидеть в углу и не шевелиться, а сам устроился возле Аминой, держа на коленях автомат и решив придерживаться местного правила: начинь убивать, пока тебя не убили самого. Танцовщица с искаженным от боли лицом стала метаться на постели. Он принес стакан воды и поднес к ее рас摊авшимся губам.

В этот момент палестинка неожиданно вскочила и кинулась к дверям. Малько замешкался всего на секунду, но этого было достаточно, чтобы арабка выскочила на лестницу и исчезла в темноте двора. Преследовать ее бесполезно, так как в любом случае палестинцы узнают о том, что произошло, и если они нагрянут сейчас, то Малько готов их встретить.

Внизу хлопнула дверь. Малько сжался, направив на вход дуло автомата. Однако вошел Грин и с ним врач-европеец, низенький плеший мужчина с черным портфелем в руках. Позади виднелся шейх, а за ним — два йеменца в широких шароварах и с золочеными автоматами наперевес. Абу Чаржак равнодушно глянул на убитых и приказал неграм их обыскать. Ничего интересного, кроме кинжала, которым палестинец щекотал князя, они не нашли. Шейх погрозил Малько пальцем:

— А ведь мне вы ничего не сказали...

— Просто не хотел вас в это ввязывать. Вам это ни к чему, — серьезно ответил Малько. — Кстати, один из убитых был в «Фэзиции».

Шейх прищелкнул языком и обратился к черным стражам:

— Вынесите трупы!

Неожиданно вмешался Грин:

— А где же девка?

— Она сбежала. — Малько объяснил, что произошло.

— Мы ее отыщем! — ощерился Абу Чаржак. — Никуда не денется...

— А из-за этих двоих, — кивнул на трупы Малько, — у вас не будет неприятностей?

— Сообщу эмиру, — пожал плечами шейх, — дело будет замято, словно ничего и не было.

Эмир правил страной из своего дворца, находящегося в двадцати километрах от Эль-Кувейта. Все решения принимались в строжайшей тайне на семейном совете.

— Так ведь это палестинцы! — настаивал князь.

Улыбка шейха стала откровенно злобной:

— Ничего, это им полезно!. А то слишком распустились. Забыли, что не у себя дома... .

Малько подошел к врачу, который занимался Аминой. Медицинской лопаточкой он выскребал из влагалища молодой женщины коричневую массу.

— Что это? — спросил Малько.

— Соль. — Лицо доктора искривилось от боли и отвращения. — Видите ли, в местных эмиратах существует венерийская обычай, когда женщины после родов кладут себе во влагалище немного соли, чтобы мускулы скорей сократились и муж получал больше удовольствия. Эти мерзяки вообще изрезали несчастной влагалище и до отказа набили его солью. Как она смогла выдержать такую страшную боль, не представляю!

Малько и Грин содрогнулись от этого рассказа. Палачи, зная, что девушка все равно ничего не может рассказать, мучили ее ради садистского удовольствия. А бедняжка и понятия не имела, чего от нее хотят и за что терзают. Золотистые глаза князя приняли зеленоватый оттенок. Перед ним вдруг возникла надменная физиономия Винни Заки. Сюда бы ее привести! Он повернулся к шейху:

— Простите, у вас не будет предлога повидать госпожу Заки? Мне бы очень хотелось, чтобы она посмотрела, в каком состоянии находится Амина.

Шейх удовлетворенно улыбнулся:

— Нет ничего легче!

Винни Заки вошла в комнату с такой злобой на лице и ненавистью в глазах, что если бы они могли убивать, Малько превратился бы в пыль. Перед тем она резко отчитала шейха при йеменцах, и теперь они готовы были ее придушить. Амина, которой впили изрядную дозу морфия, лежала без сознания. Возле постели стояла тарелка, полная коричневатой, пропитанной кровью соли.

— Объясните мне, пожалуйста, — начал князь, — во имя каких идеалов ваши друзья пытали и мучили эту глухонемую девушку, которая не могла бы даже вымолить себе прощения по причине своей болезни?

Винни сжала побелевшие губы:

— А что вы сотворили с бедной Фавзией? Она прибежала ко мне сама не своя! Я буду жаловаться эмиру и просить его о вашем изгнании из страны!

— Может жаловаться хоть в ООН! Там будут ужасно рады узнать об этой омерзительной истории с солью. Кстати, я попрошу доктора дать кое-какие пояснения.

Врач холодно и обстоятельно, с употреблением точных терминов изложил суть дела. Винни не отрывала глаз от прикрытых марлей бедер танцовщицы. Черты лица прекрасной дагчанки были по-прежнему жестки, однако во взгляде читалась растерянность. Дослушав до конца, она бесстрастно обронила:

— Пытки наверняка имели причину. Нельзя ни о чем судить, не выслушав другую сторону.

Это было уже просто бравадой, потому что, когда князь прямо посмотрел женщине в глаза, она тут же отвела их в сторону. Малько почувствовал, что в настроениях Винни произошла какая-то перемена.

— Ну что ж, — сказал он, — вы можете идти. Надеюсь, ваша служанка скоро придет в себя...

Винни очень живо возразила:

— Но зачем вы вообще заставили меня прийти? Я думала...

И тут Малько решил идти ва-банк. Будь что будет! Может, именно сейчас наступила минута использовать происшедшний в ней психологический перелом. Он глубоко вздохнул.

— Скажите, пожалуйста, очень вас прошу, кто собирается совершил покушение на Генри Киссинджера?.. Мне почему-то кажется, что вы в курсе дела...

Винни Заки на мгновение застыла, губы ее дрогнули, и что-то беспомощное мелькнуло во взгляде:

— Но вы — сумасшедший! Я совершенно не понимаю, что вы от меня хотите!..

Грудь женщины глубоко вздымалась, и чувствовалось, что она прилагает большие усилия для того, чтобы себя контролировать. В конце концов она сумела взять себя в руки:

— Я просто рассматриваю это как шутку дурного пошиба.

— И поверила к Абу Чаржаку: — Я могу, наконец, уйти?

— Конечно!

Она круто повернулась и вышла, не сказав никому ни слова. Шейх покачал головой:

— Муж совершенно неправильно ее воспитывает! Госпожа Заки должна больше заниматься любовью и гораздо меньше — политикой.

Малько, в общем, был доволен, что преподал урок высокомерной Винни. Может, ее страсть к палестинскому движению немножко поутихнет?.. Это поможет расследо-

ванию. Впрочем, сейчас надо немедленно продолжать начатое дело.

— Амина наверняка что-то знает, — сказал он шейху. — Вы не найдете нам другого переводчика?

— Безусловно. Но надо отправить девушки в госпиталь.

— Да-да, прошу вас, но на сей раз я попрошу Элеонору Рикор ночевать в палате, а мы с Грином должны расположиться где-то по соседству.

На дворе давным-давно рассвело. Малько бесшумно вошел в комнату, где, не раздеваясь, спал Ричард Грин. Автомат лежал на полу рядом с постелью. Американец вскочил, однако князь жестом его успокоил: все в порядке. Он открыл дверь в палату, где лежала Амина. Сидевшая возле постели Элеонора подняла голову:

— Она просыпается...

Вошла растерянная, тощая и блеклая на вид преподавательница школы глухонемых, перепуганная перспективой взваться в подобную историю. Съежившись, она присела на стул. Амина в кровоподтеках и с заплывшими глазами улыбнулась Малько. Тот попросил:

— Пусть расскажет, что с ней произошло.

Начался медленный, но постепенно ускоряющийся разговор на пальцах. Переводчица глубоко вздохнула:

— Ну, вот, пришел к ней ее «жених». Увидел новую одежду, стал расспрашивать. Она призналась, что купил иностранец. Ужасный гнев. Жених немного умеет объясняться на пальцах. Он сказал, что Малько израильский и американский агент в Кувейте для подрыва палестинского движения. Потом ее отвели в подвал и стали пытать, чтобы выведать еще какие-то секреты, но она ничего не могла им ответить. Во всяком случае, он никогда на ней не женится, но какое это имеет значение!.. Они набили ей внутренности солью и оставили умирать в страшном подвале от боли и ужаса...

Молчание... Потом Амина робко спросила:

— А мой жених? Где он?

Боже мой! После всего того, что этот палестинец с ней сделал!

— Он убит при попытке сопротивления.

На глазах девушки выступили слезы. Малько нахмурился:

— Спросите у нее, где находятся товарищи «жениха». Объясните, что ее показания помогут избежать больших несчастий.

Пальцы Амины двигались все медленней: она не знает... думает, что их база находится в пустыне. В Ираке или Саудовской Аравии. Жених подолгу отсутствовал... Упоминал имя Абдул Заки...

Амина, вконец обессиленная, уронила руки на одеяло. Малько понял, что больше ничего от нее не добьется, тем более, что она ничего больше и не знала. След снова был обрезан, и снова все нити вели к Абдул Заки. Предстояло атаковать богатого торговца.

ГЛАВА XI

Толстой красной чертой Ричард Грин обвел дату в календаре:

— Осталось десять дней, — вздохнул он.

Малько не ответил — он слишком хорошо знал, что Киссинджер скоро приезжает, а его безопасность никоим образом не обеспечена. Обхватив руками голову, начальник отделения ЦРУ в отчаяньи раскачивался из стороны в сторону.

— Надо во что бы то ни стало разыскать этих проходимцев! — прорычал он.

Однако это больше относилось к области благих пожеланий, чем к трезвой реальности. Прошло еще два дня, а дело не продвинулось ни на шаг. Амина лежала в госпитале, шейх вернулся к своим девицам. Малько подозревал, что ему здорово досталось от эмира, которому Абдул Заки нажаловался, что Абу Чаржак связался с американской разведкой. Об убийстве палестинцев газеты молчали, но об этом курсировали очень активные слухи.

В дверь постучали. Элеонора Рикор принесла послед-

нюю почту из Вашингтона. Она холодно поздоровалась с Малько и вышла. Американец пробежал глазами бумаги и выругался:

— Черт побери!

— Что такое? — спросил Малько.

— У них там создалось впечатление, что мы тут зря бьем баклуши. Хотел бы я посмотреть на них в Кувейте!

Малько сдул пыльницу со своего безупречного алпакового черного костюма. Главное — не поддаваться провокациям. Подвал Ричарда Грина действовал на него удручающее.

— Подведем итоги, — сказал он. — Нам известно, что база палестинцев находится где-то в пустыне...

Грин перебил его:

— Пустыня велика! Вы знаете, что ближайший город находится в Саудовской Аравии, в шестиах километрах отсюда?

— Знаю. Я всего лишь пытаюсь анализировать. Может, они решили сейчас с нами не связываться по той причине, что мы особенно их не стесняем? Не отсюда надо начинать. Исходные моменты — это Салем Бакр и Абдул Заки.

— Чаржак полагает, что ведет наблюдение за обоими... Да что-то без толку.

— Наибольший интерес представляет, конечно, Заки и его жена, — заметил Малько. — Однако что бы такое предпринять?

— Ничего! — отрезал американец. — Они оба недосыпаемы!

Малько решительно тряхнул головой:

— Мне надо что-то придумать с этой чертовкой Винни. Позавчерашняя сцена, по-моему, произвела на нее сильное впечатление. Кто знает, а вдруг ее настроения переменятся?

— Как так переменятся?

— Не знаю. Сначала я должен ее видеть, — сказал Малько, подымаясь, — у нее дома.

Ричард Грин скептически улыбнулся:

— Ну что ж, желаю удачи... Если она вам выдерет только один глаз, то, значит, будет в хорошем настроении.

Малько сощурил золотистые глаза.

— Я буду осторожен. Сейчас Абдул Заки должен находиться в своем кабинете. Надо проверить.

— Возьмите мою машину, — сказал Грин. — Там, — оружие. Может, пригодится...

Небольшой бетонный дом напротив «Шератона», казалось, простоял веков десять, так он был замызган и обшарпан. Тем не менее, именно здесь находилась контора могущественного Абдул Заки. Проверяя, все ли машины на месте, Малько медленно проехал вдоль стоянки. Машину Заки «мерседес- 3000 СЛ» новейшего выпуска он увидел в самом конце.

Итак, торговец здесь. Малько собрался было уезжать, как вдруг заметил что-то на спинке заднего сиденья. Сокол! Да, это был сокол с головой, прикрытой колпачком. Абдул Заки собирался предаться любимому спорту — охоте в пустыне. Пустыне... Пустыне... И палестинская база в пустыне. То, о чём говорила Амина.

Захваченный своими мыслями, Малько не заметил, как попал в поток идущих по улице машин. Он повернулся, чтобы возвратиться, и во встречном потоке увидел «мерседес» Абдул Заки. Князь проследил взглядом за машиной и заметил, что она не свернула на юг, как он ожидал, а направилась к Яхра-стрит, туда, где улица скрещивалась с Третьим поясом — как раз, чтобы ехать к себе! Значит, разговор с Винни не может состояться. Малько выругался про себя: проклятый Заки! И чего его несет нелегкая, когда не надо! Тем не менее, «Эльдорадо» подстроился вслед за «мерседесом». Впрочем, что это? Заки проехал мимо своего дворца, выехал на авеню Истикал и остановился перед неприметным зеленоватым зданием — ливийским посольством, как раз перед домом Ричарда Грина. Только это не хватало!

Малько проехал чуть дальше и стал набирать номер Ричарда. Заки вышел, почтительно поздоровался с часовым и исчез в подъезде. К телефону подошла Элеонора

Рикор и сообщила, что Грин находится на совещании у посла. «Чтобы обсудить, какого цвета сделать Киссингхеру гроб», — горько усмехнулся князь.

— Я — недалеко от Абдул Заки, — сказал он Элеоноре.

— Сейчас он у ливийцев, после чего, судя по всему, отправится со своим соколом на охоту.

Заки вышел с каким-то длинным свертком, который он положил в багажник, сел за руль и резко рванул с места, сразу же взяв направление к югу. Малько со всеми возможными предосторожностями следовал за ним. Они быстро миновали бесконечные южные предметы, все эти Кадисии и Хавали, и выехали, наконец, на ведущую в Саудовскую Аравию автомагистраль. Вскоре Эль-Кувейт скрылся в голубоватой дымке. Слева тянулось море, справа — бесконечная желтая каменистая пустыня. Ни одного приличного строения — одни только хижины, оставшиеся от брошенных машин да изредка сидящие одиноких верблюдов.

Постепенно машин на дороге становилось все меньше, так что Линге пришлось увеличить расстояние между «Эльдорадо» и «мерседесом». Куда же все-таки направлялся кувейтский? Промчали мимо указателя нефтяного городка Ахмеджи. До границы с Саудовской Аравией оставалось меньше шестидесяти километров.

Малько молил Бога, чтобы Заки эту границу не пересекал — для него пустыня была душным герметическим ящиком. Внезапно произошло подобное миражу чудо: машина торговца исчезла! Понадобилось несколько минут, чтобы князь сообразил, что Заки свернул с автомагистрали на не большое шоссе, пересекающее пустыню в юго-западном направлении.

Малько с километр ехал по магистрали и только потом вывел машину на шоссе. К несчастью, в этом месте пустыня не плоская, а холмистая, что затрудняло его задачу. Теперь все до единой машины исчезли. Лишь вдалеке, по пути к Ахмади, мчали гигантские нефтевозы. Шоссе, кажется, вело к нефтяным залежам Вафры. В туче пыли прошёл пастух со стадом коз.

Надо было очень строго соблюдать расстояние между машинами. Если бы Заки остановился, он бы неизбежно заметил «Эльдорадо» Малько. «Мерседес» снова скрылся за очередной возвышенностью. Князь вновь увеличил скорость и в обширной низине увидел оставляемое «мерседесом» облачко пыли.

Тогда Малько остановил на обочине машину, углубился в каменистую пустыню и с небольшого холма, как с наблюдательного пункта, стал следить за действиями противника. Вот «мерседес» резко свернул налево и остановился. Малько должен был хорошо видеть, чтобы различить низкие строения, по цвету почти неотличимые от цвета пустыни.

Вполне возможно, что это и была та таинственная база палестинцев, о которой упоминала Амина, и что именно здесь они подготовляли свое покушение на государственного секретаря. Однако прежде чем уведомлять Чаржаха, необходимо удостовериться, что это именно так. Малько побежал к «Эльдорадо», развернулся и поехал назад.

Ричард Грин торжествовал:

— Ну, конечно же, это они! Поразительно! Вам удалось невероятное!

Малько недовольно хмурился:

— Подождите радоваться. Ничего не доказано. Сначала необходимо подтвердить мои догадки, а уже потом обезвреживать это гнездо.

Все это было не так-то просто: они находились в чужой стране, более того — скорее враждебной, чем дружественной.

Ричард уже в нетерпении притоптал ногами:

— У нас есть какие-нибудь идеи?

— Возможно, — улыбнулся Малько. — Я вас попрошу найти мне очень сильный бинокль. Мы туда отправимся завтра утром. Только никому не говорите.

— Даже Чаржаху?

— Даже ему, потому что среди его подчиненных наверняка есть шпионы.

На сей раз они ехали медленно, чтобы не подымать пыли. Потом свернули с шоссе и оставили машину за высоким каменистым холмом. Начиналась нестерпимая жара. Грин тяжело дышал, по его лицу катился пот, рубашка прилипла к телу.

— Вы обязательно должны походить, — заметил Малько. — Такой поход заменяет тысячи пилюль!

— Я скорее сдохну, чем похудею, — пробурчал тот. Ветер, песок и жара делали свое дело: у князя перед глазами плыли радужные круги, в груди кололо и ноги подгибались. Однако он испытывал чувство глубокого удовлетворения.

Ричард Грин в изнеможении опустился на большой камень:

— Это невозможно, я больше не выдержу.

Бедняге было действительно нелегко: километра два они тащатся вверх по раскаленному каменистому склону. Но им надо добраться до самой вершины. Через сотню метров они оказались, наконец, на гребне холма, откуда прекрасно просматривались все окрестности. Малько вытер заливающий глаза пот и начал долго и тщательно настраивать линзы бинокля — мешало дрожащее в воздухе голубоватое марево. Но вот он различил справа небольшой оазис, окруженный низкими горами, чуть в стороне находилась деревня, на которой ждали заправки десятка два бензовозов.

Но главное находилось в самом оазисе, где отчетливо виднелись не только низкие желтые здания, но даже нарисованные на них крупные арабские буквы. Возле зданий мельтешили черные фигурки, пребывающие в лихорадочной деятельности: они входили в дом, тут же выходили, таскали куда-то оружие. На площадке группа мужчин занималась физической зарядкой, недалеко от них другая тренировалась в стрельбе по мишениям — мужчины падали, поднимались, стреляли то лежа, то с колена — сухие щелчки выстрелов, ослабленные расстоянием, слышались в раскаленном воздухе.

Учебные военные занятия... Безусловно, перед ними находилась специальная тренировочная база, но не кувейтская. У тех обязательно было бы знамя и форма для солдат и офицеров. Конечно, хорошо бы приблизиться и рассмотреть все подробнее, но слишком рискованно — могут заметить и уничтожить, словно мух.

Малько опустил бинокль:

— Кажется, это именно то, что мы ищем, — задумчиво произнес он.

Ричард забыл про жару и усталость и, лихорадочно потирая руки, повторял:

— Это они! Это те самые подонки!

Надо что-то предпринимать. Палестинцы с толком выбрали для себя место: к югу простиралась нейтральная, практически необитаемая зона, на западе — мертвая аравийская пустыня и на востоке — небольшая, без единой хижины пустыня, которая обрывалась у моря. Низина, в которой обосновалась база, заглушала шум выстрелов и взрывы гранат и снарядов.

— Что будем делать? — шепотом спросил Грин, словно палестинцы могли их услышать.

— Скорее возвращаться!

Они добрались до шоссе, как вдруг рев мотора привозил их к месту. На подъеме шоссе показался зеленоватый грузовик, который тащил за собой гигантскую цистерну. Он шел прямо на них, и водитель, вне всякого сомнения, их заметил. Машина проехала мимо и помчала в сторону оазиса.

— В цистерне — вода, — прошептал Грин пересохшими губами. — Им же туда возят воду...

Малько не отрывал взгляда от грузовика, который ехал на палестинскую базу. И никак, и ничем его не остановить! Но что это? О, счастье! Через бинокль отлично было видно, что машина не замедлила хода ни перед одним из зданий и проехала дальше, в глубь пустыни, к нефтяному городку Вафре.

Грин испустил радостный вопль. Усталость с него как рукой сняло. У князя тоже пропал пессимизм, который одолевал его последнее время. Он следил, как грузовик

постепенно растворяется где-то в лиловатой дымке возле гор, и думал, что теперь инициатива переходит в их руки. Теперь настало очередь палестинцев платить за разбитые горшки. Пусть платят!

ГЛАВА XII

— Вот сюда Киссинджера пригласят обедать... Если все будет проходить хорошо... — задумчиво сказал Ричард Грин.

Справа от магистрали Малько заметил низкую длинную стену, окаймленную акацией и ощерившуюся пулеметами. В стороне виднелась казарма, возле которой выстроились солдаты в ярко-красной форме: гвардия эмира Сабах Аль Салема. Предусмотрительно он выбрал себе место — километрах в двадцати от города, между автомагистралью с одной стороны и гладью Персидского залива — с другой.

Приблизительно через километр князь увидел слева от дороги ослепительно белые, безликие, неотличимые друг от друга постройки.

— Это что еще за ульи? — спросил он.

— Новые поселения для кувейтцев, вроде городов-спутников, — ответил Грин. — Право же, есть отчего присниться кошмару...

Он закурил.

— Если мы обо всем расскажем Чаржаху, еще неизвестно, выступит ли его организация против палестинцев. Он скажет, что на этой базе просто готовятся к походу на Израиль. А для арабов это дело священное.

— Вполне возможно, — кивнул головой Малько.

— Значит, надо соответственно действовать.

— Безусловно. К тому же ни в коем случае нельзя атаковать палестинцев, не поставив в известность Вашингтон. Дело это чрезвычайно серьезное.

— Конечно, — сразу согласился Грин, — но с другой стороны, мы не обязаны обо всем им докладывать. У меня есть друг-иранец, который, я уверен, согласится нам помочь. Он уже работал с нашими людьми на юге Ирана. Хорошие были времена...

Малько не очень привлекала идея самостоятельной расправы с палестинцами. Кто знает, как обернется дело!

— И все-таки, — упрямо качнул он головой, — прежде чем начинать ликвидацию палестинцев, попросите Вашингтон оказать давление на кувейтцев.

Ричард Грин ничего не ответил и, внезапно помрачнев, отвернулся.

Они въехали в предместье Эль-Кувейта и вынуждены были резко замедлить ход. Повсюду возникали пробки. Лавки стояли настежь раскрыты, выставив на всеобщее обозрение кучу товаров по бросовым ценам. Справа от дороги Малько заметил сверкающее строение.

— Великолепная мечеть! — восхликал он, желая разрядить напряженную атмосферу.

Грин тут же откликнулся:

— Мечеть Каир Мишириф. Вообразите, что они строили ее из пивных бутылок! Не так плохо для мечети, а?

* * *

Малько проглотил уже третью рюмку водки, пытаясь рассеять плохое настроение, вызванное тупым упрямством Ричарда Грина. Тот уже в течение целого дня непрерывно стучал на машинке, сочиняя для Управления во всех деталях план атаки на палестинцев. Не хватало только поддержки авиации. Положение самое дурное. Наверняка ЦРУ не станет даже рассматривать.

Грин поднялся, наконец, радостно потирая руки:

— Послушайте, в соответствии с расписанием почты я рассчитываю получить ответ завтра утром. А как вам нравится название? Операция «Армагеддон»! Я считаю, что придумал замечательное название!

Ричарда Грина явно клонило в военный лиризм. Малько допил свою водку. Следовало как-то утихомирить американца. «Армагеддон» был политическим безумием. А если их ранят или захватят в плен... И вообще, как можно за что бы то ни было ручаться?

— А ваш иранец? — спросил Малько.

— Он на месте, — поспешил заверить его Грин.

— А оружие?

Тот хитро улыбнулся:

— У нас в посольстве есть несколько автоматов, пулеметов и гранат.

— Но вы не имеете права...

— Перевозить оружие никто не запрещает.

— Но палестинцы не меньше пятидесяти, а нас только трое...

— Четверо! — твердо возразил Грин. — Элеонора отправится вместе с нами. Поедем в стейшен-вагене, который не имеет никакого отношения к посольству, и в случае чего его можно будет оставить.

Вошла Элеонора Рикор, весьма привлекательная в своих серебряных сапожках и облегающем стройное тело миниплатье. Неплохое развлечение для воятеля! И как раз перед решающим сражением!

— Пойдем-ка в пиццерию «Хилтон»! — предложил с энтузиазмом воинственный американец.

— Пошли, — согласился Малько, — если очаровательная госпожа Рикор окажет нам честь там присутствовать.

* * *

— Получилось! — ликовал Ричард Грин.

Малько не отрывал глаз от ленты телекса, на которой повторялось одно только слово: «Армагеддон, Армагеддон, Армагеддон».

Они вышли из небольшой комнаты с аппаратами, где читались телексы. Не на шутку обеспокоенный, Малько спросил:

— Подтверждение посыпал сам начальник Управления?

— Нет, он сейчас на каникулах. Подтвердил доклад заместитель, старый мой приятель. Тип что надо! Не терпит никаких бюрократических проволочек!

Малько молчал. Теперь для него стал ясен весь этот маневр. Ричард Грин принадлежал к той партии в ЦРУ, которая жалела об утерянных методах этой организации на заре ее существования. Теперь эта партия хотела поставить руководство перед свершившимся фактом. С их точки зрения ради безопасности государственного секретаря стоило рискнуть.

Князь, казалось, уступил, поддался своему фатализму, однако его воротило от подобных методов, от этого грубого натиска, этой неразборчивости.

— Каков ваш план? — спросил он.

— План самый простой, — усмехнулся американец. — Я все рассчитал. Вы, очевидно, помните грузовик-цистерну, который в один и тот же час возит воду для жителей Бафры? Так вот, мы его дождемся и шаг в шаг, по пятам двинемся за ним. Благодаря этому нас не обнаружат раньше времени. Так? А потом мы высокочим и станем стрелять по палестинцам из «Калашниковых» и забрасывать их гранатами. Через три минуты все будет кончено.

— Из «Калашниковых»? — удивился Малько. — А я думал, что у вас — «М-16».

Грин хитровато улыбнулся:

— Военный атташе предложил такую комбинацию, он сказал, что если начнется расследование, то мы объявим, что автоматы были захвачены у палестинцев.

— А если одного из нас убьют?

— Мы привезем его тело в машине.

У этого американца на все был ответ. Малько вперил в него пристальный взгляд.

— А если нас в с е х убьют, то кто нас привезет?

— Не будьте идиотом, — скривился Грин, — тогда это сделают арабы.

Малько покорился. Что поделать — если идешь на бойню, то, по крайней мере, иди на нее весело.

— Отлично! — сказал напоследок Грин. — Итак, завтра встреча в восемь утра. Грузовик проходит между десятью и одиннадцатью, так что времени у нас будет больше, чем достаточно.

* * *

— Черт бы вас побрал! — Ричард Грин выходил из себя, кричал и ругался.

Было уже восемь с половиной. Он непрерывно набирал номер иранца, но никто не отвечал, и это длилось не менее получаса. Малько спокойно допивал кофе.

— Вы не представляете себе, что за народ эти иранцы, — сказал он. — Они никогда не говорят «нет», но никогда не делают «да».

Низкий лоб Грина собрался тяжелыми складками. Он злобно выругался напоследок и швырнул трубку. В уголочке молча сидела Элеонора Рикор, нервно поглаживая обтянутое джинсами колено. В задней части стейшен-вагена лежал огромный металлический ящик с «Калашниковыми» в таком количестве, которого было бы достаточно, чтобы начать войну между двумя государствами.

Грин набрал номер стоявшей у ворот охраны, справляясь, не ждет ли их иранец там. У князя так и чесался язык сказать, что, скорее всего, иранец со всех ног мчится в Тегеран, либо докладывает в отделение Секретной полиции Ирана о несостоятельности начальника местного Управления ЦРУ.

— Время подпирает! Мы больше не можем ждать ни секунды! — взорвался Грин. — В пути!

На Ричарде было нечто вроде полу военного костюма с бесчисленными карманами, в каждом из которых лежало по гранате. Этакое коммандо в единственном числе! У Малько, кроме его неизменного сверхлюстого пистолета, другого оружия не было, и он не позабылся даже сменить черный альпаковый костюм. Делать нечего! Стоит ли труиться ради этой дрянной авантюры?

— Значит, мы больше не ждем вашего друга? — с некоторым лицемерием вздохнул Малько. — Жаль.

Ричард сделал вид, что не рассыпал. В полнейшем молчании они вышли из отдела и сели в машину, предусмотрительно оставленную в некотором отдалении от посольства. Грин сразу свернулся к идущему вдоль моря шоссе. Малько рассеянно смотрел на черно-серое от сбрасываемых отходов море, его мысли бродили далеко. Как всегда в минуту бессмыслицы опасности, он был окрачен какой-то странной флегмой. Ни с того, ни с сего он спросил себя, что в данную минуту испытывает Элеонора? Как отреагирует она, если Малько проявит по отношению к ней некоторые знаки внимания?

К сожалению, она сидела сзади. Он обернулся, поймал ее взгляд и понял, что девушка думает о том же самом. Ее губы были полуоткрыты, в больших карих глазах затаилось выражение страха, смешанного с желанием. Они посмотрели друг на друга, как сообщники. Страх явно возбуждал ее сексуально, и князю вспомнились предусмотрительные английские пары, которые исступленно занимались любовью во время самых яростных бомбардировок. Он незаметно протянул назад руку и сжал круглое колено негритянки. Устремленно ведущий машину Грин ни на что не обращал внимания.

Ричард Грин с треском загнал в «Калашников» обойму и поставил автомат сзади в машину рядом с другими уже заряженными автоматами, потом наделил на себя запасную обойму и протянул такую же Малько. Элеонора, не говоря ни слова, созерцала весь этот спектакль. В пустыне царила абсолютная тишина, прерываемая время от времени завываниями восточного ветра. Где-то в отдалении горели нефтиные факелы, но здесь отсутствовали какие бы то ни было признаки жизни. Если не считать, конечно, палестинской «фермы», на которую Малько навел свой бинокль. Там, казалось, все протекало нормально. Одна из групп занималась на площадке гимнастикой.

Может, план Ричарда Грина не такой уж

абсурдный? А вдруг он удастся? Все было хорошо, только грузовик-цистерна почему-то запаздывала. Они присели на большой плоский камень в тени стейшен-вагена. Солнце пекло нестерпимо. И куда провалился этот чертов грузовик? Или на обессиливающем заводе началась забастовка?

Элеонора с воглем вскочила, показывая на небольшое, размером с блюдце, желтоватое существо, которое к ним приближалось. Грин прицелился и точно попал бульдожником в омерзительное создание. Из него потекла бурая жидкость.

— Паук-верблод, — заметил Грин. — Их полно в пустыне.

Малько помешало ответить гудение мотора, которое послышалось за холмом. Наверняка грузовик! Ричард кинулся к стейшен-вагену. Малько — за ним. Американец, казалось,бросил килограммов десять.

— Элеонора! — закричал он. — Садись за руль! Как только он мимо проедет, тут же пристраивайся за ним. Из-за пыли нас никто не увидит. Проезжая мимо «фермы», ты замедлиши ход, мы выпрыгнем, а ты следуй дальше еще с полкилометра и оттуда наблюдай за кодом дела в бинокль. Если все в порядке, мы выбегаем на дорогу, ты нас подбираешь, и мы смыываемся. Если нет — уезжай и возвращайся в Эль-Кувейт другой дорогой вдоль побережья.

Гудение грузовика усилилось. Вот он показался на гребне холма, тот самый грузовик-цистерна, который они видели прошлый раз. В кабинке сидел один человек. Грузовик покривлялся со стейшен-вагеном, и в тот самый миг, когда Элеонора пристроилась сзади, остановился на обочине.

— Черт подери! — рявкнул Грин. — Что с ним такое?

Малько тоже ничего не понимал. Он несколько минут подождал, потом выпрыгнул. Элеонора молча протянула ему автомат. Гигантский грузовик-цистерна, словно стена, стоял перед ними, из него никто не выходил. Молчаливое присутствие шофера, казалось, таило в себе угрозу.

Медленно продвигаясь по левой стороне, князь дошел до кабин и заглянул в нее. Она была пуста...

Подошел американец.

— Ну?

— Водитель, должно быть, вышел по малой нужде... А может, ему понадобилось срочно помолиться, — усмехнулся князь.

Грин стукнул себя по лбу:

— Ну, конечно! Сейчас как раз время молитвы! Пять раз в день правоверные должны простираться на земле лицом к Мекке.

Малько обогнул машину и справа от дороги увидел стремительно уменьшающуюся черную фигурку, которая вскоре растворилась в мареве пустыни.

— Проклятье! — выдохнул Грин, в изнеможении опершись на цистерну. — Нагнал же он на нас страх! А что, если бы сломался? — Он вытер лоб. — Я подыхаю от жажды!

Малько пожал плечами:

— У вас за спиной пять тысяч литров воды. Можете пользоваться.

— Черт! И правда! Но как тут пробьешь дырку?

— Сзади есть кран.

— А ну, подержите-ка! — Грин протянул Малько свой «Калащинков», а сам зашел за цистерну, присел на корточки, открыл огромный кран и подставил рот.

Сильная струя какой-то жидкости ударила по блаженно распившемуся лицу американца, но это выражение держалось на его физиономии не больше секунды. Рот Грина перекосился в страшной гримасе, он закашлялся, стал трясти головой и плеваться, жидкость заливала одежду и стекала на асфальт.

— Но это никакая не вода! — заорал Ричард.

Малько подскочил, подставил под струю руку и поднес к носу. Это был бензин.

Князь немедленно сообразил, что произошло, и, не помня себя, крикнул окаменевшему Грину:

— Прочь! Скорее прочь отсюда!

Он отшвырнул автоматы, рванул из всей силы Элеонору, которая от неожиданности свалилась на колени. Но девушка тут же поднялась и побежала за ним. Задыхаясь и падая, снова вставая, они пробежали метров сто. Американец старался не отставать, но, ничего не соображая, вопил:

— Остановитесь! Что с вами? Вы сошли с ума?

Через секунду ужающей силы взрыв потряс пустыню. Грузовик-цистерна превратился в гигантский пылающий шар, окруженный лохмотьями черного дыма. Малько бросился на землю в тот самый миг, когда их настигла огромной силы волна раскаленного воздуха. У него было ощущение, словно его опустили в кипящую воду. Он выпустил руку негритянки и тут же услышал ее крик. Оглушенный, ослепленный, теряя сознание, князь покатился по земле, раздирая одежду, в кровь обдирая лицо и руки об острые камни.

Прошло, должно быть, немало времени, потому что когда он очнулся, стояла мертвая тишина, над пустыней спалась черный едкий дым, над грузовиком метались оранжевые языки пламени. Все тело невыносимо болело, на обрывках костюма запеклась кровь. Он огляделся вокруг. Никого.

— Элеонора! Ричард!

— Я здесь, — послышался слабый женский голос.

В полуобгоревших лохмотьях, босиком, с окровавленным лицом, из облака пыли возникла Элеонора. Она бросилась к Малько и судорожно его обняла:

— Боже мой, какое счастье! Вы живы?! Не ранены?

— Пустяки, — ответил Малько. — Пошли искать Ричарда.

Они нашли его метрах в пятидесяти от себя, лежащего ничком, с окровавленной щеей, почти голого. Белое тело странно и жалко контрастировало с темно-бурым цветом песка и камней.

Малько его перевернул, пощупал затылок. Американец застонал и открыл глаза:

— Где они?

— Кто? — спросил Малько.

— Типы, которые нас атаковали...

— Никто нас не атаковал, просто в цистерне находилась не вода, а бензин. Небольшая дружеская шутка...

Грин, сморившись, ощупал голову:

— Но водитель...

— Он старался как можно скорее удрать, и вовсе не для малой нужды, а для того, чтобы спасти свою шкуру. Все было великолепно рассчитано. Во-первых, они нас приметили, во-вторых, выяснили, что вы знаете расписание грузовика... Кто-то доложил. Во всяком случае, если бы вам случайно не захотелось пить, мы бы как мученики идеи свободы и демократии удостоились самых пышных похорон.

Грин бросил отсутствующий взор на то, что было когда-то у него в стейшен-вагеном.

— Бежим скорее! — тихо попросил князь, — пока палестинцы не пришли сюда, чтобы взять на память наши останки.

Он помог Грину подняться. Тот еле держался на ногах. Элеонору сотрясал непрерывный истерический плач. Кое-как вся троица выбралась, наконец, на дорогу. Грузовик продолжал гореть. Почва метров на триста вокруг была покрыта толстым слоем пепла и сажи, едкий запах дыма раздирал легкие. Находясь они рядом с цистерной, от них не осталось бы даже следов. Американец только теперь стал по-настоящему приходить в себя, он покраснел, отвернулся от Элеоноры и зашел ей за спину, стыдливо прикрываясь руками.

Вдалеке послышались звуки пожарной сирены. Пожарники из Ахмади мчались на помощь. В этой напитанной нефтью стране весьма предусмотрительны во всем, что касается огня. Малько остановился, он был снова близок к обмороку.

— В следующий раз, — через силу улыбнулся он, — мы отправимся на танках «Т-34». Уж это будет надежно!

— Нечистая сила! — неожиданно вскричал Грин. — Иранец! Ну конечно же, иранец, эта сволочь! Это он нас продал!

— Не исключено! — пожал плечами князь.

По шоссе двигалась целая колонна машин. Минут через пять подъехал джип, из которого выскочила целая куча арабов, застывших от ужаса при виде страшных полуоткрытых людей в обгоревших лохмотьях, покрытых копотью и кровью.

— Чаржах здорово позабавится, — успел шепнуть Малько перед тем, как без чувств опуститься на землю.

* * *

У князя было ощущение, что он весь исхлестан гигантской плетью. Голова невыносимо болела, но, слава Богу, он цел и невредим.

Абу Чаржах лоснился, словно огромный кусок сливочного масла, однако выпуклые глаза смотрели печально.

— Вас спасло чудо, — сказал он.

— Да, — согласился Малько, — я уже находился по дороге в Мекку, собирался целовать там Черный камень...

— Я счастлив, что вы спаслись, — продолжал шейх, — но скажите мне, почему вы все от меня скрыли? Почему?! Это роковая ошибка!

— Ваше превосходительство, во имя Ричарда Грина умоляю вас меня простить! Кроме того, обещаю вам, что это никогда больше не повторится. Но я бы хотел просить вас об одном чрезвычайно важном для всех нас деле. Прослушайте, ведь палестинцы еще не знают, что мы живы. Они сейчас все там. Прикажите их, пожалуйста, арестовать. Как раз на то время, пока Генри Киссинджер будет здесь находиться. Потом делайте все, что вам заблагорассудится...

Шейх долго думал, потом с сомнением покачал головой:

— Этую проблему я обязательно должен обсудить с моим дядей эмиром. Взять на себя подобную ответственность я не могу при всем желании. Но я вам обещаю, что доложу эмиру суть дела во всех подробностях и буду за вас хлопотать перед его величеством. Надеюсь, что эмир со мной

согласится. Приходите завтра ко мне на службу, я вам все расскажу.

Малько захотелось расцеловать шейха в круглые щеки, он крепко пожал ему руку, проводил до машины, потом позвонил Элеоноре, чтобы узнать, как она себя чувствует, и сразу лег. День был нелегким.

ГЛАВА XIII

У Грина что-то случилось с позвоночником — во всяком случае, он не мог подниматься. Бедная Элеонора никак не могла доказать любовнику, что бесчисленные синяки на ее теле — вовсе не следы ударов ревнивого соперника. И все эти мучения испытывать ради того, чтобы вымогить у эмира разрешение арестовать негодяев! Да еще неизвестно, вымогли ли?..

Малько подымался в узком лифте Министерства внутренних дел Кувейта на шестой этаж к начальнику секретной полиции. Он постучался в довольно грязную дверь и вошел. Неизменные йеменцы босиком, в шароварах и с золочеными автоматами на коленях сидели на полу по обе стороны стола, за которым Абу Чаржах рассматривал досье и курил одну за другой сигареты. Без передышки звонили три телефона, шейх, не обращая на них внимания, поднялся навстречу Малько и попросил его сесть.

Подскочил полицейский, таща на поднос чай и кофе.

Князь, сгорая от нетерпения, тем не менее, спокойно принял отхлебывать чай. Шейх снял трубку, и круглое лицо его омрачилось. Малько понял, что если его и ожидал сюрприз, то малоприятный.

— Какие новости, ваше превосходительство?

Шейх прикрыл набрякшие выпуклые глаза:

— Плохие. Люди, о которых вы мне говорили, исчезли...

— Исчезли?! Но...

— Исчезли! — твердо повторил шейх. — Когда на заре мои подчиненные окружили «ферму» Аль Бафра, она была пуста.

Князь отставил чашечку с чаем:

— Но зачем же было дожидаться утра?

— Я сумел получить аудиенцию у дяди лишь вчера поздно вечером. И задача оказалась настолько серьезной, что пришлось обдумывать ее до восхода солнца.

Шейх казался искренне расстроенным. Малько пытался прочесть правду в его глазах, однако они были непроницаемы. Либо палестинцы действительно скрылись, либо шейх является дураком. Малько внезапно охватила ярость: ради чего все — кровь, смерть, пережитая опасность, если это спокойно выбрасывается в помойку? Киссинджер приезжает, а его убийцы спокойно разгуливают на свободе!

Йеменцы восседали неподвижно и строго, как изваяния. Малько постарался сдержаться. Как-никак, Абу Чарах тоже сделал немало.

Князь опустил глаза:

— Что вы теперь намереваетесь делать?

Шейх потер дряблую щеку:

— К прибытию Киссинджера аэропорт будет обеспечен строжайшей охраной. Приказано открывать стрельбу по всякому, кто без разрешения приземлится не в том месте, где его ожидают. Государственный секретарь в сопровождении пятисот полицейских немедленно отправится во Дворец Мира, который будет сторожить целая армия. — Абу Чаржах передохнул: — В распоряжение господина Киссинджера предоставят «Линкольн Континенталь» с пуленепробиваемыми стеклами...

Неожиданно Малько перебил его:

— А вы помните адмирала Каррero Бланко в Мадриде, который тоже ехал в «Линкольне» и тем не менее подорвался на мине?

Шейх нервно заерзал на стуле:

— Я прикажу проверить и обезвредить каждый метр дороги...

Малько тяжело вздохнул:

— Ваше превосходительство, если вы даже прикажете везти Киссинджера в танке, его безопасность все равно не будет обеспечена. У палестинцев есть ракеты, и вы это отлично знаете. Единственная возможность избежать покушения — это арестовать исполнителей.

Шейх замахал короткими ручками:

— Но я вас уверяю, что они скрылись, исчезли! Теперь они не осмелятся высунуть носа.

Князь недвижно глядел на Абу Чаржаха потемневшими глазами:

— Ваше превосходительство, вы можете вашей собственной жизнью поручиться за жизнь государственного секретаря?

Шейх шумно вздохнул и откинулся назад:

— Вы знаете, что это невозможно — сыпрает роль любая случайность, любая «оплошность».

Стараясь скрыть мучительную боль во всем теле, Малько поднялся. Надо было все начинать с нуля, а оставалось всего лишь пять дней.

— Ваше превосходительство, — наконец, произнес он, — я обещаю вам больше не докучать никакими просьбами, ибо немедленно обращусь в высшие инстанции с настоящим отменить визит Киссинджера.

Шейх молчал, но Малько знал, что, может быть, только что подброшенная им новость какими-то путями дойдет до палестинцев и расстроит их планы...

Знал он и то, что, конечно же, никто не в силах помешать государственному секретарю прибыть в Кувейт.

* * *

С перевязанной шеей и вздутым от ожогов лицом начальник кувейтского отделения ЦРУ казался удивительно постаревшим.

— Но ведь это катастрофа! — простонал он. — Мы же опозоримся, если теперь затеем процедуру отмены визита Киссинджера в Кувейт!

Малько обессиленный свалился на диван:

— Хорошо, тогда посыльайте в Главное управление телекс, чтобы немедленно снабдили Киссинджера кольчугой или панцирем!

Последовало тяжелое, напряженное молчание. В глубине души Малько было жаль Грина и вовсе не хотелось шутить. Конечно, самое лучшее — вообще на время приезда очистить Кувейт от жителей и населить его агентами секретной полиции.

Обхватив руками голову, Ричард отсутствующим взглядом глядел на американского орла, который висел на стене его кабинета. Малько встал:

— Хорошо. Попытаюсь что-то предпринять. Есть один малюсенький шанс... Но кто знает, вдруг дело выгорит!

* * *

— Я сейчас очень занята. У нас каждый день приемы.

Голос у Винни Заки светский, холодный, искусственный, без малейшей нотки живого интереса. Малько почувствовал, что она вот-вот бросит трубку. Может, рядом муж... Но выхода нет.

— Мне совершенно необходимо вас повидать!

— Это совершенно невозможно! — отсекает она. — Не раньше, чем через десять дней.

Ну, была не была!

— Речь идет о жизни и смерти того, кто вам очень дорог.

На том конце провода ощущалось удивление, связанное с тревогой, потом голос снова окреп:

— Что это значит? О ком идет речь?

— Я не могу говорить об этом по телефону. Необходимо увидеться.

Винни, наконец, решается:

— Ладно. Сегодня после обеда не уходите из вашей комнаты в «Шератон». Там же, в гостинице, должно быть собрание нашего клуба. Я попытаюсь уйти пораньше. Однако не думайте, что... — Не закончив, она опустила трубку.

Оставалось только ждать. Князь постоял у окна, посмотрел на прикрепленную к стене фотографию своего замка в Льезене. Если так будет продолжаться, он будет вынужден продать его кому-нибудь кувейтцу. ЦРУ не простит ему провала столь важного поручения. В мире шпионажа доверие завоевывается трудно. Он подумал об исполненной тонкой дипломатии телеграмме Ричарда Грина, посланной в Вашингтон: «Безопасность Киссинджера не может быть обеспечена на 100%»..

* * *

Часы показывали без четверти пять. О Винни Заки ни слуху, ни духу. Он боится выйти из комнаты, чтобы с ней не разминуться, это чертовски действует на нервы. Наконец, стук в дверь. Он открыл и увидел строго одетую женщину в темном платье и туфлях на низком каблуке. Волосы высоко подняты и скреплены узлом на затылке.

— Я уж думал, что вас никогда не дождусь... — Малько поцеловал тонкую руку Винни Заки, она стремительно вошла в комнату и огляделась с таким видом, словно ожидала увидеть тут дьявола.

— Мне очень трудно было уйти, — быстро произнесла Винни, — что вы хотите сообщить? Кто находится в смертельной опасности?

Золотистые глаза Малько потухли, взгляд отяжелел и стал таким же, как у его гостьи.

— Ваш муж.

По лицу женщины пробежала судорога:

— Абдул? Но почему?

— Потому, что он является одним из главных организаторов покушения на Генри Киссинджера, потому что он действует в интересах кучки экстремистов, стремящихся уничтожить человека, несущего мир, людей, которые не могут перенести даже мысли, что Израиль может сблизиться с умеренно настроенными арабскими странами. — Малько перевел дух и продолжал медленнее, голосом спокойным и внушительным: — Специальные американские службы делают все, чтобы обеспечить безопасность Киссинджера и вывести из строя участников покушения на него. Так вот, на самом высшем уровне было принято решение вашего мужа ликвидировать физически.

Прищурившись, женщина внимательно всматривалась в лицо Малько, пытаясь понять, насколько серьезно все то, что он сейчас сказал.

— Откуда вы все это знаете? — спросила она, наконец, прерывающимся голосом.

— Я сам принадлежу к этим службам, — просто ответил он.

Женщина, безусловно, об этом догадывалась. Она опустила глаза, прошлась по комнате и, дрожа от ярости, повернулась к нему:

— Вы лжете! Это выдумка!

Глаза Винни горели нестерпимой злобой, рот был крепко сжат, она дышала тяжело и прерывисто.

— Вольно вам думать, что угодно, — пожал плечами Малько. — Мое дело об этом доложить... Вы станете обворожительной вдовушкой.

Еще минута, и она, кажется, вцепится ему в лицо:

— Подлец! Вы не посмеете, никто не посмеет!

— Те, которые должны его убить, уже в пути, — сказал князь. — Вспомните о бейрутском рейде...

В Бейруте группа израильтян совершенно безнаказанно ликвидировала десятерых палестинских руководителей. Малько почувствовал, что задел чувствительную струнку. Винни заговорила тоном ниже.

— Вы рассказываете мне об этом потому, что вы — враг Заки?

— Я вам об этом говорю, чтобы сохранить его жизнь. — Теперь Малько говорил, взвешивая каждое слово: — Запомните — я не хочу его смерти, я не хочу ничьей смерти, и в том числе, убийства государственного секретаря. Вот мои предложения: вы устраиваете так, чтобы убийцы находились в моих руках и, во всяком случае, на время пребывания здесь Киссинджера, я их изолирую. Взамен я делаю все для того, чтобы ваш муж остался жив.

Воцарилось длительное молчание. Безусловно, холодный, чеканный голос Малько произвел на Винни должное впечатление, однако она покачала головой и сказала, закусив губу:

— Это невозможно. Вы их уничтожите.

— Клянусь вам, что нет!

— Но почему я должна вам верить? И вообще, как только они узнают, что я их выдала, они меня убьют!

Быстрым шагом она направилась к двери, открыла ее, обернулась. Малько не двигался:

— Вы об этом будете жалеть, — медленно проговорил он. — Всю вашу жизнь.

В глазах датчанки внезапно метнулся беспокойный огонь, она заколебалась, закрыла дверь, вновь подошла к Малько. На этот раз он почувствовал, что сломил ее. С побелевшим от страха лицом и закрытыми глазами, Винни долго стояла рядом с Малько, не говоря ни слова. Наконец, она открыла глаза:

— Я могу предложить вам одну вещь...

Князь должен был призвать на помощь все свое хладнокровие, чтобы не взвыть от радости.

— Я вас слушаю.

— Люди, о которых идет речь, будут безоружны. В последний момент оружие в аэропорт должна принести одна женщина. Я знаю, где находится это оружие... У них не будет возможности получить другое. Если вы сумеете...

Мозг Малько работал с четкостью компьютера, подавал нужные идеи, отbrasывая негодные. И вдруг его озарило:

— А эта женщина уж не японка ли, по имени Шино-Бю? Бледное лицо Винни искасалось от ужаса:

— Как... Как... Откуда вы знаете?..

Малько усмехнулся:

— Мы многое знаем... Ну, ладно, я принимаю ваши условия. Где находится оружие?

— В Гоа.

— В Гоа, в Индии?

— Да.

— Что она там делает?

— Там центр хиппи, — женщина прерывисто вздохнула, — туда съезжаются сотни этих хиппи со всего света. Нередко и палестинские команды отдыхают там в перерывах между заданиями. Индия ведь всегда была проарабски настроена... Из Индии легко вывозить оружие...

— Где я могу найти эту японку? — спросил Малько.

— Я уже вам ответила — в Гоа, в деревне, которая называется Калангут. Это все, что я знаю. Просто слышала, как Абдул об этом говорил.

Малько размышлял: если датчанка говорит правду, то это с поразительной легкостью решало его проблему.

— Скажете ли вы мужу о нашей договоренности?

Винни покачала головой:

— Это означает, что я вам поверила, но вы сами понимаете, что это невозможно.

— Отлично. Я предпочитаю вам верить. Что вы знаете об этом покушении?

Датчанка вновь ощетинилась:

— Больше я вам ничего не скажу. Более того, если что-нибудь произойдет с моим мужем, я вас убью своими собственными руками!

Малько чувствовал, что это вполне вероятно, и решил больше не настаивать.

— Я верен слову, и вы убедитесь в этом.

Она глубоко вздохнула:

— Хорошо. А теперь я должна немедленно уйти... Прощайте.

Она захлопнула за собой дверь, и Малько услышал в коридоре шум быстрых удаляющихся шагов.

* * *

— Это нетрудно, это нетрудно! — возбужденно воскликнул Ричард Грин. — И вы знаете, кто больше всех будет доволен? Японцы! Они давно ее ищут, эту проклятую Шино-Бю.

— Вы собираетесь предупредить индийских или бомбейских связных «конторы» о предстоящей операции?

Начальник кувейтского отделения ЦРУ решительно качнул головой:

— И не подумаю! Вы это дело начали, вы и должны его закончить. Я доверяю только вам.

— Вы хотите сказать, что я должен отправляться в Гоа?

— Вот именно. Разумеется, бомбейские связные будут в вашем распоряжении.

— А что вы, собственно, хотите, чтобы я делал в Гоа?

Ричард Грин выразительно постучал по столу пальцами, словно стрелял из воображаемого пулепета:

— Ликвидируйте эту полоумную японку и выбросьте в

море оружие. Все необходимое для этого получите в Бомбее.

Малько молчал. Долгие годы службы в ЦРУ не приучили его к хладнокровному убийству. И тем не менее, он признавал разумность доводов Ричарда Грина: уничтожив свихнувшуюся японку и то оружие, которое она доставит в Кувейт, он поможет избежать резни и злодейского преступления. Впрочем, Малько себя знал — убийства он не может совершить. И тут в его голову пришла мысль, которая вполне соответствовала духу всей этой акции.

— Я придумал другое, лучшее решение, — объявил он Грину.

Тот посмотрел на него исподлобья, полным недоверия взглядом:

— Какое?

Малько стал объяснять свой замысел. Поначалу Ричард не скрывал скептицизма, но по мере того, как собеседник развивал свою идею, американец все более воодушевлялся, наконец, не выдержал и вскочил с места:

— Поразительно! — вскричал он. — Я немедленно предупреждаю Бомбей и Бонн. Но до завтрашнего вечера вы не сможете уехать. Им понадобится время на подготовку. Если этот ваш план не удастся, всегда будет возможность вернуться к первому варианту.

Малько наклонил голову в знак согласия. Он тоже был рад, потому что всегда остроумное решение предпочитал применению грубой силы, когда сам опускаешься до уровня террористов, с которыми борешься.

— И еще одно, — заметил Малько, — я думаю, что в Гоа мисс Рикор будет мне весьма полезна. Вдвоем мы не так сильно выделяемся. К тому же мне нужен агент для связи.

— Абсолютно с вами согласен, — кивнул Грин. — Я немедленно ее предупрежу и оформлю в посольстве отпуск.

* * *

Несмотря на то, что стекла были герметически закрыты, омерзительный запах трущоб все равно проникал в машину. Дорога из аэропорта в Бомбей была сплошным спуском в ад. Скопища лачуг, кое-как слепленных из досок, кусков фанеры и железа, вонило о растоптанной, униженной и оскорбленной человечности. Тысячи черных глаз без всякого выражения следили, как проезжала сияющая чистотой машина, это механическое чудовище, абсолютно чуждое и дикое в их жалкой жизни.

Элеонора вздрогнула:

— Это жутко! Это невыносимо!

Молодой служащий из «конторы», который вел машину, покачал головой:

— В Бомбее приходится по три рупии на семью в день, а в Калькутте и того меньше.

Даже в самых грязных городах Ближнего Востока князю не приходилось вдыхать столь омерзительного запаха гнили и разложения. В страшных трущобах тысячи индусов, завернувшись в немыслимые лохмотья, спали прямо на голой земле. Американец замедлил ход. Они приблизились к поворачивающему под прямым углом берегу моря.

В утреннем тумане Малько заметил над вонючей, покрытой слизистым илом отмелью, где туземцы собирали ракушки, контуры какого-то величественного храма. Вокруг Бомбая простирался Индийский океан, серый и грязный, словно страна была гигантской помойкой, которая опорожнялась в море. Даже аэропорт находился в развалинах и поражал своей ветхостью, старостью и сыростью. Слава Богу, в Гоа имелся простенький, немного подгнивший самолет DC-3, который совершил один рейс в день. На индийской авиалинии как раз в это время произошла забастовка слушающих, которые получали по три обеда в неделю и теперь, ввиду повышения цен, требовали только два. «Индия-Тайм» радостно объявила о 80 миллионах безработных и повсеместных связанных с голодом забастовках.

Малько подумал, что японка Шино-Бю могла бы для пребывания выбрать страну получше.

ГЛАВА XIV

Усеянный жалкими рыбачьими хижинами пляж растянулся, насколько хватало глаз. Огромные баркасы стояли,

уткнувшись носом в песок. Тысячи жирных неопрятных ворон перелетали с места на место и непрерывно каркали. Всего лишь в пяти километрах от Бомбея существовал совершенно особый, ни на что не похожий мир. К Малько и Элеоноре небрежной походкой подошли три совершенно голые девушки, оглядели их с головы до ног, нагло расхохотались и отошли.

Малько тронул Элеонору за плечо:

— Если мы не разденемся, то будем слишком выделяться. Элеонора недолго колебалась: решительным жестом она сбросила бюстгальтер и за них трусики. То и другое Малько впихнул в сумку, с которой не расставался и в которой, кроме одежды, лежал небольшой, прибывший из Германии пакет, который служащий вручил ему на аэродроме.

Негритянке было и невolvко идти в чем мать родила, и в то же время она гордилась своей прекрасной, стройной фигурой. Итак, они двинулись в путь на розыски неуловимой террористки. По дороге то и дело попадались распостертые тела нанохавшихся гашиша хиппи.

При первом же знакомстве с калангутским «Турист-отелем» захотелось немедленно бежать на пляж: перед Малько и Элеонорой представилась омерзительная грязная клетка с набитым опилками матрасом и засохшим ржавым душем. Имелся, конечно, и телефон, но с оборванной трубкой. Элеонора провела вечер, наблюдая за тараканами бегами на зашарпанном полу.

Калангут кишел специальными дешевыми ресторанчиками для хиппи. Индузы с изумленiem глазели на чудных иностранцев, которые были, наверно, еще беднее их, потому что ходили голыми и спали на земле. В прибрежной тропической деревушке Калангут проживало совсем немного хиппи, основная масса располагалась на побережье под пальмами, кое-кто выстроил себе небольшие хижины из листьев и веток. Сюда стекались хиппи со всех стран, они, как правило, не знали друг друга и встречались лишь для того, чтобы покупать наркотики. Так что найти в этом скопище Шино-Бю представлялось делом совсем нелегким.

От колонизаторов-португальцев, которые владели Гоа в течение двухсот лет, до 1968 года, осталось лишь несколько дрогнивающих в тропическом климате церквей да немного португальских словечек в лексиконе местных таксистов. Необозримый пляж кончался каменистым утесом, на котором виднелись развалины брошенного монастыря.

Малько огляделся: хиппи — три самца и одна самка — играли с маленькой обезьянкой. «Надо бы спросить, не знают ли они японку», — подумал Малько. Поначалу ему казалось, что найти Шино-Бю просто: на это хватит нескольких часов, но теперь понял, что перед ним задача гораздо более сложная. Все местные хиппи располагались на четырех или пяти пляжах, отстоявших друг от друга на шесть-семь километров. Одни хиппи предпочитали пляжи возле маленького военного аэродрома Даволим, другие селились ближе к Калангуту.

Такси часа полтора тряслось от Даволима до Калангута, минуя озеро, пересекая маленький городок Панжим, крутиясь между рисовыми плантациями, напоминавшими Индонезию, и все это для того, чтобы вновь очутиться в «Турист-отеле». Потом начался междузяжный марафон. Ташлись от пляжа к пляжу, расспрашивали людей, из которых никто не знал друг друга. Иногда казалось, что Шино-Бю вообще никогда не существовало.

Трое парней вытаращили глаза на бархатистую матовую кожу красавицы-негритянки. Их подружка была бледной и прыщавой. Элеонора одарила ребят самой обворожительной улыбкой:

— Я ишу подругу, — сказала она. — Это японка, ее зовут Шино-Бю.

Молчание. Один делает вид, что спит, другой счищает песок с ноги, третий бросает Малько обезьянку, которая немедленно устраивается на его плече.

— Шино-Бю, вы сказали?

— Да.

Снова молчание. Хиппи подымается, их одурманенные гашишем голубые глаза бессмысленно смотрят в пространство, немыслимо тощие тела качаются, как от ветра.

— Шино-Бю? — наконец, произносит один из них, — это не та самая, которая ходит с Жамбо?

Князь, преодолевая неодолимое желание придушить прыгающее на его плече грязное животное, переспрашивает:

— Кто такой Жамбо?

Хиппи одурело глядит на Малько:

— А черт его знает! Вроде бы чернокожий, не то араб, не то негр, всегда таскает на башке вышитую шапочку и говорит всем «Жамбо»*. Вы их можете найти на Ажуна Бич, по другую сторону реки. Они там вечером проходили.

Малько удалось, наконец, избавиться от обезьяны, и он механически спросил:

— А во что она одета?

Хиппи посмотрел на него с нескрываемым удивлением:

— Одета?! Ни во что... Хотя да, она, кажется, носит серебряный пояс.

— Как можно пройти на Ажуна Бич?

Хиппи показал на каменистый утес:

— Можно пройти там, по тропинке, либо через джунгли. Надо перейти речку, но она мелкая.

Малько с Элеонорой сначала прошли пляж, потом долго петляли по тропинке. Солнце поднялось высоко и жило немилосердно. По дороге им повстречался индус, предложивший гашиш и виски, прошла мимо голая жирная девица, во все горло распевавшая непотребные песни. Они остановились, чтобы стереть заливавший лица пот.

Малько с удовольствием разглядывал словно изваянную искусным скульптором фигуру девушки, однако к ней не приближался. Они и спали в одной комнате, но Элеонора демонстративно отворачивалась к стене.

Вскоре перед ними открылся Ажуна Бич. В отличие от Калангута, здесь не было туземных хижин и жили одни только хиппи.

* * *

— Шино-Бю? Не знаю такую. Пойдите в ресторан. Может, там скажут. — Молодой бородатый американец ткнул пальцем в пространство и удалился.

Малько растерянно глядел на десятки хижин из пальмовых листьев, в каждой из которых ютилось семейство хиппи. Несмотря на палящее солнце, они лежали повсюду на пляже, некоторые целовались, некоторые играли на гитаре.

«Ресторан» оказался обыкновенной хижиной со скамейками и кухней на улице. Предприимчивый индус за умеренную плату кормил наиболее состоятельных хиппи, которые сидели тут же и ели рис с микроскопическими кусочками курицы.

Малько с Элеонорой расположились прямо на земле и заказали царское блюдо — жареную рыбу по пяти рупий за порцию. Они решили, что этим не разорят «контору». «Ресторан» оказался воистину пляжным клубом, куда со всех сторон стекались хиппи.

Малько повернулся к сидящей напротив паре:

— Вы не знаете женщину по имени Шино-Бю?

Рослый француз с длинным унылым носом покачал головой:

— Нет.

— Нет, — поддакнула его тощенькая подружка.

— А Жамбо?

Француз улыбнулся:

— Жамбо — да. Вы его ищете?

Малько молчал. Говорить об этом не стоило.

Продолжая жевать, француз отвернулся с видом полнейшего безразличия. Приходили и уходили другие хиппи. Малько с Элеонорой безо всякой аппетита доедали рыбу. Они без труда влились в это странное общество, однако до сих пор поиски не дали никакого результата. Вдруг послышался чей-то крик:

— Жамбо!

Неизвестно откуда выскоцил странный тип с очень черной кожей, мясистым лицом и приплюснутым носом. На нем была круглая вышитая шапочка и набедренная повязка, на плече висела матерчатая сумка. За ним по пятам следовала похожая на мальчишку коротконогая девица ярко выраженного азиатского типа, с плоским лицом, пуговицами

* Здравствуйте (хинди).

6. «Юность» № 3.

ними глазами и короткими черными волосами. Ее ягодицы были усеяны красными прыщами — не то венерическая болезнь, не то просто укусы насекомых.

Оба шмянулись на землю прямо перед Малько и Элеонорой. Малько старался по возможности незаметнее их изучать. Мужчина — наверняка Жамбо, а женщина — та самая мистическая Шино-Бю. Жамбо высоким резким голосом, с шутками и прибаутками принял болтать с соседями. Девица молча пожирала его глазами. Он вытащил из сумки маленьющую серебряную коробку и достал из нее кусочек коричневого цвета и начал разминать его на скамейке. Набив тестом короткую трубочку, парень затянулся и с видимым наслаждением пустил дым. Но очень скоро он скорчил гримасу и выругался:

— Сволочи! — после чего выколотил содержимое трубочки со скамейки.

Француз тут же достал пластиковый мешочек с таким же коричневым тестом, отломил кусочек и дал чернокожему:

— На-ка, попробуй афганского! Он лучше!

Жамбо вложил в трубку афганский гашиш и спокойно, с доволетворенным видом, закурил.

— У тебя есть еще? — спросил он француза.

— За двадцать рупий сколько угодно.

Малько, внимательно наблюдавший за мужчинами, не дал Жамбо времени на ответ и быстро протянул француза два билета по десять рупий. Пластиковый мешочек оказался у Малько.

— Когда захочешь еще, — сказал Малько француза, — приходи ко мне на конец пляжа. Я живу возле речки. — Он поднялся и тут же со своей подругой удалился.

Князь вытащил содержимое мешочка, разломил пополам и с улыбкой, словно всегда так делал, протянул Жамбо. Тот жадно схватил гашиш и положил в серебряную коробочку. Затянувшись еще раз, он с видом знатока оглядел Элеонору:

— А ты, сестричка, не хочешь покурить?

— Потом, — ответила застигнутая врасплох Элеонора.

— Знаменито, стариk, знаменито! — смачно сплюнув Жамбо, сдвинув на затылок вышитую шапочку, и повернулся к Малько:

— Тут у нас на Ажуна Бич не пропадешь!

Князь молчал. Этот тип с живыми глазами и мускулистым телом отнюдь не производил впечатления задлого наркомана. Какая же существует связь между ним и Шино-Бю, если это действительно она? Казалось, он всецело подавлял сидевшую рядом азиатку. Жамбо выкурил трубку и наклонился к Малько:

— Старик, сегодня у нас на пляже вечеринка. Приходи со своей девушкой и афганским гашишем, а? Я больше всего люблю афганский гашиш да еще крепкий кофе!

— А где будет эта вечеринка?

— Там, — показал он рукой, — возле утеса. Будет много народу, ты увидишь.

Жамбо говорил с Малько, однако не отрывал глаз от Элеоноры. Та, явно смущенная, опустила голову. Азиатка сидела недвижно, словно изваяние.

Князь спросил себя: «Да полно, неужели эта недоделанная девка и есть та самая Шино-Бю, которая доставит оружие для убийства Генри Киссинджера?»

ГЛАВА XV

Какая-то пара занималась любовью прямо на песке рядом с Малько. Девица стонала и время от времени вззигивала. На кострах пылали стволы огромных пальм, возле них скопукались самцы и самки хиппи. Вечеринка представляла собой смесь римских оргий, скаутских костров и американских хэппенингов. На углах стояли сковородки с мясом, чуть поодаль на пальмовых листьях громоздились горы фруктов и овощей, стояли бутылки виски и пива.

Лунный свет, казалось, окончательно свел с ума обитателей Ажуна Бич. Малько, с сумкой в руках, старался держаться как можно незаметнее. Рядом с ним Жамбо, его азиатка и Элеонора ели, пили, болтали и курили гашиш. Какая-то девица подскочила к Малько и, тыча в него пальцем, закричала:

— Осторожно! Это — дьявол! Это — дьявол! — Она впала в транс, упала на землю и забилась в конвульсиях.

Жамбо наклонился к нему:

— Не обращай внимания, старик! Она просто накачалась ЛСД и поэтому дергается, но вреда от нее никакого не будет. Лучше посмотрите, что я сейчас сделаю.

Он взял стакан виски, окунул в него сигару, но кончик оставил сухим и зажег его, после чего затянулся и предложил Малько. Смесь табачного дыма с паром алкоголя была поразительной. Князь вернул сигару чернокожему, который стал незаметно от него отодвигаться и вскоре положил голову на колени Элеоноры. Азиатка молча курила гашиш.

Малько раздумывал, как бы похитнее выведать то, что ему требовалось, и надеялся, что гашиш сделает свое дело, однако Жамбо посыпал свою трубочку и ничуть не пьянил. Вот он положил руку на грудь Элеоноры. Та смущенно поглядела на князя. Вот он, расстегнув ее платье, вынул обе тугие небольшие груди и стал их сжимать, урча от наслаждения:

— Ох, как это здорово! До чего же здорово!

В обычно целомудренную Элеонору словно вселился бес. Она не отталкивала Жамбо и, казалось, готова была ему покориться. Малько не понимал, действует ли на нее свет луны или это гашиш, который она непрерывно курила... Во всяком случае, он проклинал себя за свою сдержанность в гостинице. Азиатка же, надувшись, смотрела на партнера, но молчала: законы Ажуна Бич запрещали ревновать.

Пламя костра начинало затухать, запасы наркотиков истощались. Пары одна за другой удалялись в свои хижины. Совершенно безвольная, Элеонора лежала, запрокинув голову, чернокожий жадно ласкал ее тело. Вдруг он всей тяжестью на нее навалился, она закричала. Тогда Жамбо стремительно поднялся, подхватил девушку на руки и, опьяневшую, слабую, уволок в темноту ночи.

* * *

Элеоноре пришлось наклонить голову, чтобы войти в хижину. Внутри пахло сушеным рыбой и фруктами. Негр швырнул девушку на утоптаный земляной пол и навалился на нее. Еще ни разу, сколько Элеонора себя помнила, она не ощущала такого напора дикой, почти первобытной силы. Мужчина вбивал ее в землю с гробой тяжестью молота, и девушка с ужасом чувствовала, что с радостью вбирает его в себя. Внутри все горело и выбирало, жаркой волной отдавалось в крови. Вздымааясь и опадая, взинаясь, подобно змее, она в изнеможении билась об пол головой, кричала и выла, и кусала себе руки. Подобного наслаждения ей испытывать еще не приходилось.

Чернокожий был неутомим. Он останавливался и вновь овладевал ею. Она не знала, прошли часы или сутки, она забыла обо всем на свете — не существовало больше ни ЦРУ, ни Малько, ни оружия, которое надо было уничтожить...

Наконец, Жамбо затих и прилег рядом с нею.

— Ты откуда? — спросил он.

— Из Штатов, из Детройта.

Элеонора уже пришла в себя и лихорадочно придумывала ответы.

— Что ты там делала?

— Я давала там уроки йоги и приехала сюда для изучения новых упражнений.

— А этот белый?

— Летом он работал на Аляске штурманом парохода. Теперь он на каникулах.

— Как ты сюда приехала?

— На автобусе.

— Где ты с ним встретилась?

— В Бомбее. Он рассердится теперь...

Жамбо захотел:

— Ничего! Он забавляется с Шино-Бю!

Услышав это имя, Элеонора вздрогнула, потом робко спросила:

— А ты? Разве ты не американец?

— Нет, я — суданец.

— А что ты делаешь? Почему ты здесь?

Он на мгновение заколебался, потом хмыкнул:

— Я делаю революцию!

Девушка спешно переменила тему.

— Скажи, а твоя подруга сердиться не будет?.. Что ты со мной...

Он пожал плечами:

— Страна она хотела!.. — Помолчал, потом добавил. — Мне нравится быть с тобой. Нужно еще увидеться. Я на два дня уезжаю, потом вернусь. Ты останешься в Ажуна Бич?

— А куда ты едешь? — спросила Элеонора.

И вдруг ее оглушила тяжелая, увесистая пощечина. Негритянка в ужасе закрыла глаза. Откуда-то издалека донесся сухой голос Жамбо:

— Не задавай вопросов, дрянь! Здесь никто не интересуется делами других. На прошлой неделе одного слишком любопытного утопили в море.

Элеонора, скавшись, взглядалась во тьму. Где здесь, в этой хижине, можно было хранить оружие? Может, есть подвал?

Суданец внезапно привстал:

— Я хочу спать, убирайся отсюда!..

Элеонора схватила платье и выскользнула из хижины. Ноги подгибались, все тело болело, словно его долго били чем-то тяжелым. По пустому молчаливому пляжу девушка добрела до моря и, окунувшись, тщательно вымылась. Она вышла на берег, вытерлась платьем, дошла до потухшего костра и нашла задремавшего Малько.

Они нашли углубление в теплом песке и, прижалвшись, сели рядом. Элеонора рассказала о том, что ей удалось узнать.

— Надо найти оружие, — заметила девушка. — Не думаю, что оно находится в хижине, там даже нет замка.

— Завтра увидим, — откликнулся Малько. Оба замолчали.

* * *

Солнце сжигало голые плечи Малько, который, растянувшись на пляже, наблюдал за хижиной суданца. Негр в это время находился в море на своей лодке, занимаясь ловлей лангустов. Шино-Бю отдыхала в хижине. Малько обдумывал, как удобнее всего осуществить план.

Прежде всего необходимо выяснить, где находится оружие. До чего далеким казался отсюда Кувейт, а ведь до него было всего четыре часа полета. Да, замысел спрятать историки палестинской деятельности среди хиппи индийского Гоа был гениален. Уж где-где, а на Ажуна Бич у израильской разведки не имелось осведомителей! Если бы не Винни Заки, никому бы никогда не пришло в голову искать здесь убийца Генри Киссинджера.

— А вот и Шино-Бю, — тихонько проговорил князь.

Японка в чём мать родила вылезла из хижины Жамбо и потащилась к ресторану.

— Пойди за ней! — приказал Малько Элеоноре, — и проследи, чтобы она там задержалась подольше.

Элеонора пошла вслед за Шино-Бю, а князь направился к хижине. Находясь метрах в ста от берега, Жамбо не мог его видеть.

* * *

Под грудой овощей и фруктов Малько нашупал контуры тяжелого конверта, который он вытащил и развернул. Там лежала солидная пачка американских долларов и немецких марок, а также два билета на самолет и два паспорта. Один — на имя Джона Бугола и другой — на имя С. Кукусай. На билетах был помечен рейс N 371 Бомбей-Кувейт Кувейтской авиакомпанией на 18 января, как раз в день прибытия Генри Киссинджера. Князь завернул документы и деньги в конверт и снова положил его на старое место.

Он перетряс циновки, но ничего не нашел. Хмурый и расстроенный, Малько вышел на пляж и скрылся между кокосовыми пальмами. Если к завтрашнему дню оружие не будет найдено, его план проваливается.

Оружие-наверняка спрятано в надежном месте. Жамбо и Шино-Бю живут не связанный с хиппи жизнью. Малько пришел в ресторан, заказал чай, в котором плавали мухи, подозвал Элеонору, которая сидела рядом с Шино-Бю. Уже на пляже князь спросил, о чём шел между ними разговор.

— Ни о чем, — ответила Элеонора. — Шино-Бю сказала, что вообще ни на каком языке, кроме японского, не говорит.

— В хижине нет оружия, — заметил Малько. — Что будем делать?

А что было делать? Если оружие не найдется, нужно физически уничтожить и Жамбо, и Шино-Бю.

— Может, они зарыли оружие? — предположила девушка. — Они могли закопать его и среди кокосовых пальм, и на рисовой плантации.

Малько слушал вполуха, наблюдал за лодкой Жамбо, которая прикальвала к берегу.

— Следи внимательно, — сказал он негритянке, — это го типа нельзя упускать из виду.

Шагах в двух от них два педераста, хихикая, обмазывали друг друга кокосовым маслом. Увидя лодку Жамбо, они бросились помогать, подскочила Шино-Бю. Втроем они вытащили лодку на берег. Чернокожий швырнулся на берег пяток зеленоватых лангустов, одного отдал педерастам. Указывая на остальных, повелительно сказал Шино-Бю:

— Отнеси их в ресторан, но меньше десяти рупий за каждую не бери. Нужны деньги для гашиша!

Бросив быстрый взгляд на лодку, Малько увидел в глубине под скамейкой снаряжение для подводного плавания и тут же вспомнил, что точно такое же ему попалось в хижине. И вдруг его осенило: ведь вовсе не для того, чтобы заработать себе на жизнь, этот тип занимается рыбной ловлей. С теми деньгами, которые у него есть, в Индии можно безбедно прожить несколько лет.

В этом снаряжении Жамбо нырял на дно как раз в том месте, где ловил лангустов, возле маленького рифа, залитого прибоем. Именно в этом месте, и теперь князь ни на секунду в этом не сомневался, они и хранили оружие.

Жамбо подошел к Элеоноре, жадно схватил ее за грудь и сильно сдавил. Она прерывисто вздохнула. Малько отсутствующим взором глядел на море, Шино-Бю возилась с лангустами.

— Пошли в ресторан! — предложил Жамбо. — Что-то жрать захотелось.

Он обращался ко всем, но не отрывал глаз от Элеоноры.

Малько покачал плечами:

— Мне сейчас совсем не хочется есть. Кстати, мне срочно надо сходить на почту — я жду писем. Вы идите, я скоро приду.

Жамбо обнял женщин за плечи и направился к ресторану, нисколько не заботясь об оставленном снаряжении. Очевидно здесь, в Ахуна Бич, его боялись и никто не рискнул бы его обворовать. Троица удалилась, а Малько задумчиво глядел, как пляшут волны возле рифа, где лежало оружие, предназначеннное для того, чтобы убить Генри Киссинджера.

ГЛАВА XVI

Увлекаемый свинцовым поясом, Малько вертикально опускался в теплую воду. По сравнению с одуряющей пляжной жарой она казалась почти холодной. Довольно примитивная маска и дыхательная трубка не позволяли долго находиться под водой. Князь увидел впереди покрытые водорослями камни и, энергично работая ногами, поднялся на поверхность. На пляже никого. Если Жамбо будет с Элеонорой, у Малько впереди добрых два часа.

Он подплыл к тому самому месту, где суданец ловил лангустов, и снова нырнул. К счастью, вода была достаточно прозрачной, так что шероховатое, усеянное ракушками дно просматривалось хорошо. Справа виднелась какая-то темная масса, Малько двинулась к ней, но в этот момент у него закололо в боку и перед глазами поплыли оранжевые круги. Набрав полную грудь воздуха, он нырнул и очутился в подводном лабиринте, где колыхались шелковистые водоросли и шныряли разноцветные рыбки.

Вынужденный несколько раз подняться и опуститься, Малько находился уже на пределе сил, но он знал, что проглottое оружие где-то рядом и надо во что бы то ни стало его найти!

Лежа на спине, пловец подставил лицо горячим лучам,

размышая о том, что оружие могло быть спрятано только среди подводных камней, потому что на песке его могло унести течением. Но ведь здесь столько ходов и извилин, а подջижины автоматов новейшего образца да десятка два гранат занимают не так уж много места!

Теряя последние силы, Малько нырнул, стремясь очутиться в центре подводного массива, скрытого короткими темными водорослями. Извилистые проходы между гигантскими валунами были пусты, из некоторых стремительно высекали огромные рыбы и существа, похожие на крабов. Он добрался, наконец, до небольшого грота, который казался столь же не обнадеживающим, как и остальные, и хотел уже двигаться к поверхности, как вдруг его внимание привлекло небольшое желтое пятно.

Грудь, казалось, вот-вот разорвется, князь резким движением оттолкнулся от камня и тут же почувствовал острую боль в ноге, которую он буквально раскроил осколком коралла. Из раны хлынула кровь. Только этого не хватало! А тут еще прилив, который стал явно усиливаться и потащил его прочь от валуна.

Немедленно вниз, нырять, пусть хоть голова разорвется от напряжения и сердце выпрыгнет из груди! И Малько нырнул, стараясь точно попасть в то место, где находился маленький грот. И тотчас его пальцы ощутили шероховатость плотной прозраченной ткани, и он различил тщательно упакованный желтый мешок.

Князь немедленно в него вцепился и что было сил потащил на себя, однако мешок ни на миллиметр не сдвинулся с места. Поняв, что трясти силы бесполезно, Малько рванулся наверх и заметил сбоку зеленоватое туловище гигантского лангуста. Инстинктивно схватившись за его панцирь, он сильно ободрал руки о шершавую поверхность, однако извернулся и вцепился в панцирь снизу.

Лангуст пытался вырваться, яростно дергаясь из стороны в сторону. Но не тут-то было! Не выпуская добычу из рук, Малько резко оттолкнулся пятками и выскоцил на поверхность. Он не успел отдохнуть, как увидел чью-то метнувшуюся в двух шагах тень. «Акула», — мелькнула молнией мысль. Но это была не акула, а другой ныряльщик, который плыл навстречу, держа перед собой подводное ружье.

* * *

— Жамбо! — крикнул суданец.

Хиппи радостно взвыли в ответ. Сидя между Элеонорой и Шино-Бю, чернокожий играл роль папы, обнимая и прижимая к себе обеих женщин. Он выкурил уже третью трубку гашиша, и его настроение заметно поднялось. Элеонора думала о том, где теперь находится Малько, и с трудом скрывала нервную дрожь. Шино-Бю пожирала глазами своего повелителя, несмотря на то, что за все время он не одарил ее ни единным взглядом.

— Пошли! — сказал Жамбо и двинулся к выходу. Легонько подталкивая Элеонору, он быстрыми движениями гладил ее плечи и бедра. Шино-Бю плелась сзади. Суданец к ней повернулся:

— Да, я и забыл! У нас же кончились дрова. Поди-ка набери!

— Сейчас?

— Да, сейчас.

Японка безо всякого воодушевления побрала на другой конец пляжа, а Жамбо легонько ушипнул Элеонору:

— А ну-ка пошли, поучишь меня йоге.

Негритянке стало страшно. Этот человек, при всей его эксцентричности, поражал собранныстью и железной волей. Гашиш, казалось, не оказывал на него никакого действия.

Жамбо, словно наткнувшись на невидимое препятствие, вдруг остановился и, не отрываясь, стал глядеть в море. Элеонора проследила за направлением его взгляда, и ей, как тисками, сдавило грудь: вдалеке, над морской поверхностью, посверкивала на солнце дыхательная трубка Малько.

Забыв про Элеонору, Жамбо кинулся сначала к своей лодке, а потом — к хижине. Девушка бросилась за суданцем и столкнулась с ним, уже надевшим маску, нацепившим свинцовый пояс и дыхательную трубку, в дверях хижины. На поясе висел книжал.

Раскинув руки, девушка загородила ему дорогу:

— Жамбо! Что с тобой! Что ты собираешься делать?

Он молча развернулся и с такой силой ударил ее по зубам, что весь рот у нее сразу наполнился кровью. Падая, негритянка схватилась за ствол ружья и потянула Жамбо на себя.

— Куда ты идешь? — прошептала она. — Успокойся..

Придя в состояние дикой ярости, суданец остановился, резко выбросил вперед тяжелый кулак и попал ей как раз в низ живота. В глазах у Элеоноры потемнело, и она без чувств опустилась на землю.

— Стерва! — проскружетал чернокожий. — Погоди, я с тобой еще разделаюсь!

* * *

Не отдавая себе отчета в том, что он делает, Малько вытянул вперед руки, держа лангуста, подобно живому щиту. Ныряльщик выбрал удобную позицию, нацелился и пустил стрелу так, чтобы попасть прямо в сердце противника, но Малько, изогнувшись, отпрянул в сторону, и стрела, лишь слегка задев бедро, прошла мимо. Лицо незнакомца оказалось вровень с лицом князя, и тот узнал приплюснутый нос и глядевшие в прорези маски полные ненависти глаза Жамбо.

Прошвыкая под животом суданца, Малько заметил болтающийся у него на поясе кинжал и, ни секунды не раздумывая, рванул его на себя. С подобным оружием князь получил невероятные возможности: при желании он бы уже мог перезарядить Жамбо в печень или сердце. Но Малько не был убийцей и в нынешней ситуации довольствовался лишь тем, что стал с противником на равных.

Суданец отпрыгнул и стал лихорадочно перезаряжать ружье.

Стремясь отвлечь его внимание и задержать, Малько закричал:

— Жамбо! Жамбо! Остановись, что ты делаешь?

— Скотина! — заревел тот. — Сейчас я спущу тебя к рыбам!

Князь протянул в его сторону лангуста:

— Ты сошел с ума! Хочешь меня убить из-за этой дряни!

Несколько драгоценных мгновений было выиграно. Вкладывая в голос всю искренность, на которую он был способен, Малько продолжал:

— Я знал, что не должен был одолживать у тебя маску, но мне уж очень захотелось поймать для Элеоноры лангуста!

Даже теперь, пока чернокожий не перезарядил ружье, у князя была возможность всадить в него кинжал, но он держался до последнего еще и потому, что это убийство до времени показало бы палестинцам, что ЦРУ проникло в их планы. Вот почему суданец не должен был рассматривать Малько как противника. Подсыпив к негру, тот протянул ему кинжал:

— Возьми! Я вытащил его из твоего пояса, потому что очень испугался.

Целиком подчиняясь интуиции и отдаваясь на милость противника, князьставил на карту свою жизнь. У него было точное ощущение, что он находится в одной клетке с диким разъяренным животным и что малейшее неверное движение может привести к немедленной гибели. Жамбо колебался:

— Какого черта ты здесь болтаешься?

— Я же тебе сказал — ловлю лангустов.

Мокрое лицо суданца перекосилось:

— Врешь! Ты сказал, что должен идти на почту в Калангут!

— Я не мог! — воскликнул Малько. — Погляди, как я рассек о камень ногу!

Он поднял над водой ногу, из которой все еще сочилась кровь.

Последний довод, судя по всему, произвел на собеседника должное впечатление.

— Все равно, — пробурчал тот, — в этом месте никто, кроме меня, не имеет права ловить рыбу. Вчера я чуть не убил за это одного немца...

— Уверяю тебя, что я этого не знал! — дрожащим голосом произнес князь.

Они плыли рядом, в окровавленной руке Малько держал лангуста, которого смиренно протянул суданцу:

— Возьми его, он твой!

Этот жест окончательно покорил негра.

— Ладно, — сказал он. — Сожрем его вместе.

Князь облегченно вздохнул и посмотрел на сияющее небо, как человек, только что возвращенный к жизни. Он не знал, хитрил с ним Жамбо или нет, но важнейшая часть задачи была выполнена: место хранения оружия обнаружено. Другая часть задачи, не менее трудная, — оружие ликвидировать, осложнялась тем, что теперь суданец будет следить за каждым его шагом.

Наконец, они выбрались на берег, и Малько увидел прислонившуюся к лодке Элеонору. Губы у нее были рассечены и лицо обезображенено огромным кровоподтеком.

— Что с вами? — воскликнул князь.

Элеонора пыталась улыбнуться, но в эту минуту подошел Жамбо и с фальшивой фамильярностью положил руку на плечо Малько:

— Чепуха! Не обращай внимания, старик! Ведь лангусты — это единственное, чем я пытаюсь, а теперь их мало, потому что вода остыла. Ну, я по-думал, что ты пошел грабить мой заповедник, а она стала меня останавливать, вот и заработала... Эй, старуха! — обратился он к Элеоноре. — Я уверен, что ты скоро поправишься. Сегодня вчетвером сожрем лангуста, а завтра мне нужно в Бомбей выправить паспорта.

Сочасиеся кровью руки и нога Малько сильно болели, однако он улыбнулся и бодро ответил:

— Здорово! Мы с Элеонорой купим в ресторане овощей...

Суданец казался довольным и глядел открыто, однако Малько уловил в его взгляде злобный огонек. Негр потряс своим оружием:

— Пока!

— Пока! — кором ответили Малько с Элеонорой...

Они разлеглись на песке и рассказали друг другу о своих злоключениях.

— Надо забрать оружие! — вздохнул Малько. — Но теперь, когда этот тип нас подозревает, сделать это гораздо труднее. Во всяком случае, надо успеть помешать ему поделиться своими подозрениями с Шино-Бю.

— А не проще ли, — заметила негритянка, — немедленно сообщить обо всем индусской полиции и потребовать, чтобы она ликвидировала склад оружия...

— Нет, не проще, — живо откликнулся князь. — Во-первых, еще остался шанс осуществить мой план, а во-вторых, индурская полиция явится не раньше, чем через месяцы.

— А если она арестует их на бомбайском аэропорте?..

— Эту возможность оставим на самый крайний случай, а сейчас немедленно отправляйся в хижину к Жамбо, чтобы он ни на минуту не оставался наедине с Шино-Бю. Я пойду в ресторан бинтовать ногу и покупать овощи.

Элеонора широко открыла огромные карие глаза:

— Но ведь ночью они все равно останутся одни!..

Малько таинственно улыбнулся:

— До ночи можно много чего сотворить... Пока!

* * *

Элеонора, страшно обеспокоенная, вглядывалась в пальмовую рощу. Наступила ночь, а Малько не появлялся. Разводивший костер Жамбо нервничал, тревожно поглядывая на девушку. Та старалась в точности выполнять указания Малько и не оставляла суданца ни на секунду. Как бы в возмездие побою он немедленно повалил ее на песок и изнасиловал. Но теперь, без магического воздействия гашиша, ощущения от любовного слияния были совсем иными, и Элеонора едва сдерживалась, чтобы не кричать от отвращения.

Шино-Бю, которая ходила за дровами в лес, находившийся в двух километрах от пляжа, приволокла скакпку сучьев и бросила в углу хижины. Пока вода закипала, она молча сидела на песке, устремив глаза в темноту. Чем дольше отсутствовал князь, тем беспокойней становился Жамбо. Наконец, он не выдержал и сказал Элеоноре:

— Ты должна пойти за ним!
Негритянка пожала плечами:
— Мне лень...

Довод показался суданцу вполне убедительным, и он замолчал. Они вернулись в хижину. У соседей засветились огоньки керосиновых ламп. Неожиданно в темноте возник силуэт Малько, который освещал себе дорогу электрическим фонариком. Он слегка припадал на перевязанную ногу, с трудом таща огромную корзину.

— Где ты был? — В голосе Жамбо слышались подозрение и угроза.

Малько откинулся на циновках:

— Парнишка из ресторана на машине отвез меня до Калангутской аптеки, где мне сделали перевязку. Заодно я зашел там на рынок и накупил всякой всячины. Поглядите!

Он выложил из корзины груду овощей, десятка два бутылок с пивом, кока-колой и даже банку «Нескафе». Растворимый кофе, любимое лакомство суданца, сразу вернуло ему хорошее расположение духа.

— Потрясно, старик! Сейчас попьем кофейку! — Его толстые губы раздвинулись в лукавой усмешке: — А я думал, ты удрали, а девку подбросил мне!

Малько улыбнулся в ответ:

— Не стоит так плохо думать о людях.

Элеонора, не спускавшая с князя внимательных глаз, заметила, что он чем-то очень доволен.

— Итак, вы завтра утром уезжаете? — спросил Малько.

— Да, на заре. Кстати, перед самым отъездом я хочу поймать двух или трех лангустов на дорогу. Отличное время для ловли! — Жамбо внимательно глядел на князя. — А из Калангута, скажи, как ты сюда добирался?

— Автобусом доехал до Бага, — спокойно объяснил тот, — это недорого, всего одна рупия. А потом лесом шел до пляжа...

Малько говорил небрежно, даже с ленцой, но каждой клеточкой своего существа чувствовал, что суданец не верит ни одному его слову.

* * *

Пламя свечей начиняло затухать, от огромного лангуста остался один панцирь. Развалившись на циновке, негр стал набивать свою трубку гашишем. Малько спросил:

— Не хочешь ли кофе?
— Конечно, старик!

Малько положил в чащку растворимого кофе, добавил два куска сахара, Элеонора плеснула туда кипятку. Жамбо заплом выпил свою порцию. Остальные пили, не торопясь, каждый думал о своем. Минут через десять князь сладко потянулся:

— Я думаю, что пора спать...

Жамбо зевнул.

— Да. Но вы должны остаться здесь, возле хижины. Здесь теплее, чем на пляже. Я дам вам одеяло...

— Отлично, — сказал князь, — спасибо!

Суданец протянул ему старое, изношенное до дыр одеяло. Малько встал:

— Утром нас разбудите, надо попрощаться...
— Ну, да, обязательно.

Они устроились в небольшой ложбинке, метрах в десяти от хижины. Жамбо их проводил и уложил так, чтобы не поддувал ветер. Потом он ушел. Слабо светила луна. Удостоверившись, что они одни, Элеонора горячо зашептала:

— Я ничего не понимаю... Почему он хочет, чтобы мы остались?

— Потому что этой ночью он хочет нас убить, — ответил Малько.

ГЛАВА XVII

Элеонора приподнялась на локте:

— Боже милосердный!

Малько ободряюще улыбнулся:

— Не бойтесь! Прежде всего у нас есть чем обороняться. К тому же может произойти маленькое чудо... — Он раскрыл небольшой полотняный мешочек, и в лунных лучах тускло блеснула сталь его экстра-пистолета.

Девушка прижалась к Малько, немного повозилась и уснула, а он стал глядеть на звезды, в особенности на одну огромную, яркую, сияющую низко, над самым океаном. Можно было подумать, что это Южный Крест...

Яркая звезда скрылась за горизонтом, когда до Малько донесся хруст веток под чьими-то торопливыми шагами. Он толкнул Элеонору и вскочил, держа наготове пистолет. Девушка быстро зажгла электрический фонарик.

Перед ними, широко раскрыв пуговитные перепутанные глаза стояла Шино-Бю.

— Идите скорее! Я боюсь! Жамбо заболел!

Князь тотчас спрятал пистолет и побежал к хижине вслед за японкой. Сзади их догоняла Элеонора.

Жамбо, скрестив руки, стоял в углу хижины на коленях, устремив неподвижные глаза в одну точку. Зрачки суданца были невероятно расширены, черты мясистого лица искалечены животным ужасом. Малько проследил за направлением его взгляда и увидел, что он смотрит на огромную яркую ночную бабочку, застывшую на перекладине. Казалось, он не обратил никакого внимания на вошедших.

— Что с ним? — спросил Малько.

Японка, сбиваясь и путаясь, заговорила резким гортаным голосом на своем ужасном английском.

— Я не знаю. Как только вы ушли, он сказал, что его окружают какие-то странные видения и что ему не по себе... Потом он замолчал и стал дрожать. Он что-то показывал на полу и кричал. По земле ползали муравьи. Я их раздавила.

Он успокоился. Потом влетела эта бабочка, он ее увидел и засыпал. И с тех пор, словно безумный... Вы же видите!

Жамбо не отрывал от бабочки страшных глаз и дрожал, словно в лихорадке. Князь прошел в угол и спугнул бабочку, которая полетела прямо на суданца. И тут произошло нечто невероятное: испустив сдавленный крик, тот скорчился, потом вдруг подпрыгнул, метнулся к двери, стукнулся головой о столб, выскочил наружу и с ужасающим веем исчез в темноте ночи.

Шино-Бю, князь и негритянка кинулись за ним. Жамбо скакал по пляжу, вздыхая кверху руки и дико завывая. Японка вскрикнула и исчезла за огромным валуном.

Не помни себя, Элеонора повернулась к Малько:

— Но что это?! Объясните же мне!

Тот с ангельской улыбкой небрежно заметил:

— Я предложил ему самое изумительное «путешествие», какое можно себе вообразить. Просто на кусок сахара было положено столько ЛСД, что теперь он ощущает себя Христом, да еще совершающим чудеса!

— ЛСД! Но где вы его взяли?

— У длинноносого француза... За сто рупий купил у него дозу на двенадцать небольших «путешествий» и на одно большое.

— Но он рискует сойти с ума!

— Вполне возможно, — признал Малько. — Он и сейчас уже хороши. Насколько я знаю, бабочка должна ему представиться в сто раз больше, чем на самом деле, а сам он стал крошечным. Таково действие ЛСД.

— Но зачем вы это сделали?

В золотистых глазах Малько зажегся недобрый огонек:

— Мой план требует исключения Жамбо из игры таким образом, чтобы Шино-Бю ни о чем не могла догадаться.

— А теперь, — спросила Элеонора, совершенно потрясенная происшедшем, — что вы собираетесь делать теперь?

— Посмотрим, — ответил князь. — Если мои расчеты меня не обманывают, японка должна прибежать, чтобы просить нас о помощи.

— Нашей помощи? Да для чего же?

— А чтобы достать со дна оружие. Одной ей не справиться.

Малько предстал перед Элеонорой настоящим Макиавелли!

— Но теперь проще всего было бы оставить оружие там, где оно есть! Риска ведь все равно никакого! — воскликнула она.

— А еще лучше, если бы мы вообще никакого заговора не открыли! — сердито ответил князь. — Тише, идет Шино-Бю.

Из-за деревьев показалась тощая фигурка японки, которая, судя по всему, потеряла над собой всякий контроль.

— Это ужасно! — хрюкло заговорила она. — Я не смогла его поймать! Он бегает так, словно в него вселился дьявол!

Малько попытался ее утешить:

— Ложитесь спать. Он скоро вернется...

Однако Шино-Бю не двинулась с места.

— Утром мы уезжаем. Надо, чтобы он вернулся.

Князь мягко улыбнулся:

— Ну, к чему такая спешка? Ничего страшного не произойдет, если ваше путешествие отложится на день или два. Паспорта могут подождать.

Шино-Бю опустила голову:

— Конечно... — Она замялась, потом тревожно взглянула на Малько:

— Ведь вы останетесь...

— Безусловно. Сейчас мы пойдем спать. Позовите нас, когда он вернется.

Японка ушла в хижину, а князь с Элеонорой улеглись на своем импровизированном ложе.

— Теперь осталось немногого подождать, — подмигнул Малько.

— Вы думаете, он не вернется?..

— С той дозой ЛСД, которую я ему подбросил, этот тип должен либо добежать до Бомбея, либо дня на два забиться в какой-нибудь угол.

Девушка вздрогнула от ночной сырости и прижалась к своему собеседнику.

— Это я! — прошептала японка.

Малько поднялся. Он лежал, не смыкая глаз, потому что кроме ЛСД купил у предприимчивого француза и амфетамин, наркотик, снимающий сон, по крайней мере, на две суток. И не зря: уже назавтра Киссинджер прибывал в Кувейт.

— Что такое? — спросил князь.

— Жамбо нет до сих пор...

На верхушки кокосовых пальм ложились первые отблески зари. Шино-Бю зябко куталась в рваную кофту. С измученного лица тускло глядел обведенные черными кругами глаза. Невозможно было представить, что это жалкое создание разыскивалось полицией двенадцати стран!

— Да ложитесь же вы спать! — снова посоветовал Малько. — Разве его теперь найдешь? Может, он в лесу, а может, на рисовых плантациях...

— Но мне необходимо уехать! — простонала Шино-Бю.

— Обязательно! И не позже, чем через два часа. — Японка посмотрела на серое в этот предрассветный час море и поворотила как бы про себя: — Обязательно!

Князь совершенно неправильно истолковал ее беспокойство:

— Я скажу Жамбо, что вы уехали, и посторожу хижину, пока вас не будет.

Шино-Бю тревожно переводила взгляд с Малько на Элеонору:

— Совершенно необходимо, чтобы вы мне помогли! — прошептала она.

— Вам нужны деньги?

— Нет! Нет! Совсем не то! Но я должна кое-что отвезти в Бомбей. Жамбо спрятал это среди подводных камней в том месте, где он ловит лангустов. Пришлося там спрятать, потому что местные воруют все, что ни попадет под руку... А я не умею плавать!..

Элеонора молчала. Малько предложил:

— Это нетрудно. Я туда плавал вместе с Жамбо. А что это?

— Желтый мешок... но, — она запнулась, — об этом не надо никому говорить...

Князь развел руками:

— Кому же я могу сказать? Я никого здесь не знаю, это меня не касается. А тяжелый мешок?

— Килограммов, может, двадцать...

— Хорошо, я попытаюсь его достать. Покажите точно место, где он находится.

Море было гораздо холоднее, чем накануне. А может, сказывалась накопившаяся усталость. Малько нырял уже шестой раз, но течение то и дело отнесило его от камней, между которыми был зажат желтый мешок. Цепляясь за камень одной рукой, он другой потянул мешок на себя, но ничего не добился. Воздух в легких кончался. Тогда князь двумя руками вцепился в мешок и дернул его с такой силой, что течение их подхватило и на несколько метров пронесло вперед. Малько яростно заработал ногами и выбрался на поверхность.

Лежа среди набегающих волн, он отдушался и ощупал мешок, сквозь который явственно ощущались очертания автоматного ствола. Так вот оно, оружие, предназначеннное для убийства Генри Киссинджера!

Плыя потихоньку, Малько взял чуть в сторону, чтобы утесом его загородило с берега, и добрался до крохотного островка, на котором как раз уместился мешок. Стоя по пояс в воде, князь стащил с мешка плотную черную резиновую ленту и один за другим вытащил пять автоматов РМ-5 и десять гранат, похожих на небольшие баллончики мыльной пены для бритья. Вытащив из непромокаемой сумки список украденного в Германии оружия, он сверил его с имеющимися в наличии. Все в точности совпадало. Теперь надо было приступить к другой, наиболее деликатной и ответ-

ственной части операции. Малько верил в свою звезду.

* * *

Шино-Бю вошла в воду, навстречу плывущему к берегу Малько, который тащил за собой желтый мешок.

— Тот самый? — спросил он, тяжело дыша.

Японка схватила мешок, внимательно оглядела его со всех сторон и, кажется, убедилась, что никто его не открывал.

— Да! Да! — закивала она. — Тот самый!

Солнце уже поднялось высоко, и на пляже слонялось пять или шесть хиппи.

Князь покачал головой:

— Мешок очень тяжелый, давайте я вам помогу!

Однако японка энергично замахала руками:

— Не надо! Не надо! Теперь я сама. Мне только дотащить до ресторана, а там ихний «Фольксваген» довезет меня до Калангута. Оттуда автобус... Самолет отлетает в десять часов...

— Что мне сказать Жамбо?

— Скажите, что я уехала в Бомбей. С мешком... И что все идет хорошо.

Согнувшись в три погибели, Шино-Бю потащила желтый мешок. Малько подошел к Элеоноре:

— Теперь наступает самая горячка...

Та смотрела на него полными недоумения глазами:

— Но как же так? Ведь вы своими собственными руками отдали ей оружие! Вы же не набили мешок камнями?

Малько расхохотался:

— Конечно, нет! Она сразу проверила. Кроме того, если в этой дыре нет ни телефона, ни радио, то в Бомбее они есть, и японка немедленно может связаться с палестинцами. Нет-нет, эта дама должна быть абсолютно спокойной!

— А мы? Куда мы поедем?

— В даволимский аэропорт. Надо через гору добраться до Баги и там взять такси. Вчера вечером я зарезервировал для нас два места на рейс 15.30 Сафари-линий в Бомбей. Шино-Бю полетит на «737» Индийской авиакомпании в 11.30. Так что до Кувейта, во всяком случае, мы не увидимся, но, по моим расчетам, мы вылетаем туда на два часа раньше.

* * *

Прозрачный маленький краб вылез из уха утопленника и, перепуганный, стоявшей рядом кучкой хиппи, бросился наутек. Над раздувшимся лицом уже кружили мухи. Подошел рабочий ресторана.

— Что произошло? — равнодушно спросил он.

Какая-то девица с младенцем на руках пожала плечами:

— Не знаю... Я вчера его видела. Он, как угорелый, метался по пляжу, потом кинулся в воду. Я думала, он хочет искупаться, а он не вернулся...

— Должно быть, самоубийца, — предположил другой хиппи.

Какой-то бородатый блондин перевернул труп и обнял:

— Я — врач. Этот тип помер естественной смертью, так что давайте-ка поскорей выброем в лесу могилу да зароем его, а то хлопот не оберешься! Нагрянет полиция, то да се...

Остальные одобрительно загудели. Они и в самом деле боялись осложнений и неприятностей. Четыре человека торопливо подхватили тяжелое тело Жамбо и поволокли его в тень.

* * *

Черно-желтое такси остановилось перед аэропортом в Даволиме, который одновременно был и индийской морской базой. Самолет Сафари-линий стоял на взлетной полосе. «Боинг-737» Индийской авиакомпании с опозданием вылетел тремя часами раньше. Малько купил два билета и вошел в маленький мрачный зал. Возле входа взад и вперед ходил часовой.

— На воздухе лучше, — сказал князь и вывел Элеонору на площадку, с которой открывался изумительный вид на все побережье. Напротив стояло несколько черно-желтых — немыслимая для Индии роскошь — такси «Остин Амбасадор». Через сорок пять минут объявили рейс на Бомбей.

Пассажиров не проверяли. Кому, в самом деле, придет в голову угонять ставший DC-3?

Когда самолет поднимался над берегом и вдали начинали проступать очертания порта Васко да Гама, негритянка наклонилась к Малько:

— А теперь скажите, пожалуйста, что же вы все-таки намереваетесь делать?

ГЛАВА XVIII

Когда князь выходил из DC-3, у него было ощущение, что он попал в сточную яму: вонь стояла невыносимая! Элеонора зажала нос:

— Ну!

Она приобрела теперь человеческий вид, снова надев мини-юбку, облегающую трикотажную кофточку и удобные мокасины.

— Поехали в посольство, — предложил Малько. — Там по телексу можно будет связаться с Ричардом Грином. Ого! — восхликал он, когда они вышли на площадь перед аэропортом.

Она была абсолютно пустынна: ни единого автобуса, ни единого такси, лишь несколько полуразвалившихся частных машин да полицейский джип.

Усатый полицейский в обмотках и резиновых тапочках на босу ногу с серьезным видом расхаживал вдоль тротуара. Чуть дальше сидела на чемоданах унылая куча пассажиров. Князь подошел к полицейскому:

— Мне нужно такси.

— Невозможно, сэр, сейчас бандж.

Какой еще бандж? Прекрасно владеющий английским Малько никогда не слышал этого слова. Может, бандж — название одного из бесчисленных индийских праздников, столь способствующих индусской лени?

— Это праздник?

— Нет, сэр, это общая забастовка. Сегодня ни такси, ни автобусов на Бомбей не будет.

— Но пассажиры... — пробовал протестовать Малько.

— Ждем джипа, чтобы сопровождать автобус. Накануне избили до полусмерти шоферов и переколотили все стекла в автобусе.

Верь после этого легендам об индусской мягкости характера!

— Так отвезите меня на джипе! — загорячился князь. — Я — дипломат, и мне срочно надо попасть в Бомбей!

— Джип сломался, — пожал плечами полицейский, — ничем не можем вам помочь. Сейчас у нас куча работы! Полицейские разгоняют восставших, которые берут приступом рисовые склады! Извините, сэр! Или напишите письмо в министерство туризма.

Малько тяжело вздохнул и повернулся к Элеоноре:

— К сожалению, наши планы меняются. Шино-Бю должна быть в зале ожидания. Пойдем посмотрим, только очень осторожно, чтобы она нас не заметила.

Они прошли грязный и пыльный зал, где сидели, стояли, ели, спали, брались, болтали многочисленные пассажиры. Японка сидела на скамейке, держа возле себя здоровенный коричневый чемодан, затянутый кожаными ремнями.

Малько схватил негритянку за руку и быстро отошел от дверей:

— Проводить здесь ночь слишком рискованно. Она может нас заметить. Надо улетать.

Он подошел к расписанию полетов. Есть рейс в 8.30 Индийской авиакомпании на Дубай, Бахрейн и Кувейт. Служащий за оконечкой умоляюще сложил руки на груди:

— Ничем не могу помочь, сэр. Мест больше нет.

Малько отошел от оконечки, вложил в паспорт пять билетов по сто рупий и подал документ в таком виде. Служащий жестом фокусникабросил деньги в ящик стола, быстро зачеркнул в списке две фамилии и, улыбаясь, поднял голову:

— Отлично, сэр, идите за билетами, да поторопитесь! Регистрация почти закончилась.

* * *

Элеонора с наслаждением вытянулась в кресле самолета и повернулась к Малько:

— Вы уверены, что японка завтра прибудет в Кувейт со своим оружием?

— Совершенно уверен.

— Но как же она пройдет контроль? Аэропорт будет чертовски строго охраняться!

Малько нахмурился, отвернулся и ничего не ответил. Он чувствовал себя разбитым, сердце билось черезчур быстро — сказывалось влияние амфетамина.

* * *

Есколько толиков на посадочной площадке, они — в Кувейте. В этот поздний час аэродром безлюден, сонный таможенник быстро оформил бумаги. Малько подошел к телефону:

— Алло! Ричард!

На другом конце провода послышалось тяжелое взволнованное сопение:

— Малько! Ну, как? Вы где?

— На кувейтском аэродроме. Когда приезжает государственный секретарь?

— Завтра, в час тридцать, как и намечалось, но...

Малько его прервал:

— Простите, Ричард, мы буквально падаем с ног. Встречимся у вас завтра утром.

Пока такси везло их бесконечными кувейтскими предместьями, князь чувствовал, как в нем поднимается странная, беспричинная тревога. Он был уверен в совершенстве собственного плана, однако палестинцы могли кардинально поменять свой.

— Я подвезу вас, — предложил он негритянке.

Та опустила глаза:

— Мне кажется, что будет лучше, если вы переночуете у меня... По крайней мере, никто не догадается, что вы вернулись...

Малько попросил водителя свернуть к Сар Роуд. После Индии воздух казался ледяным. В квартире Элеоноры было тоже прохладно. Малько устало опустился на подушки, Элеонора пошла переодеваться и вскоре появилась в белоснежной прозрачной кофточке, длинной черной юбке и сверкающем ожерелье, которое подчеркивало красоту ее длинной точеной шеи. Она улыбнулась:

— Если завтра нам суждено умереть, то сегодня будем пить, танцевать и заниматься любовью.

* * *

Кабинет Ричарда Грина был битком набит здоровенными, почти под потолок, верзилами, в одинаковых темных костюмах, с одинаковой короткой стрижкой и с одинаковыми лиловыми будавками с внутренней стороны пиджаков. Один чистил свой кольт на столе Ричарда, другой пил из бумажного стаканчика кофе, третий молча стоял у двери. Основная масса агентов находилась в машинах, в квартирах, на улицах... Ждали еще подкрепление из Штатов.

Малько зашел в кабинет в тот момент, когда Грин, воля палочкой по огромной, пришплененной к стене карте, объяснял, как будут проводиться меры по осуществлению безопасности государственного секретаря.

— ...Как только «707» Киссинджера приземлится, он будет направлен диспетчерами к особому ангару Кувейтской авиакомпании, находящемуся в полукилометре от аэропорта. Там подготовлен даже зал для встречи... Обо всем этом не знает никто, кроме кучки посвященных... — Лицо Грина стало поистине вдохновенным. — Генри Киссинджер спускается с самолета и сразу же садится в бронированный «Линкольн», который немедленно направится в Сабах Аль Салем, в резиденцию эмира. За ним последует усиленная охрана.

Малько отвел Грина в сторону:

— Ну?

— Я думаю, все идет отлично, — сказал князь.

К ним подошел высокий брюнет в черепаховых очках. Грин представил их друг другу:

— Джордж Смит из Секретной службы, ответственный

за безопасность государственного секретаря во время этой поездки... Князь Малько Линге, работающий на «Компанию».

Дюжий американец чуть не раздавил Малько руку. Сплошные мускулы!

— У меня создалось впечатление, — заметил Смит, — что вы замечательно здесь поработали.

Князь едва заметно нахмурился:

— Об этом рано пока говорить. Вот если пребывание господина Киссинджера пройдет спокойно, тогда можно будет себя поздравить...

Джордж Смит пренебрежительно усмехнулся:

— Об этом не стоит беспокоиться. Повсюду расставлены мои ребята... Кроме того, ведутся работы по проверке всего пути на случай заминирования. На крыше ангара находятся стрелки, имеющие ружья с оптическим прицелом, кувейтцы дали в подмогу три вертолета со смешанным кувейтско-американским экипажем. Скажите лучше, что в ам удалось сделать?

— Мои успехи гораздо скромнее, — вздохнул князь и рассказал о том, что произошло в Индии.

Оба американца слушали самым внимательным образом.

— Что ж, — заключил Смит, — эти типы явятся за оружием в аэропорт, то есть туда, где Киссинджера не будет!

— Совершенно верно, — ответил князь, — я рассчитываю только на то, чтобы ваше изменение маршрута не стало секретом Полиции.

— Ничего, ничего. — Смит хлопнул Малько по плечу.

— В аэропорту тоже будут верные ребята! Кстати, что вы собираетесь сейчас делать? До прилета Киссинджера осталось три часа.

Малько необходимо было войти в контакт с Винни Заки.

За три дня могло произойти многое...

— Отправляюсь за новостями...

— Возьмите это. — Смит протянул князю липовую булавку, которую тот приколол к подкладке своего альпакового костюма.

Двор посольства был набит машинами, включая бронированный «Линкольн», вывезенный из Штатов на специальном самолете. Если бы у американцев было время, они бы до резиденции эмира вырыли подземный туннель.

Малько сел в снабженный телефоном «шевроле», который кувейтцы вместе с шофером передали в распоряжение посольства, и отправился в Министерство внутренних дел.

* * *

Абу Чаржа поднялся с кресла, чтобы заключить Малько в объятия. Тому показалось, что он погрузился в мягкие подушки. Черные стражи с золотыми автоматами и неизменными саблями стояли по обе стороны стола, взад и вперед бегали служащие безопасности, непрерывно звонили телефоны.

— Где вы были? — вскричал Чаржа. — Вы отлично загорели!

— В санатории, — ответил Малько. — Вы нашли палестинцев?

Круглые глаза шейха заволоклись дымкой печали:

— Нет. Но это не имеет никакого значения! Никто не сможет с оружием проникнуть в аэропорт! Все без разбора наами обыскиваются, даже дипломаты! Таков приказ эмира... Он мне сказал, что если с нашим гостем что-нибудь случится, я получу со своего поста...

— Есть какие-нибудь новости об Абдул Заки?

Мясистое лицо шейха скривилось в лукавой гримасе:

— Ну, да, только не то, что вас интересует. У него драма с Винни...

— С Винни? — нахмурился князь. — Что произошло?!

— Оказалось, что она обманывала его с одним арабом из Саудовской Аравии. Заки об этом донесли на другой день после вашего отъезда. Он избил ее до полусмерти и запер в дальних покоях дворца. Я всегда говорил, что она слишком прекрасна, чтобы принадлежать такому мерзавцу...

Малько нетерпеливо дернулся:

— Где теперь Абдул Заки?

— Да для чего он вам?

— Для того... — Князь, наконец, не выдержал и взорвался: — Вовсе не из-за этого араба он ее избил! Надо найти его во что бы то ни стало!

Шейх наступил:

— Не понимаю, к чему такая спешка!..

Князь понял, что если он хочет заручиться поддержкой шейха, то хотя бы часть правды надо ему рассказать.

— Перед моим отъездом жена Заки кое-что мне открыла. Очевидно, он об этом узнал и ей отомстил. Теперь он наверняка готовит какой-то страшный сюрприз, тем более, зная, что мы проникли в его планы.

Однако шейх продолжал упрашиваться:

— Я прикажу окружить аэропорт танками! Все палестинцы находятся под наблюдением, пятьдесят активистов задержаны на иракской границе...

— Превосходно! — прервал его Малько. — Но я настаиваю на том, чтобы немедленно начались розыски Заки и чтобы наши люди следили за каждым его шагом!

— Хорошо, — согласился Чаржах, — поехали к нему.

* * *

Со сложенными на животе руками, подобострастно согнувшись в низком поклоне, мажордом Заки красноречиво объяснял шейху:

— ...Нет, хозяина нет дома... Он в пустыне охотится с соколом... Хозяйка отыхает в дальних покоях... Да нет, все, как обычно. Он уехал на заре в своем «мерседесе»...

Больше из мажордома ничего нельзя было выудить, и князь с Абу Чаржахом покинули дворец Заки.

— Ну, теперь вы довольны? — спросил шейх. — Все понятно, Заки с утра пораньше уехал на охоту, чтобы не присутствовать на приеме, который устроит эмир в честь Киссинджера. Успокойтесь!

Малько сжал кулаки:

— Я успокоюсь только тогда, когда буду точно знать, где находится этот проклятый Заки! Узнайте, пожалуйста, номер телефона его машины!..

«Бьюик» повернул к Министерству внутренних дел. Одной рукой шейх вел машину, другой непрерывно нажимал на клавиши телефона, пока, наконец, не получил желаемого ответа. Он позвонил Заки и некоторое время прислушивался к долгим гудкам в трубке, потом повернулся к Малько:

— Никто не отвечает.

— Позвоните еще.

Ответа по-прежнему не было. Шейх с беспокойным видом заерзal на сиденье. Малько размышил. Неожиданно какой-то обрывок давно забытой информации пришел ему на ум, какое-то воспоминание... И по спине Малько пробежал холодок.

— Не можете ли вы немедленно вызвать сюда вертолет? — нетерпеливо спросил он у шейха.

Тот вытаращил на него круглые глаза:

— Для чего?

— Я все вам объясню. — Малько посмотрел на часы. Было 11 часов 40 минут.

* * *

— Черт побери! — Князь в ярости топнул ногой. Вот уже двадцать минут, как он, Абу Чаржах и два йеменца ждут на маленькой огороженной площадке пилота, который почему-то запаздывает. Наконец, послышалось гудение мотора, и на площадку въехал джип. Из него вылез пилот-египтянин с рыжими волосами и ярко-голубыми глазами. Вертолет оторвался от земли.

Они пролетели над Эль-Кувейтом, свернули на восток, покружили над аэропортом и связались с диспетчерской, сигнализируя о своем местонахождении.

— Куда лететь? — спросил пилот.

— Следуйте все время вдоль взлетной дорожки и дальше, в том направлении, в каком снижается самолет. Страйтесь лететь как можно ниже и как можно медленней.

Теперь вертолет летел почти над самой пустыней, едва не задевая крыши домишков, хижин и верхушки деревьев,

которые попадались по пути. Километров через десять Малько крикнул пилоту:

— Теперь поверните, чуть подымитесь и ведите машину к взлетной полосе.

Они долетели до середины взлетной цементной полосы, увидели окруженный машинами и танками ангар. Дальше лететь не было смысла.

— Поверните! — упрямко сказал князь, — и следуйте тем же маршрутом, останавливаясь над каждой хижиной и каждым домом, чтобы их можно было хорошо рассмотреть.

— Но кого вы ищете? — вскричал Абу Чаржах.

— Абдул Заки!

Рев вертолета заставлял жителей выбегать из домишек. Малько начинало казаться, что он ошибается.

1 час 15 минут. «707» Генри Киссинджера прибывает через пятнадцать минут. Вертолет кружил над маленькой фермой, окруженной глинобитными стенами. Ничего. Но непонятное чувство заставляло князя до рези в глазах всматриваться в жалкие, покрытые редкой соломой сараи. И вдруг на его лбу выступили капельки пота. Малько в изнеможении откинулся на сиденье — под чахлой соломой одного из сараев он заметил явственные контуры машины.

— Посмотрите-ка! — закричал он Чаржаху. — Это «мерседес» Абдул Заки!

Шейх всмотрелся и выругался по-арабски:

— Но какого черта он здесь делает?

Во дворе появились люди, один из них побежал к машине и вынес длинную трубу, которую стал укреплять на треножнике.

— Скорее прочь! Улетайте! — вне себя закричал Малько пилоту.

Вертолет резко поднялся и свернул в сторону, Малько, вцепившись в ручки кресла, не отрывал взгляда от фермы.

Сверкнуло яркое пламя, вокруг треножника взвилось облачко пыли. Из трубы была выпущена ракета, вероятно «САМ 7». Чаржах понял, в чем дело, и глухо выругался. Направляемая специальным устройством, реагирующим на инфракрасные лучи, выделяемые мотором, ракета неотвратимо приближалась к вертолету.

ГЛАВА XIX

Мозг Малько работал с четкостью записывающего устройства: вертолет... облако пыли возле треножника... куча пассажиров под плексигласовой покрышкой... Все недвижно застыло, а потом пришло в бешеное движение — какая-то страшная сила отшвырнула Малько в сторону, и он понял, что вертолет камнем падает вниз.

Пытаясь встать, привязанные ремнями йеменцы выли от ужаса, рядом с ними на корточках ползал Чаржах. Ярко-желтая пустыня с ужасающей скоростью неслась навстречу. В последний момент мотор взмыл, падение замедлилось, однако удар оказался чудовищным. Вертолет несколько раз подпрыгнул, свалился на бок, вздымая тучи камней и пыли, протащился с десяток метров по земле и остановился. Пассажиры, совершенно оглушенные, застыли. Малько жадно втянул в себя воздух и почувствовал запах гари и бензина.

— Прочь отсюда! — взвыл египтянин. — Вылезайте немедленно!

Малько толкнул плечом плексигласовую дверь, которая находилась теперь над его головой, выбрался наружу и протянул руку Абу Чаржаху, который кряхтел и ругался, запутавшись в своей дишаще. За ним вылезли оба йеменца с обезумевшими от ужаса глазами и прижатыми к животу неизменными золочеными автоматами. Последним покинул вертолет пилот-египтянин. В целом, все отделялись пустяковыми царапинами и небольшой контузией.

Они ринулись в сторону и побежали. Вертолет был охвачен пламенем, посыпался сухой треск лопнувшей плексигласовой покрышки, Малько, а за ним все остальные пришли к пересохшей каменистой земле, и в ту же секунду раздался мощный взрыв, который засыпал их до дождя горящих обломков и опалил дыханием раскаленного воздуха. Вертолет превратился в пылающий огненный шар.

Как потом понял Малько, летчик произвел смелый ма-

невр, спасший им жизнь. Он бросил вертолет на землю до того, как в него попала ракета. Мотор перестал работать, винты вращались на холостом ходу, что резко снизило количество инфракрасных лучей, сбиво направляющее устройство ракеты и смилило ее курс.

Лётчик с переломанной ключицей, кривясь от боли, опустился на камень. Один из юменцев, скатившись за голову, раскачивался из стороны в сторону и чуть не пласал — он потерял при ударе свой золоченый автомат. Вдруг князь услышал наверху, далеко в небе, характерное гудение. Он поднял голову и едва сумел удержать крик:

— Смотрите! — дернул он за руку Абу Чаржаха.

С востока, направляясь к ним, двигалась небольшая, но все увеличивающаяся точка. Это был «Боинг-707», на котором летел государственный секретарь. Через несколько минут самолет начнет снижаться и очутится в пределах досягаемости ракеты Абдул Заки.

Чаржах что-то рявкнул своим неграм, и они, как прищоренные, гигантскими шагами, с безумным огнем в глазах, понеслись к ферме. Малько и Чаржах старались не отставать. Бежать пришлось метров четыреста, но перед самой фермой из хижины грязнуль автоматный огонь. Первый негр пошатнулся и, выронив золоченый автомат, упал лицом в пыль. Другой припал к земле. Малько с Чаржахом, пригнувшись за небольшим холмиком, не отрывали глаз от глинобитной стены и полусгнившей двери ветхого сарайя. Гудение «Боинга» приближалось.

— Надо идти! — выдохнул князь. Он подполз к убитому юменцу, подобрал его автомат и одним прыжком достиг двери сарайя. Из хижины вновь застучил автомат, однака Малько ударом ноги распахнул дверь и ворвался внутрь. В «мерседес» с откинутым верхом стоял со своей треногой Абдул Заки и нацеливал ракету на летящий самолет.

Все, что произошло потом, длилось какие-то доли секунды. В сарай, потрясая саблей, ворвался негр. Абдул Заки обернулся и что-то хрюпло крикнул. С заднего сиденья поднялся странный темный предмет, в котором Малько с изумлением распознал птицу. Это был охотничий сокол Абдул Заки и нацеливал ракету на летящий самолет.

Птица метилась вцепиться ему в лицо, чтобы выклевывать глаза. Князь выхватил из-за пояса пистолет и ударом рукожатки по голове оглушил птицу. Сокол взлетел под стропила, не решаясь атаковать снова: все, с кем ему до того приходилось иметь дело, как правило, не защищались. В сарай шариком вкатился Абу Чаржах.

В эту секунду юменец в немыслимом броске подскочил к машине, а Абдул Заки наклонился, скатил лежащий на капоте автомат и, не целясь, выпустил всю обойму в живот негра. Тот стал сползать на землю, но каким-то сверхчеловеческим напряжением воли заставил себя встать, подняв над головой саблю и со всего размаха опустить ее на шею Заки.

Тот не успел даже окнуть. Сабля застряла где-то в шейных позвонках, потоком хлынула кровь, и тело Заки свалилось на тело его противника. Мощный рев потряс ветхие стены фермы. Свист реакторов взметнулся солому на крыше, перепуганный сокол забился в угол.

Чаржах поднял автомат Абдул Заки и с воем и улюлюканьем бросился к хижине. Оттуда с поднятыми руками вышли два араба в европейских костюмах. Шейх стрелял в них до тех пор, пока не кончилась обойма. Тогда он, держа автомат, словно палицу, принялся в исступлении дробить головы умирающих:

— Эти псы предали страну, которая их приютила! — тараща налитые кровью глаза, крикнул он Малько.

Взгляд кувейтца смягчился, когда он увидел распростертное тело своего слуги:

— Я же говорил вам, — тихо промолвил он, — что эти люди в нужную минуту отдадут за меня жизнь!

— Немедленно в аэропорт! — приказал Малько. — Кто знает, что еще изобрел этот Заки... Садитесь в «мерседес»!

Вдвоем с шейхом он с трудом выволок из машины тяжелое тело юменца, потом они потащили за ноги труп Абдул Заки, от которого неожиданно оторвалась голова и покатилась под сиденье. Шейх взял ее за волосы, приподнял и

плонул в глаза:

— Будь проклят, презренное порождение гиены и волка! Обтерев окровавленные руки о шаровары юменца, Малько и Чаржах сели в машину. Шейх немедленно принял звонить в отделение секретной службы, чтобы агенты ЦРУ, увидев «мерседес», не превратили его в порошок. Дорога вела к югу, и Малько понял, что шоссе делает крюк в несколько километров. Он резко повернул руль, едва не выбил золотую челость Чаржаха и повел машину голой пустыней, взметая тучи пыли и мелких камешков.

Начался кругой спуск, потом подъем, машина ревела и выбирала, как на автомобильных гонках. Неожиданно путь пересек гигантский нефте-провод, проложенный в тридцати сантиметрах от земли. Сжав зубы, Малько направил «мерседес» на металлическую змею, со всего маха врезался в нее и проскочил. За ними поднялся к небу фонтан густой черной жидкости. Шейх обернулся, и круглые его глаза затягнулись в приступе безумного нервического хохота.

Машина неслась теперь с раздирающим уши воем, потому что во время удара с нее сорвало глушитель. К счастью, они находились всего метрах в трехстах от посадочной полосы, на которую должен приземлиться «Боинг» Киссинджера. Малько захотелось кричать от радости, когда он почувствовал цемент под колесами истерзанной машины.

От прожекторного столба неожиданно отделился военный джип и двинулся прямо на них. Чтобы не терять времени, князь хотел его обогнать, как вдруг перед носом машины взметнулись фонтанчики цементной пыли от падающих повсюду пуль. Малько затормозил.

Ощетиненный нацеленными на них автоматами, джип резко остановился. Солдаты-кувейтцы в характерных арабских кубьях были готовы стрелять по первому приказу командира. Чаржах поднялся и, простирая к ним руки, заполнил, как мулла во время молитвы. К счастью, Малько заметил среди солдат блондина американца и замахал над головой лиловой булавкой — отличительным знаком секретной службы, которую вручил ему Джордж Смит.

— Внимание! Мы работаем в одном из ваших отделов!

Американец, оказывается, видел князя в кабинете Ричарда Грина. Он сделал предостерегающий знак солдатам и махнул рукой, показывая, что путь свободен.

На противоположной стороне взлетной полосы «Боинг» повернулся в нужном направлении, и Малько, наконец, успокоился, решив, что безопасность, судя по всему, оказалась обеспеченной до конца. Самолет направлялся к дорожке, ведущей к ангару, где Киссинджера ожидала вспышительная делегация встречающих.

Но что это? Малько внезапно увидел, что самолет, вопреки планам Ричарда Грина и Чаржаха, миновал ангар, вышел на другую дорожку и покатил к зданию аэропорта. Князь выругался сквозь зубы. Палестинцам, несомненно, удалось проникнуть в планы незадачливого шейха.

С оглушительным треском и грохотом, гоня «мерседес» на скорости 160 километров в час, Малько не отрывал воспаленных глаз от «Боинга-707». Гигантский самолет мчался по дальней дорожке, стремительно удаляясь от ангаров. Дипломатический корпус, бесчисленные гости эмира, Ричард Грин и куча его сыщиков стояли перед ангаром и не могли видеть происходящего.

* * *

— Мокбаках!* — крикнул чей-то голос за дверью диспетчерской. Диспетчер приоткрыл дверь и увидел двух мужчин в черной форме военной полиции с автоматами в руках. Люди в черном вошли и закрыли за собой дверь на ключ. Один из них потряс автоматом перед носом окаменевших служащих:

— Продолжайте работу! Не зовите на помощь, иначе немедленно пристрелим!

Диспетчеры в ужасе пригнули головы к столам. Молодой человек с большими пышными усами улыбнулся:

— Братия! Не бойтесь! Мы не причиним вам никакого зла. Мы — члены командос «Иерусалим», которая через несколько минут уничтожит проклятую сионистскую банду.

Диспетчеры, словно по команде, бросили взгляд на спе-

циальное укрепленное в стене зеркальце, которое показывало, что происходит снаружи. Там повсюду сновали полицейские, солдаты, ездили взад и вперед военные машины и танки. И при всем том палестинцы сумели, несмотря ни на что, проникнуть в диспетчерскую, словно к себе домой. Главный диспетчер проклял организаторов безопасности. Он был египтянином и не очень-то жаловал палестинцев.

— Что вам надо? — спросил он.

— Когда прибывает самолет Генри Киссинджера? — Главный налетчик подошел к радиарной установке. — Не бойтесь! — сказал он, — и отвечайте!

— Самолет вот-вот должен приземлиться, — пересохшим губами прошелегнал египтянин.

В этот момент в громкоговорителе прозвучал спокойный голос:

— Кувейт-тауэр, здесь ноябрь 720, фокстрот, проходим взлетную полосу.

Диспетчер, сидевший рядом с главным, тотчас ответил в микрофон:

— Ноябрь 720, фокстрот, здесь Кувейт-тауэр, номер один на посадке. Разрешаю брать конец первой дорожки...

Палестинец внимательно слушал. Слышалось потрескивание громкоговорителя. Все молчали. Наконец, вдалеке послышалось гудение «Боинга», который катил теперь по дорожке. Почти в тот же момент раздался голос штурмана:

— Кувейт-тауэр, здесь ноябрь 720, скорость контролируется.

Лицо палестинца исказила зловещая улыбка. Он наклонился к уху главного диспетчера:

— Скажите ему, чтобы направлялся к зданию аэропорта и остановился у пункта Т-3.

Диспетчер подскочил:

— Но мне даны как раз противоположные инструкции! Самолет должен подойти к ангару Кувейтской авиакомпании. Я не могу ослушаться приказа Мокбакаха!

— Поторопись! — холодно приказал палестинец. — Если ты не подчинишься, я тебя убью. Тебе, по-думай только, придется умереть за сионизм и американский империализм!

Террорист надавил дулом автомата на шею диспетчера. У того потек по спине холодный пот. Дулом автомата еще сильнее вдавилось в шею. Диспетчер проглотил слюну. Ему не хотелось умирать за Генри Киссинджера.

— Ноябрь 720, фокстрот, — сказал он придушенным голосом, — здесь Кувейт-тауэр. Ваша посадка танго 3, дорожка 2.

Диспетчер всем своим существом чувствовал, что штурман ощущал неестественность его голоса, однако дисциплинированный американец отозвался ясно и точно:

— Кувейт-тауэр, здесь ноябрь 720, фокстрот, вас понял, дорожка свободна.

Египтянин, вытаращив в ужасе глаза, смотрел на палестинца:

— Что вы делаете?! Вас же заметят! Там полно народу!

Террорист жестко улыбнулся:

— Там никого не будет. Там будем мы!

ГЛАВА XX

Шино-Бю сквозь полуприкрытые веки наблюдала за пассажирами транзитного зала. Какие-то мужчины ходили взад и вперед с озабоченными физиономиями. Она разлеглась на скамейке и стала глязеть в потолок. Он весь был в трещинах и разводах — как раз для ницней публики из Дубая, которая прибыла в Кувейт, надеясь приискать работу. Арабы в мятых и грязных дишдашах не обращали никакого внимания на тошнющую японку, которая походила на обгнившую бродяжку.

В Бомбее никакой проверки багажа не было. В Кувейте ее чемодан вместе с другим багажом, пред назначенным для транзита, поместили между тран-

* Военная служба безопасности.

зитным залом и холлом аэропорта. Таможенному досмотру они не подлежали. Самолет на Бейрут отправился в 4 часа 30 минут, багаж грузился за час до отлета.

Японка чувствовала себя в полнейшей безопасности и, усмехаясь, поглядывала на битком набитые таможенные боксы, где проходил такой свирепый обыск, что пассажир был счастлив, если разрешали пронести зубочистку. Дела с доставкой оружия пока шли отлично, но Жамбо не выходил у Шино-Бю из головы. Она никак не могла понять, что с ним приключилось. Кроме того, японка боялась, что встречающие могут ее не узнать.

Неожиданно она увидела какого-то мужчину, который, показав на контроле раскрытым документ, спокойно вошел в транзитный зал и пересек его из конца в конец с таким видом, словно кого-то искал. Мужчина, уже в годах, с седоватыми усами и интеллигентным лицом, выглядел солидно и представительно. Шино-Бю сидела на скамейке, вытянувшись вперед всем своим тощим телом, и едва держивалась, чтобы не закричать.

Усатый подошел к стойке бара, заказал кофе и, облокотившись на стойку, стал внимательно изучать находившихся в зале. Видимо, в чем-то удостоверившись, он отставил чашечку в сторону, вновь пересек зал и опустился на скамейку напротив неказистой иностранки.

— Шино-Бю?

Он говорил, почти не разжимая губ, и ей показалось, что она ослыпалась. Однако мужчина смотрел на нее, не отрываясь, и японка сделала непроизвольное движение, чтобы встать. Но усатый жестом приказал ей не двигаться.

— Спокойно. За нами, может быть, наблюдают. Мы боялись, что вы не приедете. У вас были какие-нибудь осложнения?

Она заколебалась:

— Да... Перед самым отъездом Жамбо заболел. Поэтому я одна.

— Болен!
В его голосе послышалось облегчение.
— Где чемодан?
— С другой стороны. Перед таможней.
— Какой он?
— Коричневый, с ремнями и белой отметкой сзади.
— Великолепно! — улыбнулся он. — Я благодарю вас от имени моих товарищих. Всего хорошего. На-деюсь встретиться с вами в Бейруте!

Усатый встал и удалился, и как раз в этот момент на одной из взлетных дорожек японка увидела медленно приближающийся гигантский самолет с американским флагом на борту. Еще метров тридцать — и он остановится перед стенами аэропорта. Шино-Бю затягала дыхание. Где находились сейчас члены командос «Иерусалим», что они делали? А вдруг им не удалось проникнуть в аэропорт?

* * *

У Ричарда Грина возникло ощущение, что его сто двадцать килограммов превратились в груду желатина. Повернув голову, он увидел остановившийся возле аэропорта в полутора километрах от них «Боинг-707» Военно-воздушных сил США. Там не предусматривалось планом никакой охраны прибывающего самолета.

— Нечистая сила! Что происходит! — взывы американец. Возле него толпились полицейские, солдаты и агенты секретной службы. Огромный красный ковер окружала живая автоматная изгородь, гигантский ангар Кувейтской авиакомпании, казалось, потонул под бесчисленными пулеметами.

Ричард повернулся к помощнику Абу Чаржаха, который организовывал встречу:

— Сделайте же что-нибудь, черт возьми! — Он в отчаянья воздел руки к небу:

— Как это получилось?! Кто дал приказ экипажу самолета остановиться возле аэропорта!?

— Безусловно, диспетчеры из контрольного пункта, — побелевшими губами прошептал кувейтец.

— Позвоните туда немедленно и прикажите, чтобы переменили команду и приказали самолету поворачивать к ангару!

Кувейтец кинулся к машине и стал лихорадочно бить по клавишам телефона. Возле него с окаменевшим лицом ждал Грин:

— Ну, что?

— Они... они... не отвечают.

Грин секунды две стоял неподвижно, потом ринулся к полицейскому джипу и втиснулся в кабину, сзади в мгновение ока очутились три агента секретной службы. Один из агентов по передатчику дал немедленную команду всем полицейским, рассыпанным по территории аэропорта, мобилизоваться и быть готовыми к атаке. К сожалению, большинство из них находилось слишком далеко от места событий, чтобы оказать действенную помощь. Ричард в отчаянье смотрел на приближившийся к аэропорту самолет. Чтобы туда доехать, требовалось, по крайней мере, минуты четыре. Целая вечность... Что же делать?! Что делать?..

* * *

На пределе последних сил «мерседес» одолел последние метры, ведущие к аэропорту. Масса других машин мчалась отовсюду в том же направлении, но все они находились гораздо дальше «мерседеса».

* * *

— Откройте! — крикнул чей-то нетерпеливый голос. — Откройте немедленно!

Диспетчеры, которых палестинцы продолжали держать под прицелом, молча в отчаянья переглянулись. Возле диспетчерского пункта просвистели реакторы «Боинга». Радио проговорило:

— Куйват-тауэр, здесь ноябрь 720, фокстрот, приближаюсь к танго 3, конец.

Радио замолкло. В дверь отчаянно колотили ногами и прикладами. Один из палестинцев крикнул по-арабски:

— Если вы сорвете дверь, мы немедленно убьем диспетчеров!

Снаружи продолжали неистово бить по двери, которая уже почти срывалась с петель. Палестинец отчеканил:

— Ликвидируем первого заложника!..

Он схватил одного из диспетчеров за волосы, повалил его на колени, пригнул голову к полу и стволом пистолета надавил на шею:

— Скажи им, что я с тобой делаю, собака!

Тот дрожащим, срывающимся голосом истерически запопил:

— Остановитесь! Прошу вас, остановитесь! Он сейчас меня убьет!

Двое других диспетчеров застыли, не в силах вымолвить ни слова. Наконец, старший произнес:

— Что же вы с нами делаете?! Мы ведь такие же арабы, как и вы!

— Вы не арабы! — сквозь зубы прошипел палестинец.

— Вы грязные собаки и подлецы. Иначе бы вы сражались вместе с нами!

— Откройте! — орали снаружи. — Вы врете! Мы не верим ни единому вашему слову!

— Не верите, псы! — Палестинец нажал на спуск, и пули просвистели в нескольких сантиметрах от головы несчастного. — А ты молчи! — крикнул палач сжавшемуся в комок диспетчера. — Не то...

Кошмар длился, диспетчеры ждали неминуемой смерти, раздирая уши, свистели реакторы «Боинга»...

— Мы казнили первого заложника! — выкрикнул палестинец. — Оставьте нас в покое! Через десять минут мы выйдем!

По ту сторону двери раздался сухой требовательный голос кувейтца-командира:

— Огонь!

Раздался глухой взрыв, окутанная клубами сизого едкого дыма дверь рухнула, и палестинец с колена пустил автоматную очередь в образовавшийся проем. Лавина солдат и полицейских отхлынула. Другой палестинец выхватил из кармана гранату, снял пре-дохранитель и с криком «Палестина! Палестина!» швырнул ее в микрофон.

Дальше все смешалось: в диспетчерскую ворвались солдаты, которые почти в упор расстреляли палестинца с автоматом, стоявший на коленях диспетчер мешком свалился на пол с раздробленной головой, былбит и второй палестинец. В этот момент взорвалась граната, во все стороны метнулись длинные языки пламени, посыпались осколки, стоявший возле микрофона диспетчер превратился в воющий горящий факел, третий выскочил в коридор и тут же упал, сраженный десятком пуль.

Из разбитых окон диспетчерской валили клубы черного дыма. Пламя сжирало трупы террористов, погибших солдат и полицейских. В это время внизу, отданый на милость командос «Иерусалим», остановился везущий Киссинджера и десятка три журналистов «Боинг-707».

* * *

Пятеро носильщиков в белых комбинезонах с эмблемой Кувейтской авиакомпании на спине, не торопясь, прошли в багажный зал, и тут же непонятно откуда раздались автоматные выстрелы. В транзитном зале началась паника: люди бросались на пол, стремились выскочить на летное поле, их отбрасывали контролеры в полицейской форме, отовсюду слышались крики о помощи, ругань и проклятия. К зданию подкатывал «Боинг-707».

Однако среди всей этой суеты носильщики оставались совершенно спокойными, словно это их не касалось. Подхватив с дюжины чемоданов, они вынесли их наружу, выбрали коричневый с ремнями и белой отметкой и моментально его раскрыли. Не прошло и минуты, как автоматы были разобраны, а гранаты рассованы по карманам. Метрах в двадцати от белых комбинезонов стояла громада недвижного самолета.

Раздался взрыв — из окон диспетчерской повалил черный дым. Двое носильщиков, навалившись на передвижную лестницу, покатили ее по направлению к «Боингу».

Остальные охраняли их с тыла. Теперь, казалось, ничто не могло помешать миссии самоубийц-террористов.

В том случае, если члены экипажа, ни о чем не подозревая, откроют дверь, палестинцы должны были забросать проем гранатами и поливать автоматными очередями всех, кто попытается спастись. Если же дверь не будет открыта, члены команды договорились стрелять по крыльям и бросать гранаты под самолет, от чего тот должен был обязательно взорваться.

Стоя напротив «Боинга», руководитель команды Салем Бакрчувствовал, как по его спине побежали струйки холодного пота, а во рту появился неприятный металлический вкус. Он подумал, что это, возможно, от страха или что он не выработал в себе привычки с отрешенной мудростью думать о собственной смерти. До сих пор он успешно занимался вопросами смерти других.

* * *

Малько заметил и людей в белых комбинезонах, которые катили передвижную лестницу, и идущих за ними других с автоматами наперевес, и черный дым, поваливший из окон диспетчерской.

— Это террористы! — не помня себя, закричал он Чаржаху.

Тот, киля яростью, перемежал арабские проклятия с английскими. Малько промчал справа мимо «707» и резко повернул налево. Взвыли тормоза, «мерседес» занесло на повороте, и он оказался между людьми в белом, катившимися лестницу, и носом «707». Малько с Абу Чаржахом спрыгнули на землю. Однако первый носильщик уже целился в князя, и не успел тот выхватить свой экстра-пистолет, как он выстрелил. Раздался сухой щелчок, и по белому комбинезону побежала густая алая кровь: оружие взорвалось в руках террориста и разворотило ему грудь и лицо.

Малько присел на корточки, прицелился в Салема Бакра и два раза выстрелил. Журналист повернулся вокруг собственной оси, упал на колени, поднялся... Отбросив автомат, он скватил гранату и из последних сил швырнул ее в сторону «Боинга». Граната подпрыгнула, покатилась и остановилась под крылом, метрах в трех от Малько. Взрыв не последовал.

Один из палестинцев прятался за передвижной лестницей и швырнул гранату оттуда. Она попала Малько в плечо, стукнулась о цемент и покатилась к передней части «707». Результат оказался тот же — граната не взорвалась.

Три машины, полные солдат, полицейских и агентов секретной службы, на полной скорости мчались к «Боингу». У оставшихся в живых террористов оставалось совсем мало времени. Стоя на коленях, раненый журналист подобрал брошенный автомат и прицелился в бак с горючим. Он нажал на гашетку, но автоматной очереди не последовало. Вместо этого оружие как-то странно дернулось в его руках и от него в разные стороны посыпались рваные металлические осколки, несколько из них впились в лицо Салема Бакра. Воя от боли, он скочился на цементе.

Потрясая кинжалом, Абу Чаржах смело бросился вперед, презирая смерть и стрелявших палестинцев. Трое из них одновременно швырнули свои гранаты, но те, словно шары для гольфа, лениво покатились в разные стороны. Малько в двух шагах от себя видел искаженное злобой и ненавистью лицо четвертого террориста. Он хотел полить смертельной очередью и Малько, и самолет, но коробка его РМ-5 неожиданно взорвалась, и отброшенным стволом ему рассекло горло. Он повалился вперед, а на смуглом его лице так и застыло выражение напряженного удивления, смешанного с ужасом.

Террорист, который прятался за передвижной лестницей, захотел попытать счастья с другой гранатой, начиненной фосфором. Он рванул предохранитель, но из гранаты с шипением вырвалось пламя, и через секунду горевший, словно факел, палестинец катился по земле, безуспешно пытаясь сбить с себя огонь.

Никто не может в точности определить, кто убил пятого палестинца. Его автомат тоже рассыпался на раскаленные куски при первом же выстреле, но в этот момент подкатил джип, и из него полетел такой град свинца, что им

вполне можно было сразить закованного в броню рыцаря. Однако полицейские и солдаты не переставали с наслаждением всаживать заряд за зарядом в тело, которое давно превратилось в кровавое месиво.

Из первого джипа, тяжело дыша, выбрался Ричард Грин. Схватив за плечо Малько, он едва не свалил его на землю:

— Все в полном порядке?!

— Было бы лучше всего, чтобы ОН не смотрел на все это через стекла иллюминаторов, — ответил князь, едва приходя в себя после этого поразительного боя.

Кувейтские солдаты рвались искромстатья рас простертые тела, как бы желая отомстить за пережитый страх, и Абу Чаржах еле их успокоил, американцы из секретной службы в молчании окружили «Боинг» и образовали возле самолета живую щитоукрепленную оружием изгородь. Появился, наконец, механик, настоящий, а не поддельный, с аппаратурой и микрофоном, так что с «Боингом» можно было наладить связь. Ричард Грин взял микрофон:

— Говорит Ричард Грин, — торжественно объявил он.

— Мы победили, опасность миновала. Через несколько минут государственный секретарь может спокойно высаживаться из самолета.

Группы моментально убрали и кровь подстерли, чтобы лауреат Нобелевской премии Мира не осквернил свой взор видом отвратительной бойни. Подкатил бронированный «Линкольн» в сопровождении военного эскорта.

Полицейские кувейты, в свою очередь, оцепили транзитный зал, дотошно проверяя и держа под охраной всех пассажиров. С поднятыми над головой руками вывели Шино-Бю. Заметив Малько, она вздрогнула и рванулась в сторону, пытаясь бежать. Ее сбили ударом приклада и, оглушеннную, окровавленную, бросили в стоявший рядом джип.

Малько с грустью смотрел на происходящее. Подошел шейх, успокоившийся, с довольным круглым лицом и удивленными вытаращенными глазами:

— Вы — герой! — Он с несвойственной ему нежностью взял Малько под руку. — Но объясните, как вы этого добились? Почему оружие взрывалось?

— Э, это старый трюк! — устало улыбнулся князь. — Старый и очень простой. Я запомнил его еще с героических лет Отдела специальных служб. Оружие, как вы знаете, было обнаружено в Индии, а так как оно ворованное, то модели его известны. — Малько передохнул и продолжал: — Проще всего, конечно, с автоматами. Там первые патроны в обойме заменяются патронами-ловушками, изготовленными лабораториями ЦРУ в Германии. Вместо сорока трех граммов пороха — три грамма специального вещества, и оружие взрывается в руках стреляющего. С гранатами — тот же самый принцип...

Абу Чаржах слушал, боясь пропустить слово, и восхищенно прищелкивал языком. Офицеры Мокбакаха торжественно подкатывали к «Боингу-707» новую передвижную лестницу. Генри Киссинджер мог спокойно ступить на землю Кувейта.

Текст предоставлен издательством «АЛНАТА» (Париж — Нью-Йорк).

ЖУРНАЛ «ЮНОСТЬ» ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1995 ГОДА

Сорокалетие популярного журнала

Журнал для тех, кто не только молод духом, но и верен идеалам правды и благородства, для кого в каждом рас-свете — песня и цвета романтики; а в каждом закате — нежность мечтаний и надежда на новый рассвет. Чувствуете жесткий ритм времени, современники?! Все больше волков вокруг. С волками поволчьи не выть. Дон Кихоты выходят на тропу войны.

Современная ПРОЗА России
Ольга АКИМОВА в повести «ПРИГОРОД» описывает славно-незамысловатую жизнь Раи К., характерной жительницы огромных российских просторов.

Андрей БЕЛЯНИН, астраханский сказочник, сочинение-фэнтэзи «ДЖЕК».

Андрей БЕКЕТОВ, ищущий неожиданного в уже якобы известном. Роман-интрига об императрице Елизавете Петровне «ТОСКА О ДЕВИЧЬИХ ГРЕЗАХ».

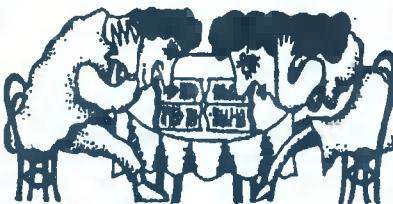
Леонид БОРОДИН, чьи романы, повести, рассказы уже вошли в сокровищницу отечественной литературы; лирик среди прагматиков и прагматик среди лириков, вечный неотступающий с повестью из русской истории.

Сергей ДЫШЕВ, за плечами у которого поля и горы афганских сражений, Приднестровья и прочих «горячих точек», давний автор «Юности», мастер военной прозы с повестью «ПОСЛЕДНИЙ СТРЕЛЯЕТ В НИКУДА».

Сергей ЕСИН, острый пародоксалист, сегодня — наиболее любопытный писатель в области социального психоанализа, для которого характерно — отсутствие страха перед образом врага и неожиданность слова. Роман «ГУВЕРНЕР».

ТИМУР ЗУЛЬФИКАРОВ, слагающий поэтические гимны во славу человеческой души, странствующей в потемках Вселенной. Новеллы. Поэмы. Притчи.

Александр НЕМИРОВСКИЙ, один из самых

комп-тентных комментаторов мифов Эллады и Библии, автор увлекательных приключенческих повестей из жизни древнего мира. Роман о загадочном философе-правдоискателе «ПИФАГОР».

Валерия НАРБИКОВА, авангардистка литературной перестройки, тонкий мастер литературной вязи. Литературные эссе «УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИК. КУМИР И ПОКЛОННИК».

Владимир ОРЛОВ — знаток бурной жизни домовых, любитель соленых арбузов, один из самых ярких прозаиков современности. Роман «ШЕВРИКУКА, ИЛИ ЛЮБОВЬ К ПРИВИДЕНИЮ» (книга третья).

Марк ПАЙКИН — грустный эпик, оставилший нам роман «СТАНЦИЯ ЕРЦЕВО СЕВЕРНОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ» (предисловие Людмилы ПЕТРУШЕВСКОЙ).

ТАИСИЯ ПЬЯНКОВА. Ее повести «Берегиня» и «Летаса Гнутый» написаны сочным языком русских сказов, создают выпуклые образы народных героев и героев легенд.

ВАЛЕРИЙ РОНЬШИН, осуществляющий бурный прорыв в российскую словесность, исследующий тайны подсознания и, пожалуй, самый любопытный российский писатель-мистик. Повесть «СТРАННАЯ ТЕНЬ НЕОЖИДАННОГО СТРАННИКА».

Русские писатели дальнего зарубежья

Александр АНТОНОВИЧ, один из крупнейших мастеров русской прозы, поклонник традиционно-кристального русского языка; по призванию — вольный певец, по воле времени — психолог и социальный анатом. Роман о неиз-

бежностях коммунальной квартиры и ее обитателей.

Фридрих ГОРЕНШТЕЙН, писатель мирового класса, как всегда уверенно поднимающий знамя русского психологического романа. Кинороман «МАРК ШАГАЛ».

Петр МУРАВЬЕВ, родившийся в эмиграции, учившийся в Югославии и Германии, соредактор «Новостей» и «На переломе», работавший в США инженером и экономистом; защитивший докторскую диссертацию по истории критической мысли в России XIX века. Рассказы «ЗВЕЗДЫ НАД СМОЛЕНСКОМ», «СКАЗКА О МАЛЕНЬКОМ АНГЕЛЕ», «В ТЕНИ ЛОВЧЕНА».

Иностранная проза

Итало КАЛЬВИНО, классик итальянской литературы. Роман-путешествие, роман-фантазия «НЕВИДИМЫЕ ГОРОДА».

Морис МЕТЕРЛИНК, лауреат Нобелевской премии, «ЖИЗНЬ ПЧЕЛ».

Уильям САРОЯН, кумир читающей публики 60-70-х годов, американский писатель армянского происхождения. Неопубликованные рассказы.

Литературное наследие

Николай УЛЬЯНОВ о национальном вопросе, русской истории, достоинстве человека.

Борис ЗАЙЦЕВ. Эссеистика. Зинаида ШАХОВСКАЯ. «ОТРАЖЕНИЯ».

Историческая беллетристика, документы

«ШЕВАЛЬЕ Д'ЕОН». Книга о знаменитом интригане, дипломате и шпионе XVIII века, выступавшего то в женском, то в мужском обличии. С редкими иллюстрациями.

НИКОЛАЙ И. Речи.

«ЧАСТНЫЕ ПИСЬМА 1812 ГОДА» — переписка двух русских женщин, проникновенно описывающих ту далекую жизнь, которая воспитала любовь к отечеству.

Дом поэтов

Старейший поэт и исследователь литературы Лев ОЗЕРОВ продолжает публиковать верлибры о знаменитых друзьях «ПОРТРЕТЫ БЕЗ РАМ».

Владимир СОКОЛОВ, классик лирической поэзии: «СТРОКИ ДАВНЕЙ ЛЮБВИ».

Елена ШВАРЦ, почти постмодернист, «МАРТОВСКИЕ МЕРТВЕЦЫ».

Генрих САПГИР. «ГЕННИЙ ЛИНИИ».

Ирина АЛЕКСЕЕВА. «АНГЕЛ ОСЕНИ».

Ольга ШЕВЕЛЕВА. «ПЕСНЬ ОДИССЕЯ».

Наследие: К. БАЛЬМОНТ, О. ДМИТРИЕВ, Л. РЕЙСНЕР, П. ЯШВИЛИ, Ю. ДАНИЭЛЬ, А. ТИХОМИРОВ, Р. КРЕПКОВА.

Поэты мира: ПЕТРАРКА, МИКЕЛАНДЖЕЛО, МИШО, АПДАЙК, ШАГАЛ.

Документальная беллетристика

Виктор ДОС, чьи исключительно талантливые очерки об Америке и Китае уже опубликованы в нашем журнале, продолжает серию социально-психологических повествований о путешествиях в разных странах с разным настроением.

Владимир ТОКАРЕВ, академик, воздухоплаватель, почти герой, вот разве что не плотник, по-прежнему странствует по свету на корвете «Ювентус» в поисках прототипов главных действующих лиц вечных книг.

Александр ТАРАСОВ, мастер криминального очерка, рассказывает о тех ужасных случаях, о которых все вы знаете, только более подробно и пытаясь выявить причины падения нравов.

Прочие любопытные жанры

Литературная гостиная

Журнальчик

Частный ДетеЧтив

Сенсации XXI века

Спортивные размышления

Лица эпохи: от лакея до героя

Ф. СП-1

Министерство связи СССР
«Союзпечать»

71120

АБОНЕМЕНТ на журнал (индекс издания)

«ЮНОСТЬ»

(наименование издания)

Количество комплектов:

на 199 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, имя, отчество)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

71120

(индекс издания)

«ЮНОСТЬ»

(наименование издания)

Стоимость	подписчики	руб.	коп.	Количество комплектов:
переадресовки		руб.	коп.	

на 199 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, имя, отчество)

Рассказы, туры, карикатуры. Хрестоматия юмора.

Объявляется конкурс на лучшее сатирическое произведение. Победителям — три премии, ценные подарки; поощрительно — публикация в журнале.

Продолжается литературная викторина.

Продолжается творческий конкурс «Узда для Пегаса».

«Юность» —

Это больше,

чем просто

журнал, Это —

Здрава юность!

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе появляется оттиск календарного штемпеля отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресовки издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах «Роспечати».

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ-МЕСТО» производится работниками предприятий связи и «Роспечати».

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации России
Регистрационный номер 112

Учредитель — трудовой коллектив редакции журнала "Юность"

Художественный редактор Юрий ПЕТЕЛИН
Технический редактор Людмила ГУДКОВА
Фотограф номера Леонид ШИМАНОВИЧ

При перепечатке наших материалов ссылка на журнал "Юность" обязательна.
К сведению уважаемых авторов:

редакция не рецензирует рукописи и не возвращает,
а также не вступает в переписку.

Принимаются к рассмотрению первые машинописные экземпляры рукописей.
Авторы ответственны за точность цифр и дат и достоверность фактов.

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах
обращаться в издательство "Пресса" по адресу:
125865, Москва, А-137, ГСП, ул. "Правды", 24.

Формат 84Х108 1/16.

Тираж 32 400 экз. Заказ № 80
Адрес редакции: 101524, Москва, К-6, ГСП, ул. 1-я Тверская-Ямская, 2/1.

Телефон для справок: (095) 251-74-60.

Отдел рекламы: 251-05-06.

Телефакс: 251-74-60.

Телефон корпункта по Уралу и Сибири:
(342) 25-98-80 (г. Пермь).

© "ЮНОСТЬ", 1995 г.

ПРОЗА

Елена САЗАНОВИЧ

Это будет вчера...

Повесть 2

Геннадий КРАСУХИН

Два дня в сентябре.

Повествование 48

Жерар де ВИЛЬЕ

Убей Генри Киссинджера.

Окончание 70

ДОМ ПОЭТОВ

Александр МАКАРОВ-ВЕК 42

ПУБЛИЦИСТИКА

Владимир ЛИПУНОВ

Бог на кончике пера 61

Ирина МЕДВЕДЕВА

Татьяна ШИШОВА

Новые русские дети 68

К НАШЕЙ ОБЛОЖКЕ

Виктор ЛИПАТОВ

В добром городе

у грустного моря

в красном лесу 66

Игорь РЕБРОВ г. Москва.

«Воспоминания». Холст, масло.

Игорь РЕБРОВ г. Москва.
«Мир пространств». Холст, масло.

